

2024 | Том 16 | №1

ISSN 2074-9848
e-ISSN 2310-0532

2024
Т. 16
№1

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА

ОБЩЕСТВО

ГЕОПОЛИТИКА

ISSN 2074-9848
e-ISSN 2310-0532

БФУ

**БАЛТИЙСКИЙ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ИММАНУИЛА КАНТА**



БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

BALTIC REGION

2024 || Том 16 || № 1

КАЛИНИНГРАД

**Издательство Балтийского
федерального университета
им. И. Канта**

2024

12+

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

2024
Том 16
№ 1



Калининград :
Изд-во БФУ
им. И. Канта, 2024.
162 с.

Журнал основан
в 2009 году

Периодичность
ежеквартально
на русском
и английском языках

Учредители
Балтийский
федеральный
университет
им. Иммануила Канта
Санкт-Петербургский
государственный
университет

Редакция
Адрес: 236041, Россия,
Калининград,
ул. А. Невского, 14

Издатель
Адрес: 236041, Россия,
Калининград,
ул. А. Невского, 14

Типография
Адрес: 236001, Россия,
Калининград,
ул. Гайдара, 6

Выпускающий редактор
Кузнецова
Татьяна Юрьевна
tikuznetsova@kantiana.ru
<https://balticregion.kantiana.ru/>

© БФУ им. И. Канта, 2024

Редакционная коллегия

А. П. Клемешев, д-р полит. наук, проф., главный редактор, БФУ им. И. Канта (Россия); *Г. М. Федоров*, д-р геогр. наук, проф., зам. главного редактора, БФУ им. И. Канта (Россия); *Т. Ю. Кузнецова*, канд. геогр. наук, зам. главного редактора, БФУ им. Канта (Россия); *Й. фон Браун*, проф., Боннский университет (Германия); *И. М. Бусыгина*, д-р полит. наук, проф., МГИМО (У) МИД РФ (Россия); *В. В. Воронов*, д-р социол. наук, Даугавпилсский университет (Латвия); *А. Г. Дружинин*, д-р геогр. наук, проф., ЮФУ (Россия); *М. В. Ильин*, д-р полит. наук, проф., МГИМО (У) МИД РФ (Россия); *П. Йонниеми*, старший научный сотрудник, Университет Восточной Финляндии (Финляндия); *Н. В. Каледин*, канд. геогр. наук, доц., СПбГУ (Россия); *В. А. Колосов*, д-р геогр. наук, проф., Институт географии РАН (Россия); *Г. В. Кретинин*, д-р ист. наук, проф., БФУ им. И. Канта (Россия); *Ф. Лебарон*, проф. социологии, Высшая нормальная школа Париж-Сакле (Франция); *Н. М. Межевич*, д-р экон. наук, проф., Институт Европы РАН (Россия); *А. Ю. Мельвиль*, д-р филос. наук, проф., НИУ — ВШЭ (Россия); *П. Оппенхаймер*, проф., Крайст-Чёрч, Оксфордский университет (Великобритания); *Т. Пальмовский*, д-р географии, проф., Гданьский университет (Польша); *А. А. Сергунин*, д-р полит. наук, проф., СПбГУ (Россия); *Э. Спириевас*, д-р географии, проф., Клайпедский университет (Литва); *К. К. Худолей*, д-р ист. наук, проф., СПбГУ (Россия); *А. Е. Шаститко*, д-р экон. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова (Россия); *Д. Шиманска*, д-р географии, проф., Университет Николая Коперника в Торуне (Польша)

Подписной индекс 32249

Тираж 300 экз.

Дата выхода в свет 05.04.2024 г.

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-46309

от 26 августа 2011 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Политика и экономика

- Войников В. В.* Конфискация по-эстонски. Правовые и политические аспекты
возможного изъятия российских активов в странах ЕС..... 4
- Земцов С. П.* Санкционные риски и региональное развитие (на примере России) 23
- Фролова Е. В., Рогач О. В.* Новая роль кооперации в условиях экономиче-
ских санкций: оценки жителей Калининградской области..... 46
- Трунов Ф. О.* Особенности сотрудничества Германии и Литвы в конце
2010-х — начале 2020-х годов: военные и политические аспекты..... 61

Общество

- Талалаева Е. Ю., Пронина Т. С.* Модели противодействия сегрегации этно-
конфессиональных иммигрантских районов в Дании и Швеции..... 81
- Балабейкина О. А., Коробущенко В. Ю., Разумовский В. М.* Евангелическо-лю-
теранская церковь Дании: социально-экономический и территориально-орга-
низационный аспекты..... 100
- Котомина О. В., Третьякова Е. А.* Взаимосвязь развития региона и функ-
ционирования вузов (на примере Северо-Западного федерального округа)..... 117

Геополитика

- Каледин Н. В., Елацков А. Б.* Геополитическая регионализация Балтики: со-
держание и историческая динамика..... 141

КОНФИСКАЦИЯ ПО-ЭСТОНСКИ. ПРАВОВЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОЗМОЖНОГО ИЗЪЯТИЯ РОССИЙСКИХ АКТИВОВ В СТРАНАХ ЕС

В. В. Войников 

МГИМО МИД России,
119454, Россия, Москва, просп. Вернадского, 76
Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Поступила в редакцию 06.10.2023 г.
Принята к публикации 27.12.2023 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2024-1-1
© Войников В. В., 2024

Возможная конфискация российских активов со стороны стран Запада представляет один из серьезных вызовов современному международному праву и системе международных отношений. В настоящее время наибольшая часть замороженных активов находится в юрисдикции стран ЕС, поэтому исследование возможных механизмов использования российских активов в рамках ЕС представляет особую актуальность. Основная цель статьи состоит в том, чтобы выявить ключевые характеристики подходов ЕС и его государств-членов к использованию замороженных российских активов, определить их соответствие нормам и принципам международного права, а также возможные последствия для современной системы международных отношений. Для достижения поставленной цели автором проанализирована юридическая сторона данного вопроса, осуществлена проверка соответствия инициатив по изъятию российской собственности нормам современного международного права, смоделированы возможные последствия применения мер по конфискации российской собственности. Автор приходит к выводу о том, что любой из возможных вариантов изъятия суверенных активов противоречит нормам международного и национального права, поэтому невозможен в рамках существующего правового поля. Однако главное препятствие для реализации планов по изъятию российских суверенных активов лежит не в правовой, а в политической плоскости, поскольку такие действия способны привести к неконтролируемым последствиям. Предложенный Европейской комиссией механизм изъятия частной собственности в рамках уголовного процесса фактически означает использование уголовного права для решения политических задач, что не соответствует задачам уголовной политики.

Ключевые слова:

Европейский союз, Россия, суверенные активы, частная собственность, конфискация, Эстония, принцип суверенного иммунитета, международное право

Для цитирования: Войников В. В. Конфискация по-эстонски. Правовые и политические аспекты возможного изъятия российских активов в странах ЕС // Балтийский регион. 2024. Т. 16, № 1. С. 4–22.
doi: 10.5922/2079-8555-2024-1-1

Введение

В июне 2023 г. власти Эстонии сообщили о завершении разработки механизма изъятия российских активов.

Правительство Эстонии 12 октября 2023 г. одобрило законопроект о внесении изменений в акт о международных санкциях¹ и направило его на утверждение в Парламент. Согласно обнародованной информации, новый законопроект содержит национальные правила, предусматривающие возможность использования активов лиц, попавших под ограничительные меры, для компенсации ущерба Украине². Исходя из указанной информации, можно сделать вывод, что речь идет, скорее всего, о замороженных активах частных лиц, попавших под ограничительные меры. Эти активы, по оценкам эстонских властей, составляют около 38 млн евро.

Таким образом, по словам эстонских властей, Эстония может стать первой страной в ЕС, в которой на национальном уровне будет юридически закреплена мера принудительного изъятия иностранной собственности. Одновременно власти Эстонии надеются на то, что их опыт послужит примером для всего ЕС.

При этом Эстония не является первопроходцем в данном вопросе, еще раньше, в 2022 г., в Канаде были утверждены изменения в акт о специальных экономических мерах³. Согласно этим изменениям премьер-министру предоставлено право конфисковать имущество, находящееся в Канаде и принадлежащее иностранному государству, в случае грубого нарушения международного мира и безопасности или в случае существенного и систематического нарушения прав человека в иностранном государстве [1].

Обнародованная эстонским правительством информация пока не дает ясности относительно того, как именно будет работать механизм изъятия собственности в Эстонии и касается ли он суверенных активов РФ. Однако ясно, что на сегодняшний день ни одно государство пока не реализовало механизм изъятия иностранной частной и суверенной собственности на практике и не имеет четкого представления о том, каким образом это можно осуществить.

Неслучайно, что среди стран ЕС Эстония оказалась первой страной, которая заявила о готовности механизма изъятия российской собственности. Страны Балтии всегда находились в авангарде антироссийской политики и настаивали на радикальном использовании российских активов⁴ не только для нужд Украины, но и для себя. Однако эти страны практически не играют никакой роли в международной финансовой системе, объем замороженных активов незначителен, более того, в случае утраты этими странами международного доверия им практически нечего терять, поскольку объем инвестирования в их экономику незначителен.

Изъятие иностранной собственности не новое явление, такие ситуации неоднократно возникали в мировой практике [2]. Вместе с тем изъятие российских акти-

¹ International Sanctions Act, 2022, *Riigi Teataja*, URL: <https://www.riigiteataja.ee/en/eli/508032022003/consolide> (дата обращения: 12.11.2023).

² The government will send a regulation on the use of frozen Russian assets to the Riigikogu, 2023, *Republic of Estonia Government*, URL: <https://valitsus.ee/en/news/government-will-send-regulation-use-frozen-russian-assets-riigikogu> (дата обращения: 10.09.2023).

³ Special Economic Measures Act S.C. 1992, c. 17, as amended on 23 June 2022, 2023, *Government of Canada*, <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/s-14.5/page-1.html#1358046-1367626> (дата обращения: 10.07.2023).

⁴ Strupczewski, J. 2022, Exclusive: Four EU countries call for use of Russian assets to rebuild Ukraine, *Reuters*, URL: <https://www.reuters.com/world/europe/exclusive-four-eu-countries-call-use-russian-assets-rebuild-ukraine-2022-05-23/> (дата обращения: 01.10.2023).

вов имеет целый ряд особенностей, обусловленных, во-первых, статусом России как ведущей мировой державы и постоянного члена Совета безопасности ООН, и во-вторых, объемом средств, которые потенциально могут быть конфискованы.

Данные обстоятельства предопределяют особую остроту проблемы, которая требует всестороннего анализа с правовой и политической точек зрения.

Согласно экспертным оценкам, в странах ЕС заморожено около 200 млрд евро российских суверенных активов, а также около 24 млрд евро, принадлежащих частным лицам¹. Помимо этого около 40 млрд долл. США заморожено в США и около 20 млрд долл. США — в Великобритании [3]. Эти цифры базируются на отчетах ЦБ РФ, при этом страны Запада точно не знают местонахождение большинства замороженных средств.

Несмотря на внешнее единство стран Запада в вопросе санкционного давления на РФ, походы к использованию замороженных активов РФ в разных странах и их объединениях могут отличаться.

В рамках настоящей статьи будут рассмотрены правовые и политические аспекты планов ЕС по использованию российских суверенных и частных активов.

Изъятие российской собственности как элемент санкционной политики ЕС

После начала военной операции РФ на территории Украины ЕС существенно ужесточил режим односторонних ограничительных мер, введенных еще в 2014 г. [4—6].

Среди многочисленных ограничений ЕС установил запрет на любые операции, связанные с управлением резервами, а также активами Центрального банка России (ст. 5а (4) регламента № 833/2014 в редакции регламента № 2022/394)². Таким образом, если до 2022 г. заморозка активов использовалась только по отношению к частным лицам, то после февраля 2022 г. такая мера была применена и к суверенным активам.

Формально заморозка не тождественна конфискации и предполагает, что указанные активы когда-то будут возвращены своим владельцам. Однако практически сразу на различных уровнях стали звучать призывы использовать замороженные российские активы для восстановления Украины и даже для собственных нужд стран ЕС.

В ходе заседания 30—31 мая 2022 г. Европейский совет призвал изучить варианты использования замороженных российских активов для восстановления Украины (п. 13)³. В октябре 2022 г. Европейский совет призвал Комиссию представить варианты использования замороженных российских активов для восстановления Украины в соответствии с законодательством ЕС и международным правом (п. 11)⁴.

¹ EU Blocks More Than €200 Billion in Russian Central Bank Assets, 2023, *Bloomberg*, URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-05-25/eu-has-blocked-200-billion-in-russian-central-bank-assets> (дата обращения: 05.10.2023).

² Council Regulation (EU) 2022/394 of 9 March 2022 amending Regulation (EU) № 833/2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine. OJ L 81, 09.03.2022, p. 1—7, 2022, *EUR-Lex*, URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32022R0394> (дата обращения: 01.10.2023).

³ Special meeting of the European Council (30 and 31 May 2022). Brussels, 31 May 2022, *European Council*, URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/56562/2022-05-30-31-euco-conclusions.pdf> (дата обращения: 05.10.2023).

⁴ European Council meeting (20 and 21 October 2022). Conclusions, *European Council*, URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/59728/2022-10-2021-euco-conclusions-en.pdf> (дата обращения: 05.10.2023).

Вопрос изъятия российских активов в очередной раз был поднят на заседании Европейского совета 29—30 июня 2023 г., в ходе которого Совету, Высокому представителю и Комиссии было предложено продолжить работу в отношении обездвиженных активов России в соответствии с законодательством ЕС и международным правом, а также в координации с партнерами (п. 6)¹.

Таким образом, вопрос об использовании странами ЕС российских активов находится на повестке дня институтов Союза достаточно длительное время, при этом каких-либо результатов в этом вопросе достичь пока не удалось.

Проблему легализации изъятия российских активов следует поделить на две части: конфискация российских суверенных активов; конфискация денежных средств и иных активов, принадлежащих частным лицам.

Изъятие частных активов, принадлежащих российским частным лицам

Под изъятием частных российских активов следует понимать процесс конфискации имущества и денежных средств, принадлежащих российским физическим и юридическим лицам, в отношении которых приняты ограничительные меры ЕС. В соответствии с решением Совета № 2014/145/CFSP и регламентом Совета № 269/2014 в отношении целого ряда физических и юридических лиц были введены ограничения, предусматривающие помимо прочего заморозку принадлежащих им активов. Именно в отношении такого имущества планируется применять меры по принудительному изъятию у законного собственника, хотя правительство Эстонии и в данном вопросе планируют пойти дальше, распространив практику изъятия частной собственности у любых российских лиц независимо от введения в отношении них ограничений².

На уровне ЕС конфискация российских активов рассматривается прежде всего в отношении лиц, включенных в так называемые санкционные списки. В рамках шестого пакета ограничительных мер Комиссия и Верховный представитель предложили усилить ответственность за нарушение санкционного режима путем мер уголовно-правового характера, включая конфискацию имущества³, то есть при помощи введения уголовно-правовых санкций за нарушение общесоюзных ограничительных мер.

Комиссия 25 мая 2022 г. подготовила общесоюзный механизм изъятия имущества и денежных средств у частных лиц, попавших под санкции⁴. Основная идея данного механизма заключается в установлении на уровне Союза уголовной ответственности за нарушение санкций и введении в качестве одного из наказаний конфискации имущества.

¹ European Council meeting (29 and 30 June 2023) — Conclusions, *European Council*, URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/65398/2930-06-23-euco-conclusions-en.pdf> (дата обращения: 05.10.2023).

² Эстония хочет продать портовые терминалы российских компаний, 2023, *Sputnik Лумва*, URL: <https://lt.sputniknews.ru/20230628/estoniya-khochet-prodat-portovye-terminaly-rossiyskikh-kompaniy-29305239.html> (дата обращения: 01.09.2023).

³ Council Regulation (EU) 2022/880 of 3 June 2022 amending Regulation (EU) № 269/2014 concerning restrictive measures in respect of actions undermining or threatening the territorial integrity, sovereignty and independence of Ukraine (article 15 (1)). OJ L 153, 03.06.2022, p. 75—76, *EUR-Lex*, URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/880/oj> (дата обращения: 25.05.2023).

⁴ Communication from the Commission to the European Parliament and the Council towards a Directive on criminal penalties for the violation of Union restrictive measures. Brussels, 25.05.2022. COM(2022) 249 final, 2022, *EUR-Lex*, URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TX/?uri=CELEX%3A52022DC0249> (дата обращения: 25.05.2023).

Для реализации предложенного механизма Комиссия подготовила пакет, состоящий из трех законопроектов.

Первым из данных законопроектов было принято решение Совета № 2022/2332¹ о включении нарушений санкций в число наиболее тяжелых видов преступлений, имеющих трансграничный характер (нередко в западном правовом лексиконе такие преступления именуются европреступлениями (*Eurocrimes*) [7, p. 507; 8].

Согласно указанному решению нарушение ограничительных мер Союза является преступлением по смыслу второго подпараграфа ст. 83 (1) Договора о функционировании ЕС (далее — ДФЕС), то есть данное нарушение относится к категории особо тяжелых преступлений с трансграничными масштабами. Следует отметить, что после вступления в силу Лиссабонского договора это первый случай расширения числа европреступлений, предусмотренных ст. 83 (1) ДФЕС [9, p. 499].

Также Комиссия подготовила проект новой директивы о конфискации², которая должна была заменить действующую директиву № 2014/42/EU³. В отличие от директивы № 2014/42/EU новая директива о конфискации должна создать необходимую правовую основу для эффективного осуществления ограничительных мер Союза и изъятия имущества, когда это необходимо, для предотвращения, выявления или расследования уголовных преступлений, связанных с нарушением ограничительных мер Союза.

Наконец, в декабре 2022 г. Комиссия представила проект директивы об уголовной ответственности за нарушение ограничительных мер Союза⁴. Директива содержит рамочные нормы, направленные на криминализацию деяний, связанных с нарушением союзных ограничительных мер, а также формулирует ответственность за их совершение. Согласно проекту директивы к таким деяниям относятся предоставление средств и имущества лицу в нарушение режима запрета; бездействие в заморозке активов; предоставление услуг в нарушение режима запрета; разрешение на въезд в страну в нарушение установленного запрета и т. д.

Согласно ст. 10 законопроекта государства-члены принимают необходимые меры для обеспечения того, чтобы средства или экономические ресурсы, подпадающие под союзные ограничительные меры, в отношении которых указанное лицо, организация или орган совершают преступление, считаются «доходами» от преступлений для целей Директивы о конфискации. Иными словами, независимо от объективной стороны правонарушения, связанного с нарушением санкций, замороженные активы должны квалифицироваться как доходы от преступной деятельности и подлежат конфискации.

¹ Council Decision (EU) 2022/2332 of 28 November 2022 on identifying the violation of Union restrictive measures as an area of crime that meets the criteria specified in Article 83(1) of the Treaty on the Functioning of the European Union. OJ L 308, 29.11.2022, p. 18—21, 2022, *EUR-Lex*, URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dec/2022/2332/oj> (дата обращения: 25.05.2023).

² Proposal for a Directive of the Parliament and of the Council on asset recovery and confiscation Brussels, 25.05.2022. COM(2022) 245 final, 2022, *EUR-Lex*, URL: https://ec.europa.eu/home-affairs/proposal-directive-asset-recovery-and-confiscation_en (дата обращения: 25.05.2023).

³ Directive 2014/42/EU of the European Parliament and of the Council of 3 April 2014 on the freezing and confiscation of instrumentalities and proceeds of crime in the European Union. OJ L 127, 29.04.2014, p. 39—50, 2022, *EUR-Lex*, URL: <http://data.europa.eu/eli/dir/2014/42/oj> (дата обращения: 05.07.2023).

⁴ Proposal for a Directive of the Parliament and of the Council on the definition of criminal offences and penalties for the violation of Union restrictive measures. COM/2022/684 final, 2022, *EUR-Lex*, URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52022PC0684> (дата обращения: 05.07.2023).

Таким образом, была подготовлена правовая основа для легальной конфискации имущества и денежных средств у частных субъектов. Исходя из предложенной Комиссией схемы, условиями для конфискации частных активов, принадлежащих российским лицам, являются, во-первых, факт введения ограничительных мер в отношении собственника указанного имущества и во-вторых, совершение указанным или иным лицом деяний, связанных с нарушением санкционного режима.

При анализе представленного Комиссией пакета законопроектов следует обратить внимание на следующие обстоятельства.

Согласно устоявшейся мировой практике конфискация как мера уголовно-правового характера применяется в отношении имущества или денег, которые выступали орудием совершения преступлений или получены в результате совершения преступных деяний. На момент заморозки активов физические лица, в отношении которых приняты соответствующие ограничительные меры, никаких правонарушений не совершили.

Положения ст. 10 Директивы об уголовной ответственности за нарушение ограничительных мер Союза, согласно которой государства-члены должны обеспечить квалификацию «замороженного имущества» в качестве дохода от преступной деятельности, представляются весьма спорными, поскольку они способны привести к существенному ущемлению прав физических лиц, попавших под санкции. Данное императивное требование со стороны Союза к государствам-членам подрывает основы института конфискации, превращая его из меры уголовно-правового характера в инструмент политического воздействия. В целом предложенная схема изъятия частного имущества вызывает ряд вопросов, касающихся защиты права собственности и процессуальных прав [10].

Анализ всего пакета законопроектов позволяет прийти к выводу о том, что конфискацию имущества в уголовном процессе планируют применять для решения политических задач, связанных с изъятием имущества и денег у российских лиц, и направления их на финансирование военной кампании на Украине. Однако уголовное право ни при каких обстоятельствах не должно использоваться для достижения политических целей [9, р. 499].

Кроме того, в силу ст. 83 (1) ДФЕС Союзу предоставлено право осуществлять гармонизацию уголовно-правовых норм только в отношении особо тяжких преступлений, имеющих трансграничный характер. При этом криминализация тех или иных деяний оправдана только тогда, когда все другие варианты достижения целей правового регулирования исчерпаны [11], то есть криминализация должна быть подчинена принципу *ultima ratio* [12]. В рассматриваемом случае предложение о криминализации деяний, связанных с нарушением ограничительных мер, вряд ли соответствует данному принципу. В иной политической ситуации нарушение санкционного режима с трудом можно было бы отнести к категории тяжких трансграничных преступлений наряду с терроризмом, незаконным оборотом наркотиков, торговлей людьми и т. д. Тем более что в настоящее время большинство стран мира вообще не рассматривают нарушение режима санкций в качестве уголовно наказуемого деяния. Столь быстрое принятие Советом решения о включении нарушений санкций в число наиболее тяжких видов преступлений, имеющих трансграничный характер, свидетельствует о чрезвычайной политизации предложенного механизма.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что подготовка рассмотренного выше пакета законопроектов направлена главным образом не на совершенствование уголовного права ЕС [13; 14], а на легализацию механизма принудительного изъятия российской частной собственности, находящейся в юрисдикции стран ЕС.

При анализе предложенного Комиссией механизма изъятия российской частной собственности следует также обратить внимание еще на одно обстоятельство. Традиционно ограничительные меры выступали в основном инструментом общей

внешней политики и политики безопасности. Однако сейчас для обеспечения реализации санкционной политики на союзном уровне используются инструменты, разработанные в области правового сотрудничества по уголовным делам [15]. Таким образом, санкционная политика ЕС постепенно выходит за рамки общей внешней политики и политики безопасности, проникая в другие направления политики ЕС.

Использование суверенных активов РФ

Применительно к рассматриваемому вопросу под суверенными активами понимаются средства, являющиеся составной частью международных резервов Российской Федерации и размещенные на территории иностранных государств. В первую очередь речь идет о средствах, которые были инвестированы Центральным банком России в иностранные финансовые активы.

Как было отмечено выше, в марте 2022 г. Совет ЕС принял регламент о запрете на любые операции, связанные с управлением резервами, а также активами Центрального банка России. Иными словами, активы Центрального банка России, находящиеся в юрисдикции стран ЕС, были заморожены. Именно замороженные активы Центрального банка России рассматриваются властями ЕС и государств-членов в качестве объекта возможной конфискации.

Несмотря на длительное обсуждение указанного вопроса, на сегодняшний день и на политическом, и на экспертном уровне отсутствует общий подход к конфискации или иному использованию замороженных российских активов. Ряд исследователей придерживается позиции о наличии юридических путей изъятия российской собственности [16], другие эксперты считают, что такая мера противоречила бы нормам международного права [17, р. 15] или что существуют серьезные юридические препятствия для ее реализации [18].

Внутри Союза есть консенсус относительно того, что Россия должна понести финансовую ответственность за ущерб, причиненный в результате военных действий на Украине. Однако различные государства-члены и институты ЕС расходятся в вопросе о том, можно ли для этих целей использовать российские суверенные активы, и если можно, то каким образом это реализовать.

Анализируя текущую дискуссию по данному вопросу, можно выделить два основных подхода: радикальный и компромиссный.

Радикальный подход предполагает единовременное обращение в свою собственность всех выявленных российских суверенных активов для последующей передачи Украине — формально для восстановления страны. Сторонниками данного подхода традиционно выступают государства — члены ЕС, представляющие так называемый «антироссийский блок»: Польша, страны Балтии, включая Эстонию, некоторые другие страны. Тем не менее сторонники радикального подхода также пока не нашли универсальный способ изъятия российской суверенной собственности.

Компромиссный вариант использования российской суверенной собственности был предложен чиновниками Европейской комиссии. В соответствии с поручением Европейского совета 30 ноября 2022 г. Европейская комиссия представила свой план по использованию замороженных суверенных активов РФ. Согласно позиции Комиссии законные пути для конфискации российских суверенных активов отсутствуют, в связи с чем государствам-членам придется вернуть все находящиеся у них средства, принадлежащие РФ. При этом Комиссия предлагает разделить решение вопроса об использовании российских активов на два этапа.

На первом этапе в краткосрочной перспективе Комиссия предлагает инвестировать активы Центрального банка России для получения процентного дохода, который может быть направлен на восстановление Украины.

В дальнейшем, после мирного разрешения конфликта на Украине и отмены ограничительных мер, российские активы необходимо будет вернуть России. При этом ЕС считает, что мирное разрешение конфликта должно предусматривать обязательство РФ по возмещению причиненного ущерба¹. Иными словами, по мнению ЕС, доступ России к замороженным активам должен быть предоставлен при условии возмещения Украине ущерба, причиненного в результате военных действий.

Таким образом, оба подхода предполагают, что Россия фактически не сможет воспользоваться своими активами, находящимися в юрисдикции стран ЕС.

Разница между этими подходами состоит в том, что при реализации радикального сценария страны Запада обращают активы РФ в свою собственность, а затем передают ее в распоряжение Украины (либо оставляют в своем распоряжении и используют для помощи Украине). Во втором случае страны ЕС обращают в свою собственность доходы от использования российских активов, а в долгосрочной перспективе разблокируют доступ России к ее активам для последующего направления их в пользу Украины.

Правовые основания для возможного изъятия российской суверенной собственности

Сама по себе возможность конфискации одним государством имущества и денежных средств, принадлежащих другому государству, вызывает серьезные сомнения с точки зрения соответствия нормам международного права [19].

В первую очередь необходимо отметить, что конфискация активов представляет собой процедуру принудительного изменения собственника того или иного имущества. Для того чтобы эта процедура состоялась, необходимо соответствующее юридическое основание. Согласно позиции сторонников изъятия российских суверенных активов конфискация направлена на возмещение ущерба, причиненного действиями РФ в результате вооруженного конфликта на Украине. Таким образом, в данном случае речь идет о репарации [20, с. 64]. Вместе с тем для осуществления репарации необходимо согласие государства, выраженное в международном договоре или ином документе, либо решение органа, с юрисдикцией которого согласны участники репарации. В настоящий момент таким органом выступает Совет безопасности ООН. Ни договора, предусматривающего возмещение ущерба, ни решения Совета безопасности ООН в данном случае нет.

На сегодняшний день на международном уровне высказывания о необходимости возмещения вреда, причиненного Украине со стороны РФ в результате вооруженного конфликта, содержатся в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 14 ноября 2022 г. № ES-11/5². Однако формально резолюции Генеральной Ассамблеи ООН не обладают обязательной силой. Кроме того, требование о полном возмещении ущерба со стороны России было заявлено Украиной в рамках иска против РФ по Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него³. Указанное дело в настоящее время находится в стадии разбирательства.

¹ Ukraine: Commission presents options to make sure that Russia pays for its crimes, 2022, European Commission, URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_22_7311 (дата обращения: 10.04.2023).

² Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 14 ноября 2022 г. № ES-11/ 5. Содействие осуществлению правовой защиты и обеспечению возмещения ущерба в связи с агрессией против Украины, 2020, *Объединенные нации. Цифровая библиотека*, URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3994481?ln=ru> (дата обращения: 11.11.2023).

³ Allegations of Genocide under the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Ukraine v. Russian Federation), 2023, *International Court of Justice*, URL: <https://www.icj-cij.org/case/182> (дата обращения: 05.10.2023).

Одностороннее изъятие одной страной активов, принадлежащих другой стране, может происходить в ситуациях, когда указанные страны находятся в состоянии войны, однако ни государства — члены ЕС, ни иные страны Запада в состоянии войны с РФ не находятся [17, р. 31].

Сторонники конфискации российских суверенных активов нередко ссылаются на положения Статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния 2001 г., подготовленные Комиссией международного права ООН (далее — Статьи об ответственности государств) [21], а именно — на положения, касающиеся применения пострадавшей страной в отношении ответственного государства контрмер (ст. 48)¹. Вместе с тем основная идея контрмер заключается в том, чтобы побудить целевое государство соблюдать свои международно-правовые обязательства [22, р. 395—396]. Иными словами, контрмеры — это меры принуждения государства-правонарушителя к выполнению обязанности [23, с. 104]. Важными свойствами контрмер выступают их обратимость и временный характер, то есть контрмеры подлежат отмене, как только восстанавливаются нарушенные права пострадавшей стороны. По своей правовой природе конфискация активов является мерой ответственности, а не принуждения, она не обладает таким свойством, как обратимость. В связи с этим возможная конфискация российских суверенных активов также не может быть квалифицирована как контрмера, предусмотренная статьями об ответственности государств.

При анализе правовой стороны возможного изъятия российской суверенной собственности со стороны стран ЕС следует отметить еще одно обстоятельство. Европейский союз в лице своих политических институтов достаточно активно участвует в обсуждении указанных вопросов. Однако ЕС как интеграционное объединение не обладает достаточной компетенцией в данной сфере. Российские международные резервы размещены не в ЕС, а в определенных государствах-членах.

Союз осуществляет свою деятельность исходя из принципа делегированных полномочий. При этом государства-члены не предоставляли и не могли предоставить Союзу полномочия по принудительному изъятию чужой суверенной собственности. Следовательно, указанные вопросы относятся к компетенции государств-членов.

Согласно данным ЦБ РФ, на конец 2021 г. более четверти всех активов ЦБ РФ в иностранной валюте и золоте были размещены в трех государствах ЕС: Германии, Франции и Австрии². Таким образом, около половины всех замороженных суверенных активов расположено именно в этих трех странах. В остальных странах ЕС размер российских активов является незначительным. Следовательно, юридически решение о возможной конфискации российских активов будет приниматься указанными странами, а не институтами ЕС. Участие Европейской комиссии в обсуждении вопроса изъятия российской собственности, скорее всего, имеет целью демонстрацию ее активной роли, а также координацию решений, принимаемых на национальном уровне.

Конфискация и принцип суверенного иммунитета

Одним из основных международно-правовых препятствий для изъятия иностранной суверенной собственности выступает принцип суверенного иммунитета.

¹ Доклад комиссии международного права. Пятьдесят третья сессия (23 апреля — 1 июня и 2 июля — 10 августа 2001 г.), 2001, *Организация объединенных наций*, URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/responsibility.pdf (дата обращения: 05.10.2023).

² Годовой отчет Банка России за 2021 год, 2022, *Банк России*, URL: http://cbr.ru/Collection/Collection/File/40915/ar_2021.pdf (дата обращения: 22.11.2023).

По принципу равноправия ни одно государство не может осуществлять свои властные полномочия в отношении другого государства, его органов и собственности [24, с. 49].

В случае изъятия иностранной собственности фактически одно суверенное государство обращает в свою собственность активы, принадлежащие другому суверенному государству. Речь идет о межгосударственной конфискации, которая принципиальным образом отличается от конфискации в рамках уголовного процесса. В уголовно-процессуальной сфере решение о конфискации имущества у гражданина принимается от имени государства, при этом гражданин независимо от его статуса изначально берет на себя обязательство подчиняться законам и решениям государства. Иными словами, в сфере уголовной политики участниками конфискации выступают юридически неравноправные субъекты, поскольку государство по отношению к гражданину обладает властными полномочиями. В международных отношениях ни одно государство не имеет по отношению к другому властных полномочий, поэтому межгосударственная конфискация сама по себе исключена.

С целью защиты государства от негативного воздействия со стороны других стран в рамках международного права получил развитие принцип суверенного (государственного) иммунитета [25], который, в свою очередь, базируется на принципе суверенного равенства [26, р. 407]. Согласно широко распространенной точке зрения принцип суверенного иммунитета относится к нормам обычного международного права (*The customary international law*) [27].

В общем виде под государственным иммунитетом следует понимать право государства не подчиняться всем видам юрисдикции иностранного государства (законодательной, исполнительной и судебной) [28, с. 114]. Принцип суверенного иммунитета получил свое закрепление в Конвенции ООН о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности¹, которая до настоящего времени пока не вступила в законную силу. Данная конвенция предусматривает как судебный иммунитет, так и иммунитет от любых принудительных мер в связи с разбирательством в суде (иммунитет от взыскания) [29].

Принцип суверенного иммунитета представляет собой достаточно сложную категорию международного права. Несмотря на универсальный характер, данный принцип по-разному применяется в различных странах мира. Можно выделить несколько видов суверенного иммунитета, а также несколько подходов к суверенному иммунитету, которые применяются в тех или иных государствах. Относительно иммунитета активов центральных банков следует отметить, что многие страны мира, включая Францию и Германию, где сосредоточены основные замороженные активы ЦБ РФ на территории ЕС, придерживаются концепции практически абсолютного иммунитета или по крайней мере двигаются в этом направлении [30, р. 24].

Применительно к целям настоящей статьи следует отметить, что принцип суверенного иммунитета выступает одним из ключевых правовых препятствий для реализации плана по изъятию российских государственных активов. При этом проблема суверенного иммунитета возникает как в случае реализации радикального способа использования российских активов, так и в случае с компромиссным вариантом.

Как было указано выше, Европейская комиссия предлагает направлять на помощь Украине не активы РФ, а только проценты, полученные от их инвестирования.

¹ Конвенция ООН о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности. Принята резолюцией 59/38 Генеральной Ассамблеи от 2 декабря 2004 г., 2004, *Организация Объединенных Наций*, URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/state_immunities.shtml (дата обращения: 05.06.2023).

Однако доходы от использования имущества принадлежат собственнику данного имущества. Таким образом, в данной ситуации происходит двойное нарушение права собственности: во-первых, посредством неправомерного использования активов для целей инвестирования без согласия собственника, и во-вторых, посредством лишения права собственности на доходы от использования имущества. Более того, в случае неудачного инвестирования российских активов государства — члены ЕС (Германия, Франция и Австрия) будут нести риск потери или уменьшения актива.

Некоторые эксперты полагают, что в рассматриваемой ситуации имеются основания не применять принцип суверенного иммунитета в отношении активов ЦБ РФ, поскольку Конвенция ООН о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности не вступила в силу, кроме того, данный принцип защищает от национальных судов, но не от международных, и тем более он не защищает от односторонних административных актов [31].

Вместе с тем, как уже отмечалось выше, концепция суверенного иммунитета относится к нормам обычного международного права [32; 33] и действует независимо от вступления в силу Конвенции 2004 г. Во-вторых, согласно судебной практике данная концепция имеет более широкое применение и распространяется не только на национальные суды¹. В отношении односторонних административных актов следует обратиться к официальному комментарию Комиссии международного права (КМП) проекта статьи о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности. КМП отметила, что понятие «судебная функция» (judicial function) охватывает функции независимо от того, осуществляются ли они судами или административными органами². Таким образом, в контексте применения иммунитета от юрисдикции судов другого государства некоторые решения административных органов могут быть квалифицированы как судебные, тем более, если они касаются лишения права собственности [17, р. 24].

Более того, государство не обязано подчиняться и актам международных органов, членом которого оно не является и чью юрисдикцию не признает. В случае учреждения ЕС, США или иными странами специального международного трибунала его решения не будут иметь никакой обязательной силы для РФ и большинства стран мира. Даже если удастся привлечь к работе потенциального трибунала значительное число государств, это не позволит сделать трибунал «международным» [3], а его решения обязательными, если только государство не согласится на его юрисдикцию.

Иными словами, суверенный иммунитет предполагает право государства не подчиняться любым актам иностранного государства, включая судебные, административные или законодательные, а также актам межгосударственных объединений, членами которых оно не является.

Нельзя согласиться с тем, что иммунитеты предоставляются международным правом только в связи с межгосударственными отношениями и в ходе разбирательств в национальных судах. Иммунитет предоставляется для предотвращения неправомерного вмешательства иностранных государств в дела других государств и осуществления судебной юрисдикции над другим государством в обстоятельствах, когда оно не дало на это согласия. При этом не имеет никакого значения,

¹ Jurisdictional Immunities of the State (Germany v. Italy: Greece intervening), Judgment, I.C.J. Reports 2012, (par. 113) p. 99, 2012, *International Court of Justice*, URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/143/143-20120203-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 07.06.2023).

² Yearbook of the International Law Commission. 1991. Volume II. Part Two Report of the Commission to the General Assembly on the work of its forty-third session, p. 14, 2012, *United Nations Office of Legal Affairs*, URL: https://legal.un.org/ilc/publications/yearbooks/english/ilc_1991_v2_p2.pdf (дата обращения: 19.11.2023).

осуществляют ли иностранные государства эту юрисдикцию в одностороннем порядке или через коллективный орган, на что заинтересованное государство не дало согласия [26, p. 417].

Возможные последствия принудительного изъятия российской собственности

Принцип суверенного иммунитета, а также иные сложности международно-правового характера представляют собой не единственное препятствие для использования российской собственности. Вполне очевидно, что заинтересованные государства могут попытаться обосновать необходимость изъятия российских суверенных активов исключительным характером конфликта на Украине, осуществить мероприятия в рамках коллективной самообороны и т.д. Тем более в последнее время в рамках международных отношений существенно расширились формы и виды односторонних экономических мер [34, p. 407]. Эксперты предлагают различные пути преодоления существующих международно-правовых ограничений [35, p. 53—56].

Таким образом, ограничения, вытекающие из действующего международного права, не являются ключевым препятствием на пути реализации плана по конфискации российских активов.

Думается, что основная причина сомнений ЕС в возможности принудительного изъятия российской собственности заключается в опасении перед возможностью негативных последствий, которые может вызвать беспрецедентная конфискация крупных суверенных активов, тем более у такой влиятельной страны, как Россия.

Несмотря на попытки отдельных стран продвинуться в вопросе изъятия российской собственности, вряд ли такое решение может быть принято на национальном уровне. В текущей ситуации экстраординарные меры по конфискации российской собственности могут быть приняты только коллективно под руководством США. США в то же время проявляют особую осторожность в данном вопросе, поскольку правовая защита иностранных активов, включая активы центральных банков, выступает в качестве основы той роли, которую играют США в мировой экономике. Девальвация такой защиты способна подорвать экономику США, а также существенно снизить их экономическую роль и экономические ресурсы в мире [36].

Как уже отмечалось выше, большая часть замороженных активов РФ сосредоточена во Франции, Германии и Австрии. Экономика этих стран, наряду с США, Великобританией, Канадой и Японией, которые также приняли решение о заморозке российских активов, отчасти базируется на привлечении иностранных активов. При этом инвесторами нередко выступают частные и публичные лица из стран, в отношении которых потенциально могут быть приняты экономические меры, аналогичные тем, что применялись в отношении России. Соответственно, для таких стран и представителей их частного бизнеса вложения в западную экономику перестанут быть безопасными. Уже сейчас на фоне усиления санкционного давления на Россию наблюдается процесс оттока активов из западных юрисдикций¹. Все это вызывает у западных стран беспокойство относительно того, смогут ли они в дальнейшем привлекать активы иностранных центральных банков [37, p. 15].

Даже если конфискация суверенных активов будет оправдана в качестве контрмеры или формы коллективной самообороны, это может повлечь за собой такие

¹ Jones, M. 2023, Countries repatriating gold in wake of sanctions against Russia, study find, *Reuters*, URL: <https://www.reuters.com/business/finance/countries-repatriating-gold-wake-sanctions-against-russia-study-2023-07-10/> (дата обращения: 05.06.2023).

политические последствия, как ответные меры, потерю веры в транснациональную защиту прав собственности и дальнейшее превращение мировой финансовой системы в оружие для противостояния с теми или иными странами [3].

Нельзя забывать еще об одном обстоятельстве. Ряд зарубежных исследователей настаивает на применении к вопросу о конфискации российских активов исключений из норм международного права ввиду наличия экстраординарной международной ситуации. Однако, к сожалению, ничего экстраординарного в конфликте на Украине нет. В последние десятилетия в мире происходило и происходит множество международных вооруженных конфликтов, инициированных странами Запада со значительно более серьезными последствиями и гораздо большим числом жертв. Разработка международного механизма возмещения ущерба в пользу одной из сторон конфликта повлечет за собой требования со стороны целого ряда государств компенсации с США, Великобритании, Франции, Бельгии и иных стран за причиненный ущерб. Наконец, это еще больше вдохновит Польшу в ее намерении взыскать компенсацию с ФРГ за ущерб, причиненный во время Второй мировой войны.

Таким образом, препятствия для конфискации российских суверенных активов лежат скорее не в правовой, а в политической плоскости. Более того, в новейшей практике международного правосудия известны случаи успешного оспаривания односторонних действий, связанных с ограничением права собственности. В частности, речь идет о решении международного суда ООН от 30 марта 2023 г.¹, в соответствии с которым был признан факт нарушения со стороны США своих международно-правовых обязательств в связи как с заморозкой активов некоторых иранских компаний (п. 157, 159), так и их изъятием без справедливой компенсации (п. 187, 192). Кроме того, суд обязал США выплатить компенсацию². Данное решение не затрагивало суверенные активы, поскольку суд пришел к выводу об отсутствии у него соответствующей компетенции. Однако указанный судебный акт в целом подтверждает тезис о незаконности односторонних нарушений права собственности иностранных субъектов.

Есть еще одна проблема практического характера, связанная с возможностью конфискации российских активов. Для успешной реализации указанных действий необходима точная информация о нахождении активов ЦБ РФ, однако, как уже упоминалось выше, до сих пор страны ЕС такой информацией не располагают [37, р. 15]. По этой причине представители ЕС и стран G7 начинают склоняться к стратегии, согласно которой российские активы вместо конфискации будут удерживаться до тех пор, пока РФ не согласится на компенсацию Украине. Иными словами, наряду с радикальным и компромиссным вариантами использования российских активов появляется так называемый «осторожный».

Заключение

Конфискация российских активов представляет собой сложную политико-правовую проблему. ЕС наряду с США, Канадой, Великобританией и иными странами выступает в качестве одного из ключевых инициаторов указанной идеи. При этом в

¹ Certain Iranian assets (Islamic republic of Iran v. United States of America). Judgment of International Court of Justice of 30 March 2023, 2023, *International Court of Justice*, URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/164/164-20230330-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 05.10.2023).

² Пименова С. 2023, Поражение США в Международном суде ООН: дело об иранских активах, *Zakon.ru*, URL: https://zakon.ru/blog/2023/4/7/porazhenie_ssha_v_mezhdunarodnom_sude_oon_delo_ob_iranskih_aktivah (дата обращения: 20.11.2023).

рамках ЕС наблюдается многоуровневая дискуссия, поскольку обсуждение проблемы конфискации российских активов осуществляется на уровне как самого Союза, так и отдельных государств-членов.

На сегодняшний момент конфискация российских активов представляет собой лишь идею, которая на протяжении длительного времени вызывает неоднозначную реакцию со стороны экспертного сообщества, поскольку на пути достижения заявленной цели возникает ряд препятствий юридического и политического характера.

Проблема изъятия российской собственности имеет два измерения: изъятие частной собственности, принадлежащей российским физическим и юридическим лицам, и изъятие суверенной собственности. В отношении частной собственности предложен механизм, предусматривающий конфискацию активов в качестве меры уголовной ответственности. Однако для его применения необходим факт совершения уголовно наказуемого деяния, связанного с нарушением санкционного режима. В текущей ситуации далеко не всегда в отношении замороженного имущества будут предприниматься действия, направленные на обход санкций. Поэтому предложенный Комиссией механизм является половинчатым с точки зрения сторонников подхода, основанного на желании обратиться взыскание на все российские подсанкционные активы, находящиеся в юрисдикции стран ЕС.

Что касается суверенных активов, то здесь ситуация оказалась значительно более сложной. Во-первых, в данном вопросе ЕС придется следовать в русле общей «западной» политики, координируемой со стороны США [19, р. 2]. Во-вторых, пока у ЕС отсутствует понимание того, каким образом преодолеть существующие препятствия правового характера. В-третьих, изъятие российских суверенных активов может повлечь за собой неконтролируемое развитие ситуации и, как следствие, существенные политические и экономические издержки для ведущих стран ЕС, а также «западного мира». По этой причине ни со стороны ЕС, ни со стороны его ближайших союзников нет решения по вопросу использования российских суверенных активов. При этом страны Запада планируют и далее удерживать российские активы с тем, чтобы лишить Россию доступа к своим ресурсам, необходимым для продолжения военной операции, а также для того, чтобы использовать замороженные активы в качестве важного козыря в рамках будущего мирного разрешения конфликта.

Что касается инициатив небольших стран, вроде Эстонии, то, возможно, они попытаются принять какие-то самостоятельные меры по конфискации российских активов без каких-либо ощутимых последствий для мировой финансовой системы. Однако такие меры, скорее всего, будут рассматриваться в качестве пробных действий для определения возможной реакции и последствий.

Список литературы

1. Тимофеев, И. 2023, Санкции и конфискация российской собственности. Первый опыт, 11.01.2023, *РСМД*, URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sanktsii-i-konfiskatsiya-rossiyskoy-sobstvennosti-pervyy-opyt/> (дата обращения: 05.10.2023).
2. Boyle, A. 2022, Why Proposals for U.S. to Liquidate and Use Russian Central Bank Assets Are Legally Unavailable, April 18, 2022, *Just Security*, URL: <https://www.justsecurity.org/81165/why-proposals-for-u-s-to-liquidate-and-use-russian-central-bank-assets-are-legally-unavailable/> (дата обращения: 04.10.2023).
3. Runde, E. 2023, Why the European Commission's Proposal for Russian State Asset Seizure Should be Abandoned, March 23, 2023, *Just Security*, URL: <https://www.justsecurity.org/85661/why-the-european-commissions-proposal-for-russian-state-asset-seizure-should-be-abandoned/> (дата обращения: 05.09.2023).

4. Voynikov, V. V. 2022, EU Anti-Russian Sanctions (Restrictive Measures): Compliance with International Law, *Her. Russ. Acad. Sci.*, vol. 92 (Suppl 7), p. S636—S642, <https://doi.org/10.1134/S1019331622130111>
5. Тимофеев, И. Н. 2022, Сомнительная эффективность? Санкции против России до и после февраля, *Россия в глобальной политике*, т. 20, № 4, с. 136—152, <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2022-20-4-136-152>
6. Giumelli, F., Hoffmann, F., Książczaková, A. 2021, The when, what, where, and why of European Union sanctions, *European Security*, vol. 30, № 1, p. 1—23, <https://doi.org/10.1080/09662839.2020.1797685>
7. Klimek, L. 2017, Mutual Recognition of Judicial Decisions in European Criminal Law. Cham, Springer, 742 p., <https://doi.org/10.1007/978-3-319-44377-5>
8. Peršak, N. 2022, Criminalising Hate Crime and Hate Speech at EU Level: Extending the List of Eurocrimes Under Article 83 (1) TFEU, *Crim Law Forum*, vol. 33, p. 85—119, <https://doi.org/10.1007/s10609-022-09440-w>
9. Sakellaraki, A. 2022, EU Asset Recovery and Confiscation Regime — Quo Vadis? A First Assessment of the Commission’s Proposal to Further Harmonise the EU Asset Recovery and Confiscation Laws. A Step in the Right Direction?, *New Journal of European Criminal Law*, vol. 13, № 4, p. 478—501, <https://doi.org/10.1177/20322844221139577>
10. Dornbierer, A. 2023, *Working Paper 42: From sanctions to confiscation while upholding the rule of law*, Basel Institute on Governance, URL: <https://baselgovernance.org/publications/wp-42> (дата обращения: 05.10.2023).
11. Jareborg, N. 2005, Criminalization as Last Resort (Ultima Ratio), *Ohio State Journal of Criminal Law*, vol. 2, № 2, p. 521—534.
12. Karsai, K. 2013, Ultima ratio and subsidiarity in the European Criminal Law, *Forum: Acta Juridica et Politica*, vol. 3, № 1, p. 53—63.
13. Weyembergh, A., Wiczorek, I. 2016, Is there an EU Criminal Policy? In: Colson, R., Field, S. (eds.), *EU Criminal Justice and the Challenges of Diversity. Legal Culture in the Area of Freedoms, Security and Justice*, Cambridge University Press, p. 29—47, <https://doi.org/10.1017/CBO9781316156315.003>
14. Satzger, H. 2018, *International and European criminal law*, Baden-Baden, Nomos, 342 p., <https://doi.org/10.5771/9783845236186>
15. Olsen, K. B., FASTERKJÆR, K. S. 2022, Strict and Uniform: Improving EU Sanctions Enforcement. (DGAP Policy Brief, 29), Berlin: Forschungsinstitut der Deutschen Gesellschaft für Auswärtige Politik e.V, URL: <https://www.ssoar.info/ssoar/handle/document/85171> (дата обращения: 05.10.2023).
16. Moiseienko, A. 2023, Sanctions, Confiscation, and the Rule of Law, *Groupe d'études géopolitiques*, URL: <https://geopolitique.eu/en/articles/sanctions-confiscation-and-the-rule-of-law/> (дата обращения: 05.10.2023).
17. Brunk, I. 2023, Central Bank Immunity, Sanctions, and Sovereign Wealth Funds, *George Washington Law Review*, vol. 91, № 6, p. 1616—1660.
18. Achermann, K. F. 2022, Völkerrechtliche Grundlagen und Hürden für eine Einziehung russischer Gelder und wirtschaftlicher Ressourcen, *sui generis*, <https://sui-generis.ch/article/view/sg.213>
19. Stephan, P. V. 2022, Seizing Russian assets, *Capital Markets Law Journal*, vol. 17, № 3, p. 276—287, <https://doi.org/10.1093/cmlj/kmac014>
20. Колосов, Ю. М. *Ответственность в международном праве*. 2-е изд., стер. М., Статут, 2014, 224 с.
21. Zelikow, P. 2022, A legal approach to the transfer of Russian assets to rebuild Ukraine, *Lawfare*, URL: <https://www.lawfaremedia.org/article/legal-approach-transfer-russian-assets-rebuild-ukraine> (дата обращения: 22.07.2023).
22. Azaria, D. 2022, Trade countermeasures for breaches of international law outside the WTO, *International & Comparative Law Quarterly*, vol. 71, № 2, p. 389—423, <https://doi.org/10.1017/S0020589322000057>

23. Боклан, Д., Боклан, О., Смбалян, А. 2016, Значение Статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния для защиты интересов сторон при разрешении споров в рамках ВТО, *Международное правосудие*, № 4 (20), с. 99—113.

24. Кравченко, О. И. 1998, Юрисдикционный иммунитет государства: абсолютный или ограниченный?, *Белорусский журнал международного права и международных отношений*, № 1, с. 48—54.

25. Zilber, N.A. 1956, International Law: Sovereign Immunity: Seizure of Property under Restrictive Immunity Doctrine, *Michigan Law Review*, vol. 54, № 7, p. 1008—1011, <https://doi.org/10.2307/1285396>

26. Akande, D. 2004, International Law Immunities and the International Criminal Court, *The American Journal of International Law*, vol. 98, № 3, p. 407—433, <https://doi.org/10.2307/3181639>

27. Verdier, P.-H., Voeten, E. 2014, Precedent, compliance, and change in customary International law: an explanatory theory, *The American Journal of International Law*, vol. 108, № 3, p. 389—434, <https://doi.org/10.5305/amerjintlaw.108.3.0389>

28. Мальцев, В. А., Элязян, А. Ш. 2023, Иммунитет государства: доктрины, виды и современные проблемы, *Вестник Российской университета кооперации*, № 1 (51), с. 114—120. EDN: DZSPHM

29. Brunk, I.W. 2022, Does Foreign Sovereign Immunity Apply to Sanctions on Central Banks?, *Lawfare*, URL: <https://www.lawfaremedia.org/article/does-foreign-sovereign-immunity-apply-sanctions-central-banks> (дата обращения: 23.11.2023).

30. Wuert, I. 2019, Immunity from Execution of Central Bank Assets. In: Ruys, T., Angelet, N., Ferro, L. (eds.), *The Cambridge Handbook of Immunities and International Law*, Cambridge University Press, p. 266—284, <https://doi.org/10.1017/9781108283632.014>

31. Ripenko, A. 2023, Should Third States Follow Ukraine's Lead and Confiscate Russian State Assets?, *Völkerrechtsblog*, <https://doi.org/10.17176/20230619-110941-0>

32. Исполинов, А. 2023, Риски современного международного обычая и пути их минимизации, *Международное правосудие*, № 2 (46), с. 70—91.

33. Попов, Е. В. 2019, Доктрина суверенного иммунитета и суверенные фонды: вызовы международной практики, *Сравнительная политика*, № 3, с. 133—147, <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2019-10035>

34. Vidigal, G. 2023, The Unilateralization of Trade Governance: Constructive, Reconstructive, and Deconstructive Unilateralism, *Legal Issues of Economic Integration*, vol. 50, № 1, p. 1—12.

35. Moiseienko, A. 2022, Frozen Russian Assets and the Reconstruction of Ukraine. Legal Options, *World Refugee & Migration Council*, URL: <https://www.wrmcouncil.org/wp-content/uploads/2022/07/Frozen-Russian-Assets-Ukraine-Legal-Options-Report-WRMC-July2022.pdf> (дата обращения: 22.07.2023).

36. Anderson, S.R., Keitner, C. 2022, The Legal Challenges Presented by Seizing Frozen Russian Assets, *Lawfare*, URL: <https://www.lawfareblog.com/legal-challenges-presented-seizing-frozen-russian-assets> (дата обращения: 18.07.2023).

37. Kamminga, M.T. 2023, Confiscating Russia's Frozen Central Bank Assets: A Permissible Third-Party Countermeasure?, *Netherlands International Law Review*, vol. 70, p. 1—17, <https://doi.org/10.1007/s40802-023-00231-7>

Об авторе

Вадим Валентинович Войников, доктор юридических наук, профессор, кафедра интеграционного права и прав человека, МГИМО МИД России, России; профессор, ОНК Институт управления и территориального развития, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: voinicov@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1495-3227>



CONFISCATION ESTONIAN STYLE: LEGAL AND POLITICAL ASPECTS OF POTENTIAL SEIZURE OF RUSSIAN ASSETS IN EU COUNTRIES

V. V. Voynikov 

MGIMO-University,
76 Vernadsky Ave., Moscow, 119454, Russia
Immanuel Kant Baltic Federal University,
14 A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236106, Russia

Received 06 October 2023
Accepted 27 December 2023
doi: 10.5922/2079-8555-2024-1-1
© Voynikov, V. V., 2024

The possible confiscation of Russian assets by Western countries is one of the serious challenges to modern international law and the system of international relations. Since the greater part of the frozen assets is under the jurisdiction of EU countries, special attention should be paid to studying mechanisms for the use of Russian assets within the EU. The purpose of this article is to identify the key characteristics of the EU's approaches to the use of frozen Russian assets, determine their compliance with international law and investigate possible consequences for the modern system of international relations. To achieve this goal, the author analysed the legal aspect of this problem, examined the compliance of the initiatives to confiscate Russian property with the norms of modern international law and pinpointed the potential consequences of such actions. It is concluded that possible options for seizing sovereign assets contradict the norms of international and national law. Therefore, all these methods are unfeasible within the current legal framework. Yet, the main obstacle to implementing the plans to seize Russian sovereign assets lies not within the legal realm, but in the political sphere since such actions could result in unforeseeable ramifications. The mechanism proposed by the European Commission for seizing private property within the framework of criminal proceedings implies the use of criminal law to solve political problems, which is at variance with the objectives of criminal policy.

Keywords:

European Union, Russia, sovereign assets, private property, confiscation, Estonia, principle of sovereign immunity, international law

References

1. Timofeev, I. 2023, Sanctions and the Confiscation of Russian Property. The First Experience, 11.01.2023, *Russian International Affairs Council*, URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sanktsii-i-konfiskatsiya-rossiyskoy-sobstvennosti-pervyy-opyt/> (accessed 05.10.2023).
2. Boyle, A. 2022, Why Proposals for U.S. to Liquidate and Use Russian Central Bank Assets Are Legally Unavailable, April 18, 2022, *Just Security*, URL: <https://www.justsecurity.org/81165/why-proposals-for-u-s-to-liquidate-and-use-russian-central-bank-assets-are-legally-unavailable/> (accessed 04.10.2023).
3. Runde, E. 2023, Why the European Commission's Proposal for Russian State Asset Seizure Should be Abandoned, March 23, 2023, *Just Security*, URL: <https://www.justsecurity.org/85661/why-the-european-commissions-proposal-for-russian-state-asset-seizure-should-be-abandoned/> (accessed 05.09.2023).

To cite this article: Voynikov, V. V. 2024, Confiscation Estonian style: legal and political aspects of potential seizure of Russian assets in EU countries, *Baltic region*, vol. 16, № 1, p. 4–22. doi: 10.5922/2079-8555-2024-1-1

4. Voynikov, V. V. 2022, EU Anti-Russian Sanctions (Restrictive Measures): Compliance with International Law, *Her. Russ. Acad. Sci.*, vol. 92 (Suppl 7), p. S636—S642, <https://doi.org/10.1134/S1019331622130111>
5. Timofeev, I. N. 2022, Questionable effectiveness? Sanctions against Russia before and after February, *Russia in Global Affairs*, vol. 20, № 4, p. 136—152, <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2022-20-4-136-152> (in Russ.).
6. Giumelli, F., Hoffmann, F., Książczaková, A. 2021, The when, what, where, and why of European Union sanctions, *European Security*, vol. 30, № 1, p. 1—23, <https://doi.org/10.1080/09662839.2020.1797685>
7. Klimek, L. 2017, Mutual Recognition of Judicial Decisions in European Criminal Law. Cham, Springer, 742 p., <https://doi.org/10.1007/978-3-319-44377-5>
8. Peršak, N. 2022, Criminalising Hate Crime and Hate Speech at EU Level: Extending the List of Eurocrimes Under Article 83 (1) TFEU, *Crim Law Forum*, vol. 33, p. 85—119, <https://doi.org/10.1007/s10609-022-09440-w>
9. Sakellarakis, A. 2022, EU Asset Recovery and Confiscation Regime — Quo Vadis? A First Assessment of the Commission’s Proposal to Further Harmonise the EU Asset Recovery and Confiscation Laws. A Step in the Right Direction?, *New Journal of European Criminal Law*, vol. 13, № 4, p. 478—501, <https://doi.org/10.1177/20322844221139577>
10. Dornbierer, A. 2023, *Working Paper 42: From sanctions to confiscation while upholding the rule of law*, Basel Institute on Governance, URL: <https://baselgovernance.org/publications/wp-42> (accessed 05.10.2023).
11. Jareborg, N. 2005, Criminalization as Last Resort (Ultima Ratio), *Ohio State Journal of Criminal Law*, vol. 2, № 2, p. 521—534.
12. Karsai, K. 2013, Ultima ratio and subsidiarity in the European Criminal Law, *Forum: Acta Juridica et Politica*, vol. 3, № 1, p. 53—63.
13. Weyembergh, A., Wieczorek, I. 2016, Is there an EU Criminal Policy? In: Colson, R., Field, S. (eds.), *EU Criminal Justice and the Challenges of Diversity. Legal Culture in the Area of Freedoms, Security and Justice*, Cambridge University Press, p. 29—47, <https://doi.org/10.1017/CBO9781316156315.003>
14. Satzger, H. 2018, *International and European criminal law*, Baden-Baden, Nomos, 342 p., <https://doi.org/10.5771/9783845236186>
15. Olsen, K. B., FASTERKJÆR, K. S. 2022, Strict and Uniform: Improving EU Sanctions Enforcement. (DGAP Policy Brief, 29), Berlin: Forschungsinstitut der Deutschen Gesellschaft für Auswärtige Politik e.V, URL: <https://www.ssoar.info/ssoar/handle/document/85171> (accessed 05.10.2023).
16. Moiseienko, A. 2023, Sanctions, Confiscation, and the Rule of Law, *Groupe d’études géopolitiques*, URL: <https://geopolitique.eu/en/articles/sanctions-confiscation-and-the-rule-of-law/> (accessed 05.10.2023).
17. Brunk, I. 2023, Central Bank Immunity, Sanctions, and Sovereign Wealth Funds, *George Washington Law Review*, vol. 91, № 6, p. 1616—1660.
18. Achermann, K. F. 2022, Völkerrechtliche Grundlagen und Hürden für eine Einziehung russischer Gelder und wirtschaftlicher Ressourcen, *sui generis*, <https://sui-generis.ch/article/view/sg.213>
19. Stephan, P. B. 2022, Seizing Russian assets, *Capital Markets Law Journal*, vol. 17, № 3, p. 276—287, <https://doi.org/10.1093/cmlj/kmac014>
20. Kolosov, Yu. M. 2014, *Responsibility in international law*, M., Statut (in Russ.).
21. Zelikow, P. 2022, A legal approach to the transfer of Russian assets to rebuild Ukraine, *Lawfare*, URL: <https://www.lawfaremedia.org/article/legal-approach-transfer-russian-assets-rebuild-ukraine> (accessed 22.07.2023).
22. Azaria, D. 2022, Trade countermeasures for breaches of international law outside the WTO, *International & Comparative Law Quarterly*, vol. 71, № 2, p. 389—423, <https://doi.org/10.1017/S0020589322000057>
23. Boklan, D., Boklan, O., Smbatyan, A. 2016, Relevance of articles on responsibility of states for internationally wrongful acts for legal defense in WTO dispute settlement mechanism, *Mezhdunarodnoe pravosudie*, № 4, p. 99—113 (in Russ.).

24. Kravchenko, O. I. 1998, Jurisdictional immunity of the state: absolute or limited? *Belorussian Journal of International Law and International Relations*, № 1, p. 48—54 (in Russ.).
25. Zilber, N. A. 1956, International Law: Sovereign Immunity: Seizure of Property under Restrictive Immunity Doctrine, *Michigan Law Review*, vol. 54, № 7, p. 1008—1011, <https://doi.org/10.2307/1285396>
26. Akande, D. 2004, International Law Immunities and the International Criminal Court, *The American Journal of International Law*, vol. 98, № 3, p. 407—433, <https://doi.org/10.2307/3181639>
27. Verdier, P.-H., Voeten, E. 2014, Precedent, compliance, and change in customary International law: an explanatory theory, *The American Journal of International Law*, vol. 108, № 3, p. 389—434, <https://doi.org/10.5305/amerjintelaw.108.3.0389>
28. Maltsev, V. A., Elyazyan, A. Sh. 2023, State immunity: doctrines, types and modern problems, *Vestnik of the Russian University of Cooperation*, № 1 (51), p. 114—120. EDN: DZSPHM (in Russ.).
29. Brunk, I. W. 2022, Does Foreign Sovereign Immunity Apply to Sanctions on Central Banks?, *Lawfare*, URL: <https://www.lawfaremedia.org/article/does-foreign-sovereign-immunity-apply-sanctions-central-banks> (accessed 23.11.2023).
30. Wuerth, I. 2019, Immunity from Execution of Central Bank Assets. In: Ruys, T., Angelet, N., Ferro, L. (eds.), *The Cambridge Handbook of Immunities and International Law*, Cambridge University Press, p. 266—284, <https://doi.org/10.1017/9781108283632.014>
31. Ripenko, A. 2023, Should Third States Follow Ukraine's Lead and Confiscate Russian State Assets?, *Völkerrechtsblog*, <https://doi.org/10.17176/20230619-110941-0>
32. Ispolinov, A. 2023, Risks of modern customary international law and ways of minimizing them, *Mezhdunarodnoe pravosudie*, vol. 13, № 2, p. 70—90 (in Russ.).
33. Popov, E. V. 2019, Sovereign Immunity Doctrine and Sovereign Funds: Challenges at Global Scale, *Comparative Politics Russia*, № 3, p. 133—147, <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2019-10035>
34. Vidigal, G. 2023, The Unilateralization of Trade Governance: Constructive, Reconstructive, and Deconstructive Unilateralism, *Legal Issues of Economic Integration*, vol. 50, № 1, p. 1—12.
35. Moiseienko, A. 2022, Frozen Russian Assets and the Reconstruction of Ukraine. Legal Options, *World Refugee & Migration Council*, URL: <https://www.wrmcouncil.org/wp-content/uploads/2022/07/Frozen-Russian-Assets-Ukraine-Legal-Options-Report-WRMC-July2022.pdf> (accessed 22.07.2023).
36. Anderson, S. R., Keitner, C. 2022, The Legal Challenges Presented by Seizing Frozen Russian Assets, *Lawfare*, URL: <https://www.lawfareblog.com/legal-challenges-presented-seizing-frozen-russian-assets> (accessed 18.07.2023).
37. Kamminga, M. T. 2023, Confiscating Russia's Frozen Central Bank Assets: A Permissible Third-Party Countermeasure? *Netherlands International Law Review*, vol. 70, p. 1—17, <https://doi.org/10.1007/s40802-023-00231-7>

The author

Prof Vadim V. Voinikov, MGIMO-University, Russia; Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: voinicov@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1495-3227>



SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

САНКЦИОННЫЕ РИСКИ И РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ (НА ПРИМЕРЕ РОССИИ)

С. П. Земцов 

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
119571, Россия, Москва, просп. Вернадского, 84, корп. 9

Поступила в редакцию 06.01.2024 г.

Принята к публикации 19.02.2024 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2024-1-2

© Земцов С. П., 2024

В мире расширяется применение экономических санкций и контрсанкций, что несет пространственно неоднородные угрозы для большинства стран. Цель исследования — разработать и апробировать методику оценки подобных рисков на примере регионов России. Для оценки потенциального влияния торговых санкций рассчитывалась доля внешней торговли, приходившаяся на страны, вводившие санкционные ограничения. В ряде случаев она превышала 50% (Ненецкий, Ханты-Мансийский автономные округа, Коми, Мурманская область), что потребовало быстрой переориентации потоков. Производственная импортозависимость высока для Калининградской, Калужской и Ленинградской областей, активно вовлеченных в глобальные цепочки, в частности в автомобилестроении. Санкции против юридических лиц могли создать риски для стабильности экономик домашних регионов, но рост спроса на отечественную продукцию нивелировал это влияние. Уход иностранных предприятий с рынка создавал риски разрыва производственных цепочек, но и предоставлял возможности для развития местного бизнеса: доля компаний из недружественных стран до введения санкций занимала более 20% рынка в Калужской, Московской областях, в Москве, но лишь в некоторых регионах доля иностранных фирм, заявивших о своем полном уходе, превышала 5% рынка: Коми, Самарская, Ленинградская и Московская области. Для комплексной оценки потенциальной подверженности экономики регионов внешним ограничениям рассчитан интегральный индекс на основе вышеупомянутых составляющих. Его значение ниже для регионов с более диверсифицированной отраслевой структурой экономики и внешнеторговых потоков, а наибольшие риски наблюдались для северо-западных территорий России, ранее тесно связанных со странами Европейского союза: Республики Карелия, Коми, Калининградская, Ленинградская, Архангельская области. В 2022 г. в регионах с высоким значением индекса была выше вероятность снижения экономической активности, но в 2023 г. это влияние прослеживается в меньшей мере. По результатам исследования сформулированы некоторые рекомендации.

Ключевые слова:

санкции, регионы России, внешняя торговля, экономическое развитие, импортозависимость, уход иностранных компаний, экономическая безопасность, шокоустойчивость

Введение

В последние годы санкционная политика, то есть введение различного рода экономических ограничений со стороны одних стран и международных организаций в направлении других стран, регионов, отдельных юридических или физических лиц

Для цитирования: Земцов С. П. Санкционные риски и региональное развитие (на примере России) // Балтийский регион. 2024. Т. 16, № 1. С. 23–45. doi: 10.5922/2079-8555-2024-1-2

с целью изменения действий последних, стала значимым инструментом мировой политики. Можно утверждать, что на начало 2024 г. большинство стран мира так или иначе были вовлечены в эти процессы¹. Выросла вероятность того, что любая страна, регион в той или иной форме могут быть подвержены прямым или косвенным внешним ограничениям², которые следует рассматривать как экзогенные шоки для их экономики³. Потому правительства большинства стран мира и региональные власти в последние годы с большим вниманием стали относиться к проблеме экономической безопасности [1; 2]. Соответственно, необходимо понимание масштабов, направлений и последствий возможных угроз, их мониторинг и митигация (снижение влияния), поэтому анализ санкционных рисков становится актуальной и значимой научной темой в ближайшие десятилетия. При этом пандемия 2020 г. показала, что внешние шоки и ограничения для экономики возможны не только в результате целенаправленных действий, но и из-за чрезвычайных ситуаций. Это дополнительно увеличивает актуальность исследования внешних экономических рисков.

В 2022—2023 гг. Россия оказалась подвержена беспрецедентному количеству санкций [3] со стороны преимущественно западных государств: США и зависящих от них стран Европейского союза (ЕС), Японии, Австралии, Канады. Были введены различного рода финансовые ограничения, в том числе отказ от кредитования, инвестирования и страхования грузов, экспорта отдельных товаров, в том числе энергоресурсов, импорта отдельных товаров, в том числе высоких технологий, а также иные ограничения. Страны, осуществляющие подобные действия, все чаще в научной литературе называют недружественными [1], причем в России этот термин получил официальный нормативно-правовой статус⁴. Отдельные компании из этих

¹ В научной литературе под санкциями подразумеваются ограничения с декларируемыми политическими целями [7; 8], но цели могут публично не озвучиваться или быть дезавуированы. Например, почти все страны, имеющие пограничные конфликты, территориальные споры, неконтролируемые территории, так или иначе вводят различного рода экономические ограничения друг против друга, которые не относятся к санкционным, хотя и являются ими по сути, так как направлены на изменение политики. Кроме того, в научной литературе существенно чаще рассматриваются санкции, но реже исследуются инструменты и результаты контрсанкционной политики. Так, Китай планирует ограничить экспорт редкоземельных металлов в ответ на ограничения импорта ряда технологий, ограничения деятельности ряда китайских компаний со стороны США и ЕС после 2019 г. Торговая война между США и Китаем, на наш взгляд, все в большей степени превращается в санкционное противостояние. К тому же кроме негативных санкций есть и позитивные, призванные мотивировать страны на выполнение тех или иных действий. В такой широкой формулировке трудно найти в истории достаточно крупную страну, которая бы не подвергалась внешним экономическим ограничениям, имеющим фактически политические цели, со стороны других стран и международных организаций.

² Судя по последним стратегическим документам США и стран ЕС (USA National Security Strategy, European Economic Security Strategy, Germany National Security Strategy), в которых обозначены многочисленные инструменты ограничений против третьих стран, включая экспортный, импортный и инвестиционный контроль, санкционные, а впоследствии и контрсанкционные меры в мире будут активно расширяться. Вероятно, мировая экономика вступила в новую фазу деглобализации [1] и регионализации, то есть замыкания экономических связей, глобальных цепочек добавленной стоимости в рамках отдельных частей света, стран и регионов.

³ Результаты большинства таких мер не достигли своих политических целей, но влияли на снижение уровня жизни граждан подвергнутых давлению стран [7; 8].

⁴ Распоряжение Правительства РФ от 05.03.2022 г. № 430-р, 2022, *СПС Консультант Плюс*, URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411064/e8730c96430f0f246299a0cb7e5b27193f98fdaa/ (дата обращения: 19.02.2024).

стран, оказавшись под давлением своих правительств и общественных организаций [4], были вынуждены уйти с российского рынка и закрыть и/или продать свои предприятия в России, свернуть инвестиции [20].

Указанные ограничения, несмотря на заявленные политические цели, на практике создавали угрозу экономическому развитию отдельных регионов России и могли подорвать уровень жизни существенной части их жителей [5; 6], так как требовали времени и ресурсов на переориентацию торговых, технологических и иных потоков и перестройку экономики, не говоря уже о прямых ограничениях против российских граждан, в частности ущемление прав свободы передвижения, снижение возможностей получения медицинской помощи за рубежом и пр. Подверженность описанным рискам и возможности адаптации могли существенно различаться между регионами России [9—12]: территории, более интегрированные в глобальную экономику, в том числе приграничные с ЕС, могли пострадать сильнее. Региональным властям приходилось применять комплекс мер для сохранения уровня благосостояния жителей в зависимости от подверженности указанным рискам [13].

Цель статьи — предложить и апробировать методику оценки подверженности отдельных территорий стран рискам санкционных ограничений на примере регионов России.

Методика

На основе обзора литературы о неоднозначном и разнонаправленном влиянии санкций на экономику стран, подвергшихся внешним ограничениям [5; 7; 10; 11; 14—18] с учетом имеющихся данных был предложен набор показателей для оценки подверженности регионов возможным санкционным рискам¹ (табл. 1).

Таблица 1

Оценка подверженности регионов возможным санкционным рискам

Показатель санкционного риска	Источник данных	Проявление санкционного риска	Регионы с наибольшим значением показателя
Доля экспорта в недружественные страны в общем объеме экспорта региона в 2019—2021 гг.	Федеральная таможенная служба России, данные таможенных служб других стран	Ограничение доступа к высокодоходным рынкам недружественных стран. Необходимость быстрой переориентации торговых потоков, к чему могли быть не готовы транспортные сети при введении глобальных логистических ограничений	Мурманская, Тюменская области, Ямало-Ненецкий автономный округ (АО), Костромская, Сахалинская области
Доля импорта из недружественных стран в общем объеме импорта региона в 2019—2021 гг.	Федеральная таможенная служба России, данные таможенных служб других стран	Разрыв торговых цепочек с крупнейшими партнерами. Ограничения импорта значимой и технологически сложной продукции	Курская область, Республика Дагестан, Хакасия, Карелия, Ямало-Ненецкий АО

¹ Большинство санкционных ограничений может не иметь региональной привязки, например заморозка отдельных счетов граждан, ограничения доступа банков к системе SWIFT, ограничение доступа к финансовым инструментам, в частности страхованию грузов и доступу к капиталу для внешнеторговых операций и др. [19].

Окончание табл. 1

Показатель санкционного риска	Источник данных	Проявление санкционного риска	Регионы с наибольшим значением показателя
Доля импорта в расходах предприятий на сырье, материалы, полуфабрикаты и комплектующие в 2019—2021 гг.	Федеральная служба государственной статистики России (Росстат)	Разрыв производственных цепочек с крупнейшими технологическими партнерами. Ограничения импорта критически важных машин, оборудования и технологий для развития производств	Калининградская, Калужская, Магаданская, Сахалинская области, Приморский край
Доля российских компаний из санкционных списков США и ЕС в выручке всех компаний региона в 2017—2021 г.	СПАРК-Интерфакс	Ограничения доступа к финансовым инструментам и технологиям недружественных стран. Ограничения доступа к высокодоходным рынкам недружественных стран крупнейших предприятий регионов	Вологодская, Архангельская, Челябинская, Курганская, Ярославская области
Доля иностранных компаний из недружественных стран в выручке всех компаний региона в 2018—2020 гг.	СПАРК-Интерфакс	Уход с российского рынка всех компаний недружественных стран с последующим закрытием предприятий и ростом безработицы. Разрыв производственных и иных связей предприятий недружественных стран на территории России с глобальными сетями	Еврейская автономная область, Липецкая область, Чукотский АО, Калужская, Московская области
Доля заявивших об уходе из России компаний в выручке всех компаний региона в 2017—2021 гг.	СПАРК-Интерфакс [20]	Закрытие предприятий и роста безработицы. Потеря управленческих, технологических и иных компетенций из-за ухода компании и релокации российских сотрудников за рубеж. Разрыв связей предприятий уходящих компаний на территории России с глобальными производственными торговыми и иными сетями	Республика Коми, Самарская, Ленинградская, Московская области, г. Москва

Показатели использовались оценочно за 2019—2021 гг. для снижения их межгодовой изменчивости и из-за неоднозначного влияния коронакризиса на

исследуемые характеристики в 2020—2021 гг. Взяты значения до 2022 г., когда против России были введено основное число санкционных ограничений, так как методика предполагает оценку рисков до наступления внешнего шока, в то время как после введения ограничений региональные и федеральные власти начали перестройку экономики, ввели ряд контрсанкционных мер, иными словами, активно влияли на ситуацию, а соответственно, искажали первоначальную оценку рисков.

Во-первых, оцениванию подлежит потенциальное влияние торговых санкций на развитие регионов. Для оценки рисков полного разрыва торговых связей и сужения рынков сбыта продукции для предприятий региона могут быть рассчитаны показатели доли импорта и экспорта, приходящихся на потенциально недружественные страны, в общем объеме импорта и экспорта рассматриваемого региона [15; 17]. Чем выше значение показателя, тем выше подверженность экономики региона потенциальным торговым санкциям, так как требуются существенные усилия для поиска новых рынков, переориентации транспортных потоков, заключения новых договоров. В частности, для России важной стала переориентация на восточный полигон, что в случае западных и северо-западных регионов [21; 22] было сопряжено с многократным ростом транспортных и иных издержек для осуществления бизнесом внешнеторговых операций¹. Если ограничения экспорта из России вели к необходимости его переориентации и снижали прибыль бизнесов и доходную часть бюджета регионов, то ограничения импорта в Россию влияли на возможности закупки технологически сложного оборудования, комплектующих, выполнения производственных заказов. Так, ограничение импорта привело к остановке деятельности многочисленных автомобилестроительных заводов в Ленинградской, Калининградской, Калужской областях, Санкт-Петербурге после исчерпания запасов. Кроме того, были сорваны заказы на производство судов² для рыболовецких компаний, в том числе размещенных за рубежом, в частности в Норвегии и Южной Корее, без возврата предоплаты.

Если регион экспортирует продукцию в недружественные страны, то чаще всего он и является активным импортером из этих стран, а коэффициент корреляции между этими показателями составляет около 0,59 по всей выборке регионов (табл. 2). Это объясняется как географическим положением таких регионов вблизи Европейского рынка, так и особенностями глобальных цепочек добавленной стоимости: импорт материалов из ЕС сопровождается последующим экспортом части готовой продукции в ЕС, например в автомобилестроении. У показателей есть свои недостатки. В частности, существенная часть внешней торговли фиксируется через организации, зарегистрированные в Москве, что искажает региональную структуру.

¹ Россия является уникальным государством, имеющим наибольшее число стран-соседей в мире (особенно учитывая непризнанные государства), с большой территорией, протянувшейся с запада на восток, с выходом к Мировому океану и развитым транспортным комплексом. Поэтому в условиях глобальной экономики ограничения со стороны западных стран не означают прекращения внешней торговли России, а лишь ее переориентацию. Для многих же стран мира, особенно находящихся внутри континентов либо среди недружественных соседей, возможности для подобного маневра существенно меньше. Но и для России увеличение транспортного плеча и переориентация с европейского на азиатский рынок несли значительные издержки и риски для бизнеса и населения.

² Потаева, К. 2022, Верфи не успевают сдать суда для рыболовных компаний из-за санкций, *Ведомости*, URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2022/04/20/919073-verfi-sdat-suda> (дата обращения: 19.02.2024).

Таблица 2

Коэффициенты парных корреляций между показателями санкционных регионов

№	Показатель санкционного риска	2	3	4	5	6	7	8	9
1	Доля экспорта в недружественные страны в общем объеме экспорта региона в 2019—2021 гг., %	0,59	0,06	0,11	-0,22	0,14	0,67	-0,25	-0,23
2	Доля импорта из недружественных стран в общем объеме импорта региона в 2019—2021 гг., %	1	0,08	0,08	-0,19	0,18	0,66	-0,24	-0,12
3	Доля импорта в расходах предприятий на сырье, материалы, полуфабрикаты и комплектующие в 2019—2021 гг., %	—	1	-0,07	0,34	0,12	0,46	-0,3	0,01
4	Доля российских компаний из санкционных списков США и ЕС в выручке всех компаний региона в 2017—2021 гг., %	—	—	1	-0,07	-0,04	0,27	-0,06	-0,04
5	Доля иностранных компаний из недружественных стран в выручке всех компаний региона в 2018—2020 гг., %	—	—	—	1	0,09	0,31	-0,19	0,09
6	Доля заявивших об уходе из России компаний в выручке всех компаний региона в 2017—2021 гг., %	—	—	—	—	1	0,5	-0,15	-0,05
7	Индекс подверженности санкционным рискам по регионам России	—	—	—	—	—	1	-0,41	-0,14
8	Индекс выпуска товаров и услуг по базовым видам экономической деятельности в 2022 г.	—	—	—	—	—	—	1	0,13
9	Индекс выпуска товаров и услуг по базовым видам экономической деятельности в январе-сентябре 2023 г.	—	—	—	—	—	—	—	1

Также для оценки рисков невозможности импорта критически важных машин, оборудования и технологий для развития производств рассчитывалась доля импорта в расходах предприятий на сырье, материалы, полуфабрикаты и комплектующие для производства и продажи продукции (товаров, работ, услуг), так называемая производственная зависимость от импорта¹. В условиях активного вовлечения большинства стран мира в глобальные цепочки создания добавленной стоимости разрыв этих цепочек ведет к очевидным проблемам с поставками комплектующих, обслуживанием техники и оборудования, сбытом промежуточных товаров и т.д. [16]. Чем выше производственная импортозависимость экономики региона в общем случае, тем выше риски разрыва потенциальных связей из-за прямого влияния санкций, ухода иностранных компаний или роста издержек транспортировки. Расчеты производственной импортозависимости первоначально выполнены для регионов России в работе [23] по методике [24], но в целом могут быть применимы и для других стран, а также с учетом разного состава стран, для которых проводится

¹ «Используется информация Росстата, размещенная в наборе данных «Затраты на производство и реализацию продукции (товаров, работ, услуг)», который формируется на основе статистической формы №1-предприятие, заполняемой организациями крупного и среднего бизнеса» [21].

оценка зависимости. Производственная импортозависимость очень слабо положительно коррелирует с долей импорта из недружественных стран (0,06) и долей экспорта в них (0,11), так как много материалов и комплектующих импортировалось из дружественных и нейтральных стран, в том числе в рамках цепочек внутри Евразийского экономического сообщества (ЕАЭС).

Во-вторых, оцениванию подлежит потенциальное влияние прямых санкционных ограничений для определенных юридических лиц на развитие регионов их регистрации¹. Для российского случая была рассчитана доля организаций, вошедших в санкционные списки США и ЕС, в выручке всех организаций региона. Попадание в эти списки означало невозможность заимствования средств, ограничения в доступе к технологиям, инвестициям, внешней торговле. Ограничения могли привести к закрытию и снижению объемов деятельности предприятий, а соответственно, к последующему росту уровня безработицы в регионе. Санкции против одной компании неизбежно приводят к рискам по всей цепочке добавленной стоимости [25]. Поэтому это влияние было тем сильнее, чем выше была роль выделенных организаций в экономике региона. Впрочем, в предыдущий период санкций 2014—2022 гг. бизнесы в России находили способы обойти санкционные ограничения [18], а санкции не оказали стойкого негативного воздействия на экономические показатели российских компаний, хотя и потери были существенны [26]. В обрабатывающей промышленности 69 % российских компаний заявили о влиянии санкций 2022 г., из них чуть более половины — о негативном характере этого влияния [27], то есть были и те компании, которые или не почувствовали, или оценили влияние как положительное. При этом важны долгосрочные последствия для этих компаний, связанные со снижением доступа к технологиям, потенциальным уменьшением объемов собственных исследований и удорожанием технологического перевооружения, что наблюдалось в Иране [28].

В-третьих, необходимо оценить потенциально негативное влияние ухода иностранных компаний с рынков регионов. Для расчета были выявлены компании, которые на 50 % и более принадлежали юридическим и/или физическим лицам из недружественных стран [17]², а также те, которые заявили о своем полном уходе из России после 2022 г. [20]³. Уход компаний приводил к разрыву связей, приостановке деятельности предприятий, прекращению инвестиций и доступа к новым техно-

¹ Существенным недостатком методики является невозможность учета места реальной деятельности компании, так как, например, в России многие юридические лица зарегистрированы в Москве или в офшорных юрисдикциях (Кипр), хотя ведут деятельность на территории других регионов России.

² Подход имеет ряд ограничений: данные доступны за 2020 г., который отличался снижением экономической активности; за это время могла измениться структура собственности, выручка; учитывались все компании, аффилированные с лицами или организациями из недружественных стран, но преимущественно на Кипре и в меньшей степени в Нидерландах и Великобритании зарегистрированы компании, имеющие российских бенефициаров; не все компании недружественных стран уходили с рынка, и гражданство собственника не всегда было индикатором ухода компании из России; наблюдались процессы перерегистрации собственности без передела рынков; выручка компаний может создаваться не только на российском рынке; регистрация компании может быть не связана с местом ее деятельности. Для некоторого снижения указанных ограничений приведены данные без учета компаний, зарегистрированных на Кипре. Большинство этих компаний принадлежит конечным российским бенефициарам, соответственно, они не могли покинуть российский рынок. Крупнейшие из этих компаний: ПАО «НЛМК», ПАО «ММК», ООО «БКЕ», АО «Рольф» и др.

³ Для этого использовался список иностранных компаний в России, составленный Йельской школой менеджмента [20]. Схожее исследование проведено в Центре стратегических разработок в 2022 г.

логиям и мог повышать число безработных в регионе [29] в зависимости от роли этих компаний в экономике. При этом уход иностранных компаний мог создавать условия для развития отечественного малого и среднего бизнеса, так как открывались новые рыночные ниши [30]. Два рассматриваемых индикатора слабо коррелируют друг с другом (0,09): первый показатель оценивает общую вовлеченность иностранного бизнеса из недружественных стран в экономику региона, а соответственно, максимальную подверженность снижению связей, а второй — возможные риски от ухода отдельных компаний. Отсутствие связи дополнительно показывает, что даже заявленный уход компаний из России напрямую не был связан с угрозой полного ухода всех иностранных компаний.

Для понимания степени подверженности региональных экономик санкционным рискам в комплексе был составлен интегральный индекс на основе шести указанных показателей (табл. 1). Все показатели нормировались по методике линейного масштабирования («макс.-мин.») и суммировались с равными весами, то есть предполагается их равнозначность. Для целей верификации авторы сравнивали различные методики построения индекса (с разными весами и способами суммирования): результаты показали высокую степень корреляции. Как и ожидалось, все значения исходных показателей положительно коррелируют с интегральным индексом (табл. 2), при этом внешнеторговые риски влияют сильнее других.

Используемые индикаторы показывают потенциальную подверженность региональной экономики указанным выше угрозам и рискам. Для расчета значений самого риска требуется понимание уязвимости разных категорий хозяйственных субъектов разным рискам и вероятность их наступления, а также восстановительная и адаптивная способность региональных экономик [31], что не рассматривалось в данном исследовании. Например, доля недружественных стран во внешней торговле региона — это лишь показатель подверженности внешней торговли санкционным ограничениям, но экономика региона может быть слабо уязвима к этому риску, например в том случае, если она в целом ориентирована на внутренний рынок, как экономика Костромской области, Республики Хакасии и т.д. Доля иностранных компаний, которые потенциально могли покинуть Россию (и даже заявляли об этом), может быть слабо связана с реальным закрытием предприятий и приостановкой производств, так как компании не уходили, менялись лишь их бренды, собственники. Таким образом, речь идет о потенциальном влиянии санкционного давления, региональные же экономики могли существенно различаться в фактически наблюдаемой реакции на подобное влияние.

На последнем этапе все показатели и интегральный индекс сравнивались со значениями индекса выпуска товаров и услуг по базовым видам экономической деятельности по имеющимся данным в 2022 г. и в январе — сентябре 2023 г. (далее — индекс выпуска). Последний показатель может служить для косвенной оценки динамики экономики региона, так как исчисляется на основе данных об изменении физического объема сельскохозяйственного, промышленного производства, строительства, оборота торговли, транспортировки и хранения¹. Показатель используется для оперативной оценки, так как расчет валового регионального продукта в российской статистике проводится и публикуется с отставанием в 1,5—2 года. Ожидалось, что каждый из рассматриваемых индикаторов и интегральный индекс будут отрицательно связаны с индексом выпуска, так как описываемые риски в краткосрочном периоде преимущественно реализуются в снижении экономической активности.

¹ Индекс выпуска товаров и услуг по базовым видам экономической деятельности по субъектам Российской Федерации, 2023, *ЕМИСС*, URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/62024#> (дата обращения: 19.02.2024).

Результаты

Торговые санкции против России, введенные после февраля 2022 г., стали причиной разрыва логистических и производственных связей, сужения рынков сбыта и закупки товаров. Почти 40 % компаний¹ использовали иностранные товары и сервисы, отсутствие которых критически могло сказаться на их бизнесе. Сильнее пострадали регионы России, в которых высокая доля экспорта и/или импорта была связана с недружественными странами до введения санкций [32]. Более 90 % экспорта на страны, вводящие санкции, приходилось в Ненецком автономном округе, Костромской и Мурманской областях (рис. 1), высока была эта доля в регионах — экспортёрах энергоресурсов: в Тюменской области, Ханты-Мансийском АО, Татарстане, Коми и Кемеровской области, а также в регионах, ориентированных на экспорт древесины и пиломатериалов в ЕС: Республика Карелия, Архангельская, Вологодская области и Республика Коми. При этом в России доля компаний, которые экспортировали свою продукцию только в недружественные страны, составляла около 18,7 % в 2020 г., но более половины бизнесов — в приграничных с недружественными странами регионах: Псковской, Калининградской, Белгородской, Мурманской областях, Карелии; для импорта аналогичный показатель был около 6 %.

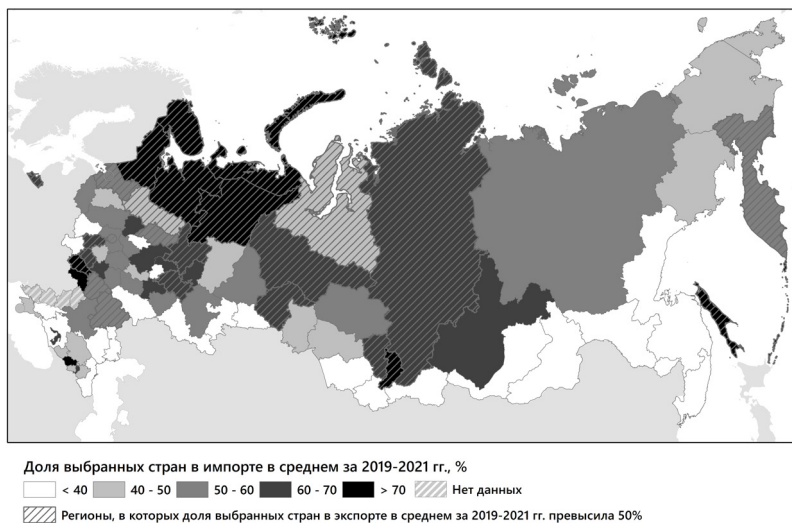


Рис. 1. Роль недружественных стран в импорте и экспорте регионов России

Источник: рассчитано по данным ФТС РФ.

Ниже всего вовлеченность в торговлю со странами, вводящими санкции, отмечается в южных регионах Дальнего Востока, ориентированных на рынки Китая, и на приграничных с Казахстаном территориях. Также обладали меньшей вовлеченностью некоторые крупные диверсифицированные центры, удаленные от границ и ориентированные на внутренний рынок: Пермский край, Челябинская, Омская, Новосибирская области.

Предприятия довольно быстро начали процесс переориентации внешнеторговых потоков. Так, доля недружественных экономик в экспорте из России к концу

¹ Результаты мониторинга «Оценка бизнесом текущего положения компаний и влияния санкций», 2022, Уполномоченный по защите прав предпринимателей в Алтайском крае, URL: <https://ombudsmanbiz22.ru/news/1312> (дата обращения: 19.02.2024).

2022 г. снизилась до 35 %, тогда как еще в начале года занимала 58 %¹; к концу 2023 г. доля экспорта в недружественные страны составляла около 20 %², а в импорте — около 25 %³⁴. Переориентация потоков потребовала существенных вложений инвестиций в инфраструктуру в восточных и приграничных с нейтральными странами регионах России [11]. Коэффициент корреляции доли импорта из недружественных стран с индексом выпуска по базовым видам экономической деятельности в 2022 г. составил $-0,24$ (табл. 2), но снизился во второй половине 2023 г. до $-0,12$ после переориентации потоков, а вот отрицательная корреляция с экспортом сохранилась ($-0,24$), что может быть связано с расширением ограничений в сфере экспорта газа, нефти и нефтепродуктов из России. Низкие значения самого коэффициента корреляции, то есть взаимосвязи экономической динамики и подверженности рискам торговых санкций, могут быть объяснены с существенными запасами предприятий, которые были накоплены как ответ на перманентную угрозу разрыва торговых цепочек, уже наблюдавшегося в период пандемии.

Перечисленные выше регионы, активно вовлеченные в торговлю с западными странами, закупали оборудование этих стран, поэтому в импорте производственных предприятий была высока доля иностранных материалов и комплектующих. Выше эта доля была в регионах, где ранее создавали иностранные автомобилестроительные заводы: Калининградская, Калужская, Ленинградская, Самарская области, Республика Татарстан (рис. 2). Ниже была производственная импортозависимость в наименее развитых регионах, которые слабо интегрированы в глобальные цепочки, а также в регионах центральной части России (Урал и Сибирь), удаленных от мировых торговых потоков. Производственная импортозависимость ожидаемо отрицательно связана с индексом выпуска в 2022 г. ($-0,3$), но коэффициент корреляции стал близок к нулю в январе — сентябре 2023 г. ($0,01$) по мере перенаправления потоков, запуска производств на основе отечественных материалов и комплектующих.

США и страны ЕС ввели санкционные ограничения в отношении 567 юридических лиц (ЮЛ) в России на момент подготовки статьи⁵. Компании из санкционного списка представлены в 53 регионах (60 % от их числа) и составляют примерно 2,3 % выручки всех компаний в России. В санкционных списках представлены крупнейшие банки и предприятия России, в том числе научно-исследовательские организации и высокотехнологичные производства. Высокая доля этих компаний на рынке наблюдалась в нескольких субъектах Российской Федерации с развитой обрабатывающей промышленностью (Вологодская, Архангельская, Челябинская области), а также в Крыму⁶, вошедшем в состав России после 2014 г. (рис. 3).

¹ Россия перенаправила в дружественные страны почти четверть экспорта, 2023, РБК, URL: <https://www.rbc.ru/economics/10/02/2023/63e2411a9a794730042580a5> (дата обращения: 19.02.2024).

² Решетников: доля дружественных стран в экспорте РФ во II полугодии 2023 года превысила 80 %, 2024, ТАСС, URL: <https://tass.ru/ekonomika/19751109> (дата обращения: 19.02.2024).

³ Врио главы ФТС назвал основных импортеров России, 2023, Известия, URL: <https://iz.ru/1572043/2023-09-11/vrio-glavy-fts-nazval-osnovnykh-importerov-rossii> (дата обращения: 19.02.2024).

⁴ При этом в России сохраняется высокая импортозависимость по отдельным высокотехнологичным отраслям (станкостроение, микроэлектроника, авиационная промышленность и др.), что снижает экономическую безопасность наиболее технологически развитых регионов.

⁵ Санкционные списки, 2023, СПАРК-Интерфакс, URL: <https://spark-interfax.ru/quick-search/sanktsionnye-spiski> (дата обращения: 19.02.2024).

⁶ Республика Крым и г. Севастополь являются двумя регионами, хозяйство и жители которых испытывают целенаправленное негативное влияние санкционного давления с 2014 г., прочие же регионы подвержены санкционным рискам косвенно.



Рис. 2. Производственная импортозависимость предприятий регионов России в 2019—2021 гг.

Источник: составлено по данным статьи [23].

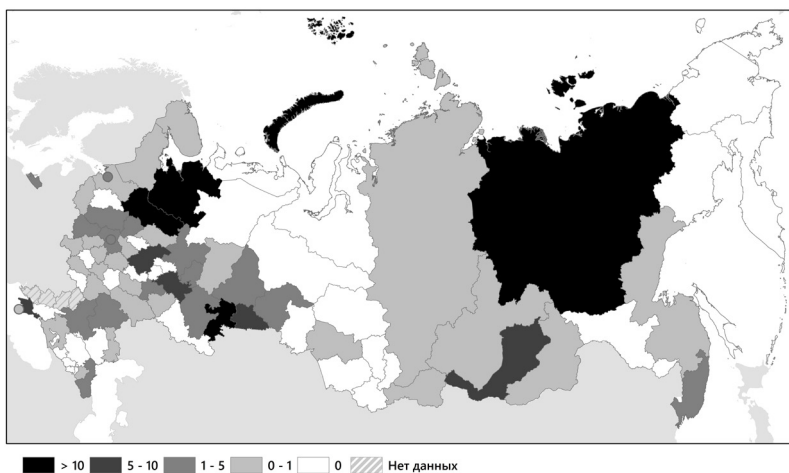


Рис. 3. Оценочная доля ЮЛ, входящих в санкционные списки ЕС и США, в совокупном объеме выручки всех компаний по регионам в 2017—2021 г., %

Источник: рассчитано по данным Росстата и СПАРК-Интерфакс.

Предполагаемое негативное влияние санкций на предприятия на практике не было реализовано из-за их высокой интеграции во внутрироссийское разделение труда и интенсивной политики импортозамещения и увеличения государственных закупок и заказов у предприятий обрабатывающей промышленности. Часть этих предприятий существенно нарастила инвестиции в запасы и расширение фондов внутри страны, в регионах своей деятельности за счет сокращения вложений в зарубежные активы (риски отъема средств) и софинансирования со стороны госу-

дарства. Это, например, можно увидеть по очень низким значениям коэффициента корреляции показателя с индексом выпуска по базовым видам экономической деятельности: если в 2022 г. просматривается слабая отрицательная зависимость ($-0,06$), то во второй половине 2023 г. она почти не прослеживается из-за существенного роста внутреннего спроса.

В России насчитывается 22 906 компаний, на 50 % и более принадлежавших юридическим и/или физическим лицам из недружественных стран в 2020 г. (кроме Кипра). Объем их выручки составлял приблизительно 16 трлн руб., а их доля в выручке всех компаний России — примерно 10 % [17]. Большая часть выручки принадлежала компаниям, чьи собственники зарегистрированы в Нидерландах, Германии, Швейцарии и Франции. Около 52 % выручки этих компаний создавалось в оптовой и розничной торговле, еще 29 % — в обрабатывающих производствах. Высока была доля этих компаний в выручке ряда отраслей сферы услуг: гостиницы и рестораны, финансы, информационно-коммуникационные технологии и торговля. В целом по обрабатывающей отрасли эта доля немногим превышала 10 %. В торговле и сфере услуг одновременно высока доля малого и среднего предпринимательства, ниже барьеры для входа стартапов, а значит, выше возможности заполнения возникавших рыночных ниш после ухода иностранных компаний [30]. В производственных сферах возможности для быстрой перестройки меньше из-за необходимости больших капиталовложений, освоения компетенций, кооперации и других факторов.

Регионы России отличаются высокой неоднородностью по доле выручки, создаваемой иностранными компаниями из недружественных стран (рис. 4). Наиболее высокая доля наблюдалась в ряде крупных индустриальных центров, где иностранные компании были представлены в обрабатывающих производствах (Москва, Московская, Ленинградская, Калужская, Владимирская, Белгородская области, Республика Коми), а также в регионах с выгодным приграничным положением (Калининградская, Ленинградская области, Приморский край). Эти регионы столкнулись с наибольшими рисками [29], но в некоторых из них выше и возможности для развития малых и средних отечественных предприятий в сфере услуг [30], например в крупных агломерациях и вблизи них: в Москве, Московской и Нижегородской областях.

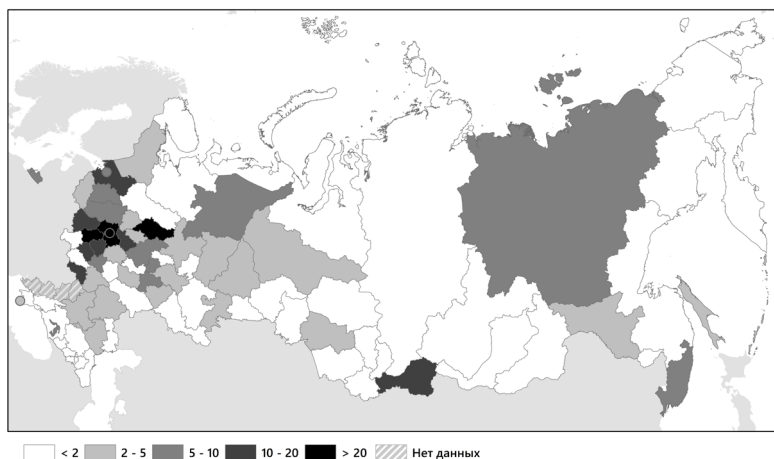


Рис. 4. Оценочная доля иностранных компаний из недружественных стран в совокупном объеме выручки организаций регионов в 2018—2021 гг., %

Источник: рассчитано на основе данных СПАРК-Интерфакс.

Ниже доля компаний из недружественных стран на рынках регионов, менее интегрированных в западные производственные цепочки из-за ориентации на восток (Хабаровский край, Красноярский край, Иркутская область), из-за значимой роли крупных местных бизнесов (Красноярский край, Томская область, Омская область, Башкортостан), из-за неблагоприятного делового климата, например, в некоторых южных регионах.

При этом в 2022 г. если в регионе рассматриваемая доля была высока, то индекс выпуска был ниже (коэффициент корреляции – 0,19), но в первой половине 2023 г. — ситуация обратная (+ 0,09), что может говорить о переориентации потребителей на местные бренды после высвобождения рыночных ниш или сохранении самих предприятий в России после изменения структуры собственности¹.

На середину 2023 г. 890 компаний заявили о полном уходе из России, из них только 462 ранее зарегистрировали юридическое лицо в России, а потому имели официально фиксируемую налоговыми органами выручку [20]. Эти компании имели приблизительно 2,1 % выручки всех компаний в России и были представлены в 41 регионе (46 %). Наибольшая доля крупных иностранных компаний, заявивших о своем уходе², отмечается в Республике Коми (11,5 % выручки обеспечивала только одна компания «Mondi», которая связана с целлюлозно-бумажным производством) и в Самарской области (10 % выручки обеспечивали три компании, связанные с автопромом). Также значимая доля крупных иностранных компаний, заявивших о своем уходе, была (по убыванию) в Ленинградской области, Московской области, Москве и в Свердловской области (рис. 5).

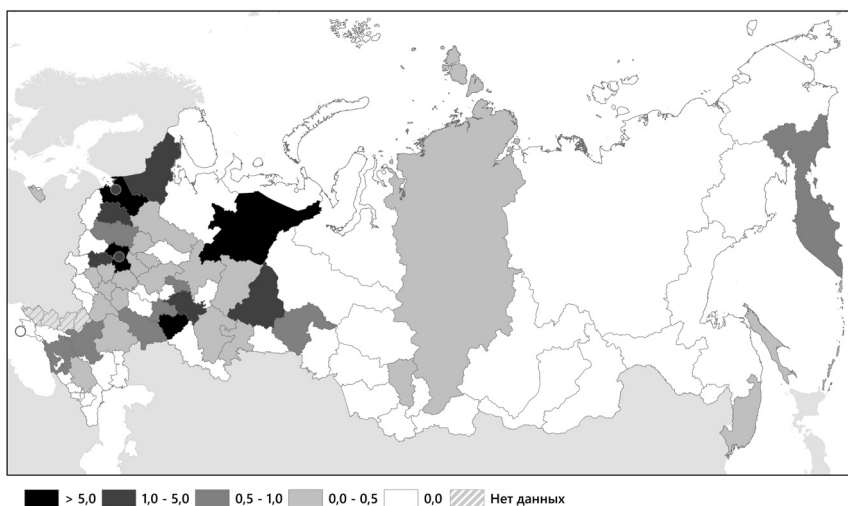


Рис. 5. Оценочная доля заявивших об уходе из России компаний в совокупном объеме выручки по регионам в среднем в 2017–2021 гг., %

Источник: составлено по данным [20].

¹ Например, компания «МакДональдс» формально заявила о своем уходе, но фактически вся сеть предприятий общественного питания практически в полном объеме продолжила свою деятельность под местным брендом «Вкусно и точка».

² Картина иностранного бизнеса, 2022, ЦСР, URL: <https://www.csr.ru/ru/research/kartina-inostrannogo-biznesa-uyti-nelzya-ostatsya/> (дата обращения: 19.02.2024).

Таблица 3

Иностранные компании, заявившие о своем уходе с российского рынка

Регион	Доля иностранных компаний, заявивших о своем уходе с российского рынка, в выручке всех компаний региона в 2017—2021 гг., %	Крупнейшие иностранные компании региона, заявившие о своем уходе с российского рынка
Республика Коми	11,5	Mondi (ЦБП)
Самарская область	10	РЕНО, GM, Форесия (автопром)
Ленинградская область	5,9	Nokian, Ford, ИКЕА, Shneider Electric,
Московская область	5,1	AirBaltic, Ikea, Lufthansa, Toyota и др.
Г. Москва	4,1	Renault, Henkel, Fortum, McDonald's, Adidas, Tetra Pak, Dell
Свердловская область	3,6	Enel, Holcim, Mondi

Источник: составлено по данным из статьи [20].

Индекс выпуска хотя и отрицательно, но слабо коррелирует с заявлениями об уходе иностранных компаний с рынка (-0,14); коэффициент корреляции близок к нулю в 2023 г. (-0,05). Это связано с незначительным влиянием рассматриваемых компаний на экономику большинства регионов (рис. 5). К тому же отдельные фирмы не прекращали фактическую деятельность в России, а лишь заявляли об этом, или продавали свои активы другим собственникам, или передавали их местному менеджменту без существенного периода остановки предприятия.

В завершение был рассчитан интегральный индекс подверженности экономики регионов России санкционным рискам (рис. 6). Выше было значение индекса для экономик северо-западных регионов (Республика Коми, Калининградская, Вологодская, Ленинградская, Архангельская области, Республика Карелия), где сформировались тесные торговые и кооперационные связи с географически близкими странами Европейского союза, а также в автомобилестроительных центрах, интегрированных в глобальные производственные цепочки (Калужская, Ленинградская, Калининградская, Самарская области, Республика Татарстан, г. Москва), откуда ушли транснациональные корпорации-автогиганты. Все три региона на Балтийском море: г. Санкт-Петербург, Калининградская и Ленинградская области, как и ожидалось, оказались подвержены наибольшему влиянию санкционных рисков [33]. Для Калининградской области наиболее значительные санкционные риски стали существенным стимулом кардинальной трансформации экономики и внешне-торговых связей [34].

Пониженная подверженность рискам характерна для многих крупных диверсифицированных регионов с высокой долей обрабатывающей промышленности: Пермский, Хабаровский край, Ростовская, Томская, Новосибирская, Иркутская, Омская, Челябинская, Волгоградская, Воронежская, Брянская, Тульская, Рязанская области, Республика Башкортостан, Удмуртия. В этих регионах действуют крупнейшие производственные предприятия.

Для большинства азиатских и дальневосточных регионов с пониженной и средней подверженностью рискам характерна высокая диверсификация торговых потоков, в том числе ориентация на рынки Азиатско-Тихоокеанского региона: Иркутская, Амурская, Томская области, Хабаровский, Красноярский, Забайкальский край.



Рис. 6. Индекс подверженности санкционным рискам по регионам России

Наименьшее влияние рисков наблюдалось в удаленных от глобальных рынков (Алтайский край, Республики Тыва и Алтай) и менее развитых регионах (Республики Дагестан, Чечня, Калмыкия, Алтай, Тыва), а соответственно, менее вовлеченных в торговлю, производственные и иные связи с развитыми недружественными странами. Республики Северного Кавказа в силу своей близости к нейтральным странам смогли воспользоваться перенаправлением торговых потоков, в том числе в результате разрешения параллельного импорта [17], а также привлекли дополнительных внутренних туристов из-за ограничений на перемещения российских граждан за рубежом.

В регионах с высоким интегральным индексом подверженности санкционным рискам в среднем был ниже индекс выпуска товаров и услуг в 2022 г. (коэффициент корреляции — $-0,41^1$), то есть выше была вероятность того, что региональная экономика не росла. Но уже в январе — сентябре 2023 г. коэффициент корреляции снизился до $-0,14$. Трансформацию экономики регионов подтверждает и тот факт, что в целом экономика России (ВВП) в 2022 г. сократилась на 1,2 % по оценке Росстата², но в 2023 г. выросла на 3,6 %³.

¹ Это максимальное значение коэффициента корреляции по модулю в 2022 г. в сравнении с исходными показателями, что может свидетельствовать о правильной оценке потенциально-го совокупного (комплексного) влияния санкционных рисков на экономическую динамику в регионах. Впрочем, в 2023 г. был выше коэффициент корреляции с долей экспорта в недружественные страны, что может быть связано с внешними ограничениями в торговле нефтью и нефтепродуктами, из-за чего пострадали крупнейшие добывающие регионы.

² Спад экономики в 2022 году оказался меньше, чем в пандемию, 2023, *РБК*, URL: <https://www.rbc.ru/economics/20/02/2023/63f3751b9a7947fbecbdf0c5?from=copy> (дата обращения: 19.02.2024).

³ Росстат представляет первую оценку ВВП за 2023 год, 2024, *Росстат*, URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/230009> (дата обращения: 19.02.2024).

Таблица 4

**Индекс подверженности санкционным рискам для регионов
с его максимальными и минимальными значениями**

Ранг	Регион	Индекс
<i>Регионы с наиболее высокой подверженностью санкционным рискам</i>		
1	Республика Коми	0,44
2	Калужская область	0,41
3	Калининградская область	0,41
4	Вологодская область	0,38
5	Ленинградская область	0,38
6	Московская область	0,36
7	Архангельская область	0,35
8	Самарская область	0,35
9	Сахалинская область	0,34
10	Липецкая область	0,34
<i>Регионы с наиболее низкой подверженностью санкционным рискам</i>		
76	Хабаровский край	0,12
77	Томская область	0,12
78	Республика Алтай	0,11
79	Республика Тыва	0,09
80	Республика Дагестан	0,08
81	Чеченская Республика	0,08
82	Республика Северная Осетия — Алания	0,08
83	Астраханская область	0,07
84	Алтайский край	0,06
85	Республика Калмыкия	0,02

Заключение и рекомендации

Расширение санкционных и иных схожих для экономики рисков требует большего внимания исследователей, можно даже говорить о появлении нового направления научных исследований — «санкционномики» — об инструментах и последствиях соответствующей политики для хозяйства и населения разных стран и регионов. На наш взгляд, оценка санкционных рисков для регионов как раздел нового направления может иметь некоторое теоретическое значение с точки зрения развития концепции шокоустойчивости (резильентности) экономических систем [35; 36], а с прикладной точки зрения служит целям укрепления экономической безопасности регионов [37].

Как показывает проведенный анализ, санкционные риски оказывают пространственно разнородное влияние. В регионах с более интенсивными связями со странами, вводящими санкции, риски спада экономической активности были выше из-за разрыва поставок, ограничения доступа к рынкам [12]. Впрочем, возможна переориентация торговых потоков при условии наличия финансовых, транспортных, предпринимательских и иных ресурсов и компетенций. Санкции против юридических лиц создают риски снижения экономической активности в регионах регистрации этих организаций из-за ограничений доступа к зарубежным финансам, технологиям, рынкам, но рост спроса на местную продукцию компенсирует это влияние, в том числе за счет госзакупок. К тому же владельцы многих из этих предприятий стремятся снизить риски экспроприации собственности за рубежом, больше инвестируя внутри страны и базовых регионов (вынужденный рещоринг). Уход иностранных компаний приводит к разрыву производственных цепочек, в отдельных случаях — к оттоку специалистов (релокации сотрудников в другие страны), но одновременно высвобождает рыночные ниши для местного бизнеса. В торговле после разрешения

параллельного импорта¹ возникли возможности возникновения и роста малых торговых фирм в регионах, граничащих с дружественными и нейтральными странами [17]. Росли в 2023 г. объемы внутреннего туризма, а соответственно, и сектора услуг из-за ограничений на пересечение границ с недружественными странами. При этом многие риски могут не проявляться напрямую в краткосрочной экономической динамике, например отток и нехватка специалистов из-за релокации или недостаток технологий и невозможность импорта необходимого оборудования.

Оцениваемая в статье подверженность региональных экономик санкционным рискам коррелирует с потенциальным краткосрочным снижением темпов экономического роста, но экономическая динамика зависит от возможностей адаптации бизнесов и жителей, от компетенции властей. В регионах с диверсифицированной экономикой и внешнеторговыми связями [38], с проактивной политикой властей в целом ниже вероятность отрицательных темпов роста; эти регионы могут пользоваться результатами контрсанкционной политики импортозамещения (рост госзаказов, повышенный спрос на отечественные аналоги) и переориентации торговых, инвестиционных и иных потоков. Например, одной из наиболее подверженных санкционным рискам в России оказалась Липецкая область, но регион относительно диверсифицированный, в предыдущие годы власти региона проводили проактивную политику по привлечению инвесторов и развитию обрабатывающей промышленности, в новых условиях повышенный спрос на продукцию металлообработки и машиностроения создал основы для роста экономики. Поэтому хотя выпуск базовых продуктов и услуг в регионе снижался в 2022 г., он рос в январе — сентябре 2023 г.

Какими бы ни были внешние шоки для региональной экономики, необходима долгосрочная стратегия повышения ее резильентности [36]. Такая стратегия может включать широкий набор мер: от повышения транспортной доступности и связанности до диверсификации экономики и внешней торговли. Необходимо привлечение инвесторов из разных стран и регионов, запрет концентрации на одном или нескольких партнерах. Возможно стимулирование диверсификации внешнеторговых потоков [38] путем проведения международных форумов, ярмарок, участия делегаций бизнеса в подобных мероприятиях за рубежом. Важно установление широкой сети дружественных, в том числе и личных, связей с регионами-соседями и приморскими регионами [39]. Эффективна стратегия диверсификации экономики региона путем развития взаимодополняемых видов деятельности (умной специализации), достройки цепочек создания стоимости внутри региона [40; 41], усиления государственной поддержки отдельных наиболее импортозависимых отраслей за счет субсидий, вложений в науку и госзакупок [42; 13], стимулирования широкой предпринимательской деятельности, способствующей быстрой адаптации потребительских рынков в условиях шоков [30]. Для снижения импортозависимости потребуется более широкая интеграция образования, науки и производственного сектора с целью разработки новых продуктов и услуг в рамках умной специализации регионов [41]. Отдельным значимым направлением видится подготовка и привлечение кадров в регион в условиях их нехватки [42]. Нелишним будет говорить и о повышении бюджетной шокоустойчивости [43]: низкая и умеренная долговая нагрузка, накопление резервных фондов, номинированных в разных валютах, но хранящихся и инвестируемых внутри своей страны, внедрение запрета на размещения средств в одной стране (или потенциальном блоке стран). При этом региональные власти чаще всего решают текущие задачи без должного долгосрочного планирования, что предопределяет потребность в создании агентства развития с широкими полномочиями [39]. Региональным властям следует разработать систему

¹ Ввоз в страну товаров без согласия правообладателя товарного знака.

мониторинга долгосрочных внешних рисков, которые следует учитывать при разработке документов стратегического развития [22; 36]. При этом важно учитывать, что проблема воздействия внешних ограничений на региональные экономики не сводится к сумме локальных рисков, а нуждается в более сложном, системном подходе к оценке и учету рисков в масштабах всей экономики страны.

Исследование выполнено в рамках государственного задания РАНХиГС. Автор благодарит за помощь с расчетами и подготовкой картографического материала А. А. Михайлова, за помощь с получением данных Ю. Д. Землянского, А. Ю. Кнобеля, Р. О. Бобровского, а также рецензентов за полезные комментарии, учтенные при доработке статьи.

Список литературы

1. Goldberg, P. K., Reed, T. 2023, Is the Global Economy Deglobalizing? And if so, why? And what is next?, *National Bureau of Economic Research*, № w31115, <https://doi.org/10.3386/w31115>
2. Жихаревич, Б. С., Климанов, В. В., Марача, В. Г. 2020, Шокоустойчивость территории: концепция, измерение, управление, *Региональные исследования*, № 3, с. 4—15. EDN: PJCFKB
3. Timofeev, I. 2022, Sanctions on Russia: A New Chapter, *Russia in Global Affairs*, vol. 20, № 4, p. 103—119, <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2022-20-4-103-119>
4. Panibratov, A., Chen, S. 2022, The impact of economic sanctions on the decision of foreign firms to exit from Russia, *Research Handbook on Foreign Exit, Relocation and Re-entry: Theoretical Perspectives and Empirical Evidence*, p. 159—182.
5. Mahlstein, K., McDaniel, C., Schropp, S., Tsigas, M. 2022, Estimating the economic effects of sanctions on Russia: an allied trade embargo, *The World Economy*, № 11, p. 3344—3383, <https://doi.org/10.1111/twec.13311>
6. Кудрин, А. Л., Мау, В. А., Радыгин, А. Д., Синельников-Мурылев, С. Г. (ред.). 2023, *Российская экономика в 2022 году. Тенденции и перспективы*, вып. 44, Изд-во ин-та Гайдара, 556 с.
7. Ситкевич, Д. А., Стародубровская, И. В. 2022, Кратко- и долгосрочные последствия санкций: опыт Ирана и Югославии, *Вопросы теоретической экономики*, № 3, с. 77—98, https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2022_3_77_98
8. Кнобель, А., Лощенкова, А., Прока, К., Багдасарян, К. 2019, *Санкции: всерьез и надолго*, ИД «Дело», 82 с.
9. Казанцев, С. В. 2015, Антироссийские санкции и угрозы для субъектов Российской Федерации, *Регион: Экономика и Социология*, № 1, с. 20—38. EDN: ТМНУТН
10. Зубаревич, Н. В. 2022, Регионы России в новых экономических условиях, *Журнал Новой экономической ассоциации*, № 3, с. 226—234, <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-55-3-15>
11. Li, Z., Li, T. 2022, Economic sanctions and regional differences: evidence from sanctions on Russia, *Sustainability*, vol. 14, № 10, 6112, <https://doi.org/10.3390/su14106112>
12. Kuznetsova, O. V. 2023, New Patterns in the Modern Dynamics of Socioeconomic Development of Russian Regions, *Regional Research of Russia*, vol. 13, p. 671—681, <https://doi.org/10.1134/S2079970523700995>
13. Иванов, О. Б., Бухвальд, Е. М. 2022, Санкции и контрмеры в российской экономике (региональный аспект), *ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика*, № 4, с. 7—27, <https://doi.org/10.24412/2071-6435-2022-4-7-27>
14. Кнобель, А. Ю., Прока, К. А., Багдасарян, К. М. 2019, Международные экономические санкции: теория и практика их применения, *Журнал новой экономической ассоциации*, № 3, с. 152—162, <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2019-43-3-7>
15. Ушкалова, Д. И. 2022, Внешняя торговля России в условиях санкционного давления, *Журнал Новой экономической ассоциации*, № 3, с. 218—226, <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-55-3-14>
16. Смородинская, Н. В., Катухов, Д. Д. 2022, Россия в условиях санкций: пределы адаптации, *Вестник Института экономики Российской академии наук*, № 6, с. 52—67, https://doi.org/10.52180/2073-6487_2022_6_52_67

17. Земцов, С. П., Барина, В. А., Михайлов, А. А. 2023, Санкции, уход иностранных компаний и деловая активность в регионах России, *Экономическая политика*, № 2, с. 44—79, <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2023-2-44-79>
18. Gaur, A., Settles, A., Väättänen, J. 2023, Do Economic Sanctions Work? Evidence from the Russia-Ukraine Conflict, *Journal of Management Studies*, vol. 60, № 6, <https://doi.org/10.1111/joms.12933>
19. Crozet, M., Hinz, J. 2020, Friendly Fire: The Trade Impact of the Russia Sanctions and Counter-Sanctions, *Economic Policy*, vol. 35, № 101, p. 97—146, <https://doi.org/10.1093/EPOLIC/EIAA006>
20. Бобровский, Р. О. 2023, Роль уходящих иностранных компаний в экономике регионов России, *Федерализм*, т. 28, № 2, с. 197—219, <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2023-2-197-219>
21. Федоров, Г. М. (ред.). 2021, Экономическая безопасность регионов Западного порубежья России, *Издательство БФУ им. И. Канта*, 232 с. EDN: FMBXGM
22. Лачининский, С. С. 2022, Геоэкономические риски регионов Российской Балтики в условиях обостряющейся геополитической обстановки, *Балтийский регион*, т. 14, № 2, с. 23—37, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-2-2>
23. Землянский, Д. Ю., Чуженькова, В. А. 2023, Производственная зависимость от импорта в российской экономике: региональная проекция, *Известия РАН. Серия географическая*, т. 87, № 5, с. 651—665, <https://doi.org/10.31857/S2587556623050102>. EDN: VZPZLP
24. Березинская, О., Ведев, А. 2015, Производственная зависимость российской промышленности от импорта и механизм стратегического импортозамещения, *Вопросы экономики*, № 1, с. 103—115, <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2015-1-103-115>
25. Sun, J., Makosa, L., Yang, J., Darlington, M., Yin, F., Jachi, M. 2022, Economic sanctions and shared supply chains: A firm-level study of the contagion effects of smart sanctions on the performance of nontargeted firms, *European Management Review*, vol. 19, № 1, p. 92—106, <https://doi.org/10.1111/emre.12497>
26. Зайцев, Ю. К., Лощенкова, А. Н. 2023, Влияние санкций на деятельность российских компаний из обрабатывающего сектора экономики в период 2014—2021 гг., *Журнал Новой экономической ассоциации*, № 3, с. 50—65, https://doi.org/10.31737/22212264_2023_3_50-65
27. Кузык, М. Г., Симачев, Ю. В. 2023, Стратегии адаптации российских компаний к санкциям 2022 г., *Журнал Новой экономической ассоциации*, № 3, с. 172—180, https://doi.org/10.31737/22212264_2023_3_172-180. EDN: SPDHBN
28. Cheratian, I., Goltabar, S., Farzanegan, M. R. 2023, Firms persistence under sanctions: Micro-level evidence from Iran, *The World Economy*, vol. 46, № 8, p. 2408—2431, <https://doi.org/10.1111/twec.13378>
29. Землянский, Д. Ю., Калиновский, Л. В., Медведникова, Д. М., Чуженькова, В. А. 2022, Оценка рисков приостановки деятельности иностранных компаний для экономики и рынков труда регионов России, *Экономическое развитие России*, т. 29, № 4, с. 4—14. EDN: QIOIAA
30. Барина, В. А., Земцов, С. П., Царева, Ю. В. 2023, *В поисках предпринимательства в России. Часть I. Что мешает малому и среднему бизнесу развиваться*, ИД «Дело».
31. *World Risk Report 2022*. Ruhr Universitat, 2022.
32. Бабурин, В. Л. 2023, Оценка участия экономических районов России в международном разделении труда, *Региональные исследования*, № 3, с. 37—51, <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2023-3-4>. EDN: BUGMQM
33. Zverev, Yu. M. 2023, Three Russian Baltic regions in the context of confrontation between Russia and the West, *Baltic region*, vol. 15, № 4, p. 24—41, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-4-2>
34. Kolosov, V. A., Sebentsov, A. B. 2023, The border as a barrier and an incentive for the structural economic transformation of the Kaliningrad exclave, *Baltic region*, № 4, p. 104—123, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-4-6>
35. Martin, R. 2012, Regional economic resilience, hysteresis and recessionary shocks, *Journal of economic geography*, vol. 12, № 1, p. 1—32, <https://doi.org/10.1093/jeg/lbr019>
36. Жихаревич, Б. С. 2020, Риски и угрозы в стратегиях российских регионов, *Региональная экономика. Юг России*, т. 8, № 4, с. 19—29, <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2020.4.2>

37. Татаркин, А.И., Куклин, А.А. 2012, Изменение парадигмы исследований экономической безопасности региона, *Экономика региона*, №2, с. 25–39, <https://doi.org/10.17059/2012-2-2>
38. Fedyunina, A. A., Simachev, Y. V., Drapkin, I. M. 2023, Intensive and Extensive Margins of Export: Determinants of Economic Growth in Russian Regions under Sanctions, *Economy of Regions*, vol. 19, №3, p. 884–897, <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-3-20>
39. Полтерович, В.М. 2023, Догоняющее развитие в условиях санкций: стратегия позитивного сотрудничества, *Terra Economicus*, т. 21, №3, с. 6–16, <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2023-21-3-6-16>
40. Куценко, Е.С., Абашкин, В.Л., Исланкина, Е.А. 2019, Фокусировка региональной промышленной политики через отраслевую специализацию, *Вопросы экономики*, №5, с. 65–89, <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-5-65-89>
41. Земцов, С., Баринаова, В. 2016, Смена парадигмы региональной инновационной политики в России: от выравнивания к «умной специализации», *Вопросы экономики*, №10, с. 65–81, <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2016-10-65-81>
42. Идрисов, Г.И. 2016, Промышленная политика России в современных условиях, *Научные труды Фонда «Институт экономической политики им. ЕТ Гайдара»*, №169, с. 11–60.
43. Barinova, V., Rochhia, S., Zemtsov, S. 2022, Attracting highly skilled migrants to the Russian regions, *Regional Science Policy Practice*, vol. 14, №1, p. 147–173, <https://doi.org/10.1111/rsp3.12467>
44. Klimanov, V. V., Kazakova, S. M., Mikhaylova, A. A. 2020, Economic and fiscal resilience of Russia's regions, *Regional Science Policy and Practice*, vol. 12, №4, p. 627–640, <https://doi.org/10.1111/rsp3.12282>

Об авторах

Степан Петрович Земцов, кандидат географических наук, директор Центра экономической географии и регионалистики Института прикладных экономических исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации, Россия

E-mail: Zemtsov@ranepa.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1283-0362>



ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

SANCTIONS RISKS AND REGIONAL DEVELOPMENT: RUSSIAN CASE

S. P. Zemtsov 

RANEPА,
82, Vernadskogo ave., Moscow, 119571, Russia

Received 06 January 2023
Accepted 29 February 2024
doi: 10.5922/2079-8555-2024-1-2
© Zemtsov, S. P., 2024

Economic sanctions and countersanctions are expanding worldwide, posing spatially heterogeneous threats to most countries. The study aims to develop and test a methodology for assessing regional exposure to sanctions risks using Russian data. The share of foreign trade

with the countries that introduced restrictions can be used to evaluate the exposure to new trade barriers. In several cases, this share exceeded 50 %, necessitating a rapid reorientation of product flows in Nenets, Khanty-Mansiysk Autonomous Areas, Komi, and Murmansk region. The Kaliningrad, Kaluga, and Leningrad regions exhibit high import dependence in the production sector, particularly in the automotive industry, due to their active involvement in global supply chains. Sanctions against large legal entities created risks for the stability of regional economies but the increase in demand for domestic products offset this impact. Foreign enterprises exiting the market posed risks of disrupting production chains but also provided opportunities for local business development. Before some countries introduced sanctions, their companies had held more than 20 % of the market share in Kaluga, Moscow region, and the city of Moscow. However, the share of foreign firms that announced complete withdrawal exceeded 5 % of the market only in the Komi, Samara, Leningrad, and Moscow regions. An integral index of exposure was proposed based on the mentioned indicators. Its value is lower for the regions with a more diversified economy and foreign trade. The greatest risks were observed in the closely connected to the European Union northwestern territories of Russia: Karelia, Komi, Kaliningrad, Leningrad, and Arkhangelsk regions. In 2022, regions with a high index value were more likely to experience a decline in economic activity, but in 2023, this impact was less explicit due to economic adaptation and transformation. Based on the results of the study, some recommendations can be formulated.

Keywords:

sanctions, Russian regions, foreign trade, economic development, import dependence, exit of foreign companies, economic security, resilience

References:

1. Goldberg, P.K., Reed, T. 2023, Is the Global Economy Deglobalizing? And if so, why? And what is next?, *National Bureau of Economic Research*, № w31115, <https://doi.org/10.3386/w31115>
2. Zhikharevich, B. S., Klimanov, V. V., Maracha, V. G. 2020, Resistance of the territory: concept, measurement, governance, *Regional Studies*, № 3, p. 4–15. EDN: PJCFKB (in Russ.).
3. Timofeev, I. 2022, Sanctions on Russia: A New Chapter, *Russia in Global Affairs*, vol. 20, № 4, p. 103–119, <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2022-20-4-103-119>
4. Panibratov, A., Chen, S. 2022, The impact of economic sanctions on the decision of foreign firms to exit from Russia, *Research Handbook on Foreign Exit, Relocation and Re-entry: Theoretical Perspectives and Empirical Evidence*, p. 159–182.
5. Mahlstein, K., McDaniel, C., Schropp, S., Tsigas, M. 2022, Estimating the economic effects of sanctions on Russia: an allied trade embargo, *The World Economy*, № 11, p. 3344–3383, <https://doi.org/10.1111/twec.13311>
6. Kudrin, A. L., Mau, V. A., Radygin, A. D., Sinelnikov-Murylev, S. G. (eds.). 2023, *Russian economy in 2022. Trends and prospects*, (Iss. 44), Gaidar Institute Publishing House, 556 p. (in Russ.).
7. Sitkevich, D. A., Starodubrovskaya, I. V. 2022, Short — and long-term effects of sanctions: evidence from Iran and Yugoslavia, *Issues of Economic Theory*, № 3, p. 77–98, https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2022_3_77_98 (in Russ.).
8. Knobel, A., Loschenkova, A., Proka, K., Bagdasaryan, K. 2019, Sanctions: seriously and for a long time, Delo Publishing House, 82 p. (in Russ.).
9. Kazantsev, S. V. 2015, Anti-Russian sanctions and threats for the subjects of the Russian Federation, *Region: Economics and Sociology*, № 1, p. 20–38. EDN: TMHYTN (in Russ.).
10. Zubarevich, N. V. 2022, Regions of Russia in the new economic realities, *Journal of the New Economic Association*, <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-55-3-15>, № 3, p. 226–234 (in Russ.).
11. Li, Z., Li, T. 2022, Economic sanctions and regional differences: evidence from sanctions on Russia, *Sustainability*, vol. 14, № 10, 6112, <https://doi.org/10.3390/su14106112>
12. Kuznetsova, O. V. 2023, New Patterns in the Modern Dynamics of Socioeconomic Development of Russian Regions, *Regional Research of Russia*, vol. 13, p. 671–681, <https://doi.org/10.1134/S2079970523700995>

13. Ivanov, O. B., Buchwald, E. M. 2022, Sanctions and Countermeasures in the Economy of Russian Federation (Regional Aspect), *ETAP: Economic Theory, Analysis, Practice*, № 4, p. 7—27, <https://doi.org/10.24412/2071-6435-2022-4-7-27> (in Russ.).
14. Knobel, A. Y., Proka, K. A., Bagdasaryan, K. M. 2019, The Theory and Practice of International Economic Sanctions, *Journal of the New Economic Association*, № 3, p. 152—162, <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2019-43-3-7> (in Russ.).
15. Ushkalova, D. I. 2022, Russia's foreign trade under sanctions pressure, *Journal of the New Economic Association*, № 3, p. 218—226, <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-55-3-14>
16. Smorodinskaya, N. V., Katukov, D. D. 2022, Russia under sanctions: limits of adaptation, *The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*, № 6, p. 52—67, https://doi.org/10.52180/2073-6487_2022_6_52_67 (in Russ.).
17. Zemtsov, S. P., Barinova, V. A., Mikhailov, A. A. 2023, Sanctions, Exit of Foreign Companies and Business Activity in the Russian Regions, *Economic Policy*, № 2, p. 44—79, <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2023-2-44-79> (in Russ.).
18. Gaur, A., Settles, A., Vääänen, J. 2023, Do Economic Sanctions Work? Evidence from the Russia- Ukraine Conflict, *Journal of Management Studies*, vol. 60, № 6, <https://doi.org/10.1111/joms.12933>
19. Crozet, M., Hinz, J. 2020, Friendly Fire: The Trade Impact of the Russia Sanctions and Counter-Sanctions, *Economic Policy*, vol. 35, № 101, p. 97—146, <https://doi.org/10.1093/EPOLIC/EIAA006>
20. Bobrovskiy, R. O. 2023, The Role of Withdrawing Foreign Companies in the Economy of Russian Regions, *Federalism*, vol. 28, № 2, p. 197—219, <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2023-2-197-219> (in Russ.).
21. Fedorov, G. M. 2021, Economic security of the regions of the Western border of Russia, Publishing house of the IKBFU. I. Kant, 232 p. (in Russ.).
22. Lachininskii, S. S. 2022, Geoeconomic risks faced by the Russian Baltic region amid a deteriorating geopolitical situation, *Baltic region*, № 2, p. 23—37, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-2-2>
23. Zemlyanskii, D. Yu., Chuzhenkova, V. A. 2023, Production dependence on imports in the Russian economy: regional projection, *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*, vol. 87, № 5, p. 651—665, <https://doi.org/10.31857/S2587556623050102>. EDN: VZPZLP (in Russ.).
24. Berezinskaya, O., Vedev, A. 2015, Dependency of the Russian industry on imports and the strategy of import substitution industrialization, *Voprosy Ekonomiki*, № 1, p. 103—115, <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2015-1-103-115> (in Russ.).
25. Sun, J., Makosa, L., Yang, J., Darlington, M., Yin, F., Jachi, M. 2022, Economic sanctions and shared supply chains: A firm-level study of the contagion effects of smart sanctions on the performance of nontargeted firms, *European Management Review*, vol. 19, № 1, p. 92—106, <https://doi.org/10.1111/emre.12497>
26. Zaytsev, Yu. K., Loshchenkova, A. N. 2023, The impact of sanctions on the activities of Russian companies in the manufacturing sector of the economy in 2014—2021, № 3, p. 50—65, https://doi.org/10.31737/22212264_2023_3_50-65 (in Russ.).
27. Kuzyk, M. G., Simachev, Yu. V. 2023, Strategies of Russian companies to adapt to the 2022 sanctions, *Journal of the New Economic Association*, vol. 60, № 3, p. 172—180, https://doi.org/10.31737/22212264_2023_3_172-180 (in Russ.).
28. Cheratian, I., Goltabar, S., Farzanegan, M. R. 2023, Firms persistence under sanctions: Micro-level evidence from Iran, *The World Economy*, vol. 46, № 8, p. 2408—2431, <https://doi.org/10.1111/twec.13378>
29. Zemlianskii, D. Yu., Kalinovskii, L. V., Medvednikova, D. M., Chuzhenkova, V. A., 2022, Risk assessment of foreign companies' withdrawal for the economy and labor markets of Russian regions, *Economic Development of Russia*, № 4, p. 4—14. EDN: QIOIAA (in Russ.).
30. Barinova, V. A., Zemtsov, S. P., Tsareva, Yu. V. 2023, *In search of entrepreneurship in Russia. Part I. What prevents small and medium-sized businesses from developing*, Delo Publishing House (in Russ.).
31. *World Risk Report 2022*, Ruhr Universitat, 2022.

32. Baburin, V.L. 2023, Assessment of Russian economic regions involvement in the international division of labor, *Regional Studies*, № 3, p. 37—51, <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2023-3-4>. EDN: BUGMQM (in Russ.).
33. Zverev, Yu.M. 2023, Three Russian Baltic regions in the context of confrontation between Russia and the West, *Baltic region*, vol. 15, № 4, p. 24—41, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-4-2>
34. Kolosov, V.A., Sebentsov, A.B. 2023, The border as a barrier and an incentive for the structural economic transformation of the Kaliningrad exclave, *Baltic region*, № 4, p. 104—123, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-4-6>
35. Martin, R. 2012, Regional economic resilience, hysteresis and recessionary shocks, *Journal of economic geography*, vol. 12, № 1, p. 1—32, <https://doi.org/10.1093/jeg/lbr019>
36. Zhikharevich, B.S. 2020, Risks and threats in Russian regional strategies, *Regional Economy. South of Russia*, vol. 8, № 4, p. 19—29, <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2020.4.2> (in Russ.).
37. Tatarin, A.I., Kuklin, A.A. 2012, Changing the paradigm of region's economic security research, *Economy of region*, № 2, p. 25—39, <https://doi.org/10.17059/2012-2-2> (in Russ.).
38. Fedyunina, A.A., Simachev, Y.V., Drapkin, I.M. 2023, Intensive and Extensive Margins of Export: Determinants of Economic Growth in Russian Regions under Sanctions, *Economy of Regions*, vol. 19, № 3, p. 884—897, <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-3-20>
39. Polterovich, V.M. 2023, Catch-up development under sanctions: the strategy of positive cooperation, *Terra Economicus*, vol. 21, № 3, p. 6—16, <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2023-21-3-6-16> (in Russ.).
40. Kutsenko, E.S., Abashkin, V.L., Islankina, E.A. 2019, Focusing regional industrial policy via sectorial specialization, *Voprosy Ekonomiki*, № 5, p. 65—89, <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-5-65-89> (in Russ.).
41. Zemtsov, S., Barinova, V. 2016, The paradigm changing of regional innovation policy in Russia: from equalization to smart specialization, *Voprosy Ekonomiki*, № 10, p. 65—81, <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2016-10-65-81> (in Russ.).
42. Idrisov, G.I. 2016, Towards modern industrial policy for Russia, *Scientific works of the Institute of Economic Policy named after. ET Gaidar*, № 169, p. 11—60 (in Russ.).
43. Barinova, V., Rochhia, S., Zemtsov, S. 2022, Attracting highly skilled migrants to the Russian regions, *Regional Science Policy Practice*, vol. 14, № 1, p. 147—173, <https://doi.org/10.1111/rsp3.12467>
44. Klimanov, V.V., Kazakova, S.M., Mikhaylova, A.A. 2020, Economic and fiscal resilience of Russia's regions, *Regional Science Policy and Practice*, vol. 12, № 4, p. 627—640, <https://doi.org/10.1111/rsp3.12282>

The authors

Dr Stepan P. Zemtsov, RANEPa, Russia.

E-mail: Zemtsov@ranepa.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1283-0362>



SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

НОВАЯ РОЛЬ КООПЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ САНКЦИЙ: ОЦЕНКИ ЖИТЕЛЕЙ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Е. В. Фролова 

О. В. Рогач 

Финансовый университет при Правительстве РФ,
125167, Россия, Москва, Ленинградский просп., 49

Поступила в редакцию 19.06.2023 г.

Принята к публикации 06.11.2023 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2024-1-3

© Фролова Е. В., Рогач О. В., 2024

Поиск новых механизмов поддержания благополучия населения становится особенно актуальным в современных условиях экономического кризиса. В этом контексте кооперация может рассматриваться в качестве приоритетной формы предпринимательской активности, позволяя консолидировать финансовые ресурсы и снижать затраты на ведение хозяйственной деятельности. Статья ставит целью оценить потенциал потребительской кооперации в Калининградской области в условиях антироссийских санкций. Авторами ставится научная проблема по анализу особенностей развития кооперации в Калининградской области, исследованию ожиданий и запросов местного населения. Ключевым методом выступает анкетный опрос жителей Калининградской области ($N = 481$). В ходе исследования был сделан вывод о формировании условий для ренессанса кооперативных моделей хозяйствования в эксклавной Калининградской области. Среди жителей региона преобладает позитивное отношение к кооперации, сформировано мнение о том, что в условиях кризиса и экономических вызовов появились возможности для развития кооперативов. При этом среди респондентов, имеющих личный или опосредованный опыт участия в кооперации, значительно выше доля тех, кто позитивно оценивает кооперативные практики. Установлено, что ограничением развития кооперации выступает дефицит межличностного доверия. Делается вывод, что экономический кризис сместил фокус ожиданий жителей региона с социальных интересов (объединение с единомышленниками) на задачи повышения материального благополучия. Ожидания населения от участия в кооперативной деятельности в первую очередь связаны с возможностью заняться собственным бизнесом, повысить свои доходы.

Ключевые слова:

кооперация, кооператив, экономические санкции, Калининградская область, потребительский рынок, солидарность, доверие

Введение

Кооперация представляет собой одну из форм осуществления экономической деятельности, преимуществами которой является повышение эффективности процессов реализации продукции, облегчение доступа к заемным средствам [1] и тех-

Для цитирования: Фролова Е. В., Рогач О. В. Новая роль кооперации в условиях экономических санкций: оценки жителей Калининградской области // Балтийский регион. 2024. Т. 16, № 1. С. 46–60.
doi: 10.5922/2079-8555-2024-1-3

нологиям, объединение материально-технических и организационных ресурсов, формирование рациональных хозяйственных связей [2]. Детализируя преимущества кооперативных форм хозяйствования, ученые обращают внимание на факторы повышения их конкурентоспособности. В частности, речь идет о сокращении издержек за счет единой маркетинговой стратегии, закупки крупных партий сырья, общих транспортных поставок, а также формирования дифференцированной асортиментной политики [3].

Анализ научных источников позволяет определить социальную сущность кооперативных форм хозяйствования, что отличает их от традиционных предпринимательских структур. Общие экономические цели участников кооперации становятся интегрирующей основой их совместной деятельности, эффективного сотрудничества [4]. Дополняя данный вывод, российские исследователи склонны акцентировать внимание на необходимости обеспечения справедливости решений, принимаемых в рамках кооператива, развития доверия между участниками кооперации [6].

Результаты исследований, проведенных на материале городов Испании, демонстрируют, что кооперативные модели способствуют более гибкому и устойчивому экономическому росту территории [6]. К аналогичным выводам приходят и российские ученые, сопоставившие статистические данные развития кооперации в 1990 г. в России и размещение современных промышленных кластеров. Территориальная сосредоточенность промышленных зон в точках концентрации кооперативных предприятий косвенным образом свидетельствует о взаимосвязи между развитием кооперации и ростом промышленного производства [7]. Данные тенденции приобретают особое значение в условиях запрета на поставки иностранной продукции, необходимости развития импортозамещения после введения санкций [8]. С учетом роли кооперации в развитии экономического потенциала территорий анализ перспектив использования данных моделей хозяйствования приобретает актуальность для Калининградской области, испытывающей особые трудности в условиях давления антироссийских санкций. «Предприятия с коллективной (народной) формой собственности» могут выступать наиболее эффективным инструментом достижения устойчивости территорий Балтийского региона [9].

Роль кооперации в развитии территории обосновывается спецификой функционирования кооперативных моделей хозяйствования, ориентированных прежде всего на интересы и потребности местных сообществ [10]. Репутационный капитал кооперативных организаций, их устойчивость во многом обеспечиваются предложением услуг, адаптированных к потребностям территориальных сообществ [11]. По мнению российских ученых, кооперативные практики обеспечивают реализацию двух взаимодополняющих друг друга направлений: достижение финансовой рентабельности, доходности своих участников и улучшение социально-экономических условий жизнедеятельности населения локальных территорий [12]. Опора на результаты теоретического осмысления традиционной роли кооперации позволила авторам сформулировать приоритеты в анализе структуры ожиданий населения от вступления в кооперативы. Данные приоритеты определяются экономическими и социальными ожиданиями населения.

Экономический кризис и геополитические трансформации актуализируют проблемы экономики Калининградской области. Особые риски обусловлены эксклавным положением территории, ее зависимостью как от импорта продукции, так и от поставок товаров из других регионов России. Транспортные издержки существенным образом лимитируют доступность продовольствия для населения, снижая уровень потребления. Дополнительным ограничением выступили трудности функционирования предприятий пищевой промышленности региона, которые болезненно переживают разрыв трансграничных сырьевых связей [13]. Анализ экономических

рисков развития Калининградской области указывает на наличие таких проблем, как недостаточность финансово-кредитной инфраструктуры, функционирование в регионе преимущественно низкотехнологичных производств [14]. Характеризуя экономическое положение Калининградской области, исследователи делают вывод о высокой волатильности муниципальных бюджетов, их зависимости от межбюджетных трансфертов и дотаций, недостаточности собственных налоговых поступлений. Сложившаяся ситуация может быть преодолена за счет создания институциональных условий для роста предпринимательской активности населения [15]. Развитие предпринимательства рассматривается в качестве наиболее действенного механизма модернизации экономики приграничного региона, снижения деструктивного влияния антироссийских санкций [16]. Надо отметить, что Калининградская область является одним из лидеров по уровню развития малого предпринимательства в сравнении с другими регионами РФ. Численность работников малых предприятий составляла 90,7 тыс. чел. в 2021 г., микропредприятий — 45,8 тыс. чел., занятых в сфере индивидуального предпринимательства — 40 тыс. чел. По показателю «Сальдированный финансовый результат деятельности» регион занимает второе место как среди малых предприятий (64 995 млн руб.), так и среди микропредприятий (45 881 млн руб.) в Северо-Западном федеральном округе после северной столицы — г. Санкт-Петербурга. Объем субсидий, выделенный на государственную поддержку малого и среднего предпринимательства в регионе, составил почти 500 млн руб. в 2020 г. и 180 млн руб. в 2021 г.¹

Тем не менее ученые говорят о стагнации развития малого бизнеса в последние годы, несмотря на значительную поддержку со стороны органов власти, что обусловлено сложившейся экономической ситуацией и внешнеполитическими вызовами [17].

В условиях давления антироссийских санкций, повышения уровня уязвимости потребительского рынка Калининградской области как обособленной территории [18] особую актуальность приобретает анализ механизмов модернизации экономики, преодоления зависимости от зарубежных поставок. Таким образом, экономические реалии Калининградской области диктуют запрос на расширение роли кооперации в части активизации предпринимательской активности населения, замещения высвободившихся рыночных ниш вследствие сжатия зарубежных товарных поставок.

Методы

Ключевым методом исследования выступил анкетный опрос населения Российской Федерации, проведенный при участии авторов Российским университетом кооперации весной 2022 г.². Структурно блоки анкеты представлены следующим образом:

- оценка роли системы потребительской кооперации в обеспечении устойчивого развития российской экономики;
- факторы позитивного и негативного отношения к системе потребительской кооперации России;
- анализ предпринятых и запланированных россиянами действий, компенсирующих последствия внешних санкций;

¹ Малое и среднее предпринимательство в России, 2022, *Росстат*, URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13223> (дата обращения: 15.09.2023).

² Авторы выражают признательность руководству Российского университета кооперации за организацию исследования, прежде всего ректору А. Р. Набиевой, д-ру экон. наук, проф. А. Н. Малолетко, д-ру экон. наук, проф. О. В. Кауровой.

— основные барьеры развития системы потребительской кооперации в новых экономических условиях.

В ходе исследования использовалась многоступенчатая районированная выборка. Первая ступень отбора включала в себя районирование по федеральным округам, на второй ступени был осуществлен отбор типичных субъектов РФ. Далее были определены числовые параметры квот с учетом трех критериев: пол, возраст, тип населенного пункта постоянного проживания (сельское/городское поселение). Таким образом, опрос проводился по общероссийской выборке с охватом 19 регионов, обеспечивающих представительство всех федеральных округов РФ. Количество опрошенных респондентов составило 4422 человека.

При подготовке материалов статьи авторы использовали данные, полученные от респондентов Калининградской области (N = 481). Данные общероссийской выборки применялись для сравнительного анализа ответов жителей региона со средними значениями по РФ. Распределение респондентов Калининградской области по полу представлено в следующих пропорциях: женщины — 58,5 %, мужчины — 41,6 %. Распределение по возрасту: 18—29 лет — 42,6 %, 30—44 года — 21,2 %, 45—54 года — 9,4 %, 55—64 года — 11,2 %, 65 лет и старше — 15,6 %. Из числа опрошенных 76,3 % проживают в городе, 23,7 % — в селе.

Отдельно стоит отметить, что исследование проведено в рамках НИР «Роль потребительской кооперации Российской Федерации в новых экономических условиях, в том числе в условиях внешних санкций» по решению Ученого совета Российского университета кооперации. Согласно техническому заданию организация исследования (в том числе подбор респондентов по субъектам РФ) осуществлялась сотрудниками региональных отделений (филиалов) Российского университета кооперации. Наличие финансовых рамок НИР определило следующие особенности организации исследования: анкета была составлена с использованием Google form, ссылка на которую распространялась согласно принципу «снежного кома». Несмотря на ежедневный контроль авторов квотного представительства респондентов, можно говорить о некотором смещении выборки от изначально заданных квот, что выступает ограничением исследования. Обработка результатов исследования осуществлялась с использованием программного обеспечения SPSS.

С учетом масштабности опроса и наличия многоплановых задач в рамках данной статьи (ввиду ограничений по объему публикации) приводится анализ ответов респондентов по одному из блоков анкеты, касающегося отношения населения к кооперации, опыта участия и ключевых ожиданий от вступления в кооператив. Цель статьи заключалась в оценке потенциала потребительской кооперации в Калининградской области в новых экономических условиях и при давлении антироссийских санкций. Научная проблема заключается в поиске особенностей развития кооперации, характерных для Калининградской области, в условиях экономических санкций.

Результаты

Как показали результаты исследования, более половины опрошенных жителей Калининградской области знакомы с термином «кооперация» (52,4 %). Еще одна треть (36,2 %) оценили свои знания, как приблизительные («да, слышал, но не могу точно ответить»). Только каждый десятый респондент (11,4 %) не знаком с данным понятием. Региональные оценки приближены к ответам по общероссийской выборке, различия колеблются в пределах 1 %. Специфику ответа жителей Калининградской области мы можем увидеть в вопросе, характеризующим отношение к потре-

бительским кооперативам (табл. 1). В частности, 17,7% респондентов негативно относятся к практике кооперации, что выше общероссийских значений на 7,4 п. п. При этом стоит отметить, что в оценках респондентов все же преобладает позитивное отношение к кооперативным практикам.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Как вы относитесь к практикам создания кооперативов?», %

Вариант ответа	Жители Калининградской области	В целом по Российской Федерации
Нейтрально	27,7	26,9
Отрицательно	17,7	10,3
Положительно	48,2	54,5
Затрудняюсь ответить	6,4	8,3

В ходе опроса было также установлено, что одним из ограничений развития кооперации как экономической деятельности выступает дефицит межличностного доверия. Подавляющее большинство опрошенных респондентов (67,8%) указали на наличие риска столкнуться с мошенниками в практике создания кооператива. Полученные результаты выше общероссийских значений на 7,1 п. п. (60,7% по РФ в целом). Кроме того, жители Калининградской области при ответе на вопрос «Если вы не участвуете в кооперации, то почему?» высказали сомнения в экономической эффективности данной формы хозяйствования. Так, 12,9% выбрали вариант ответа «здесь нельзя хорошо зарабатывать», также были озвучены причины, связанные с «низким уровнем информированности» (18,1%), «отсутствием интереса» (30,4%).

Результаты исследования при этом показали, что в жители региона имеют более высокий опыт участия в кооперативах, чем россияне в целом. Так, каждый третий респондент (31,4%) при ответе на вопрос: «Участвуете ли вы или ваши знакомые в потребительских кооперациях?» ответил утвердительно (выше общероссийских значений на 6,8 п. п.). Полученные результаты могут объясняться достаточно динамичным развитием кооперации в Калининградской области. Несмотря на свою молодую историю, система потребкооперации региона включает в себя 174 предприятия розничной торговли (более половины из которых функционируют в сельских территориях), 22 производственных цеха, 24 предприятия общественного питания. Совокупный объем деятельности потребительских кооперативов Калининградской области составил 2,2 млрд руб. в 2021 г., около 1,2 млрд руб. за первое полугодие 2022 г. Поддержка со стороны органов власти осуществляется в рамках программы «Развитие потребительской кооперации Калининградской области до 2025 года и с перспективой до 2030 года»¹.

Внимание региональных властей к развитию кооперации задает позитивный вектор расширения вовлеченности населения в кооперативные практики, а также формирует условия для обеспечения устойчивости данных форм хозяйствования. В частности, выявлена зависимость между опытом участия в кооперации и отношением к практикам создания кооперативов (табл. 2). Как показали результаты исследования, среди респондентов, имеющих личный или опосредованный (через знакомых) опыт участия в кооперации, значительно выше доля тех, кто положительно относится к кооперации (74,2%, что выше средних значений на 26 п. п.).

¹ Потребительская кооперация Калининградской области отметила 75-летие, 10.09.2022, Портал Правительства Калининградской области, URL: <https://gov39.ru/press/316419/> (дата обращения: 30.05.2023).

Таблица 2

Зависимость между опытом участия в кооперации и отношением к практикам создания кооперативов, %

Опыт участия	Отношение к практикам создания кооператива				Всего
	Положительно	Отрицательно	Нейтрально	Затрудняюсь ответить	
Да	74,2	15,2	9,3	1,3	100
Нет	38,1	21,3	35,6	5	100
Затрудняюсь ответить	33,6	14,8	36,7	14,9	100
Средние значения	48,2	17,7	27,7	6,4	100

Оценивая перспективность кооперативных форм хозяйствования, большинство опрошенных ожидают, что они позволят им заняться собственным бизнесом (57 % среди жителей Калининградской области и 55 % — в среднем по России). Можно отметить, что в целом в ответах респондентов при оценке своих ожиданий от вступления в кооператив прослеживается преимущественно экономическая рациональность (рис. 1). Первые строки «рейтинга ожиданий» составляют такие позиции, как «возможность заняться собственным бизнесом» и «возможность найти новый источник дохода». В несколько меньшей степени респонденты демонстрируют ожидания, связанные с поиском единомышленников и альтруистическими мотивами помощи отечественному рынку в условиях санкций, обеспечения населения качественными товарами. Тем не менее данный фактор не менее значим, и его указала почти половина опрошенных респондентов. Четыре из десяти жителей Калининградской области ожидают от вступления в кооператив объединения с единомышленниками.

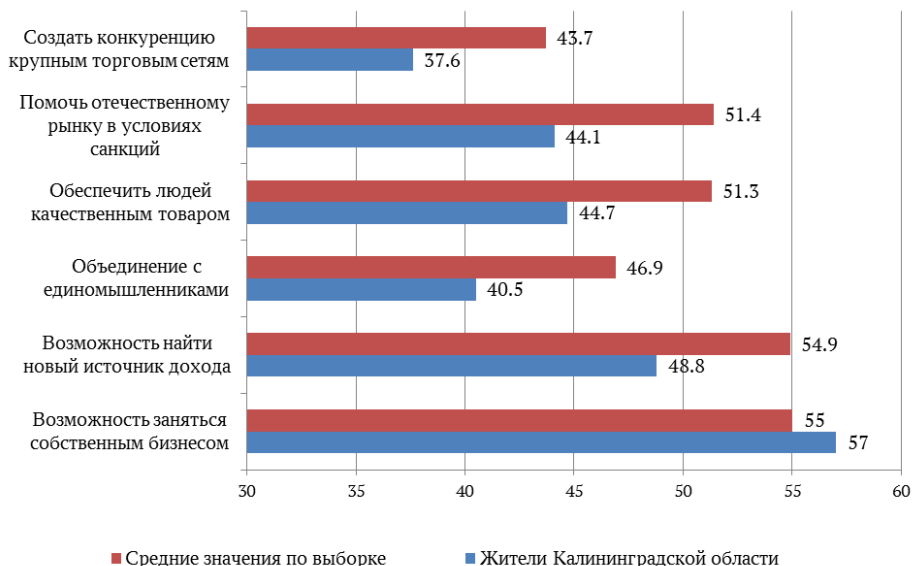


Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Что лично вы ожидаете от вступления в кооператив или его создания?», %

Отличия оценок жителей Калининградской области от средних по РФ могут быть обусловлены рядом факторов. Эксклавное положение региона, его высокий уровень импортозависимости детерминируют проявление специфичных послед-

ствий экономического кризиса в области. В частности, ученые отмечают крайне высокий уровень чувствительности экономики региона к колебаниям курса валют, рост цен, недостаточность обеспечения товарами по ряду категорий, сужение объемов потребления, переход на более дешевые и менее качественные продукты. В целом уровень потребления в регионе существенно ниже общероссийских показателей [19]. Можно предположить, что данные негативные тренды сместили фокус внимания жителей региона на более значимые проблемы, связанные с первостепенными задачами жизнеобеспечения в условиях новых вызовов. Жители Калининградской области, например, в меньшей степени ждут от кооперации объединения с единомышленниками или создания конкуренции крупным торговым сетям. По сравнению с проблемами продовольственного обеспечения данные ожидания не столь актуализированы. Кроме того, специфика эксклавного положения региона объективно ограничивает возможности хозяйственных субъектов, в том числе участников кооперативов, в обеспечении территории продовольствием ввиду разрыва трансграничных сырьевых связей [13].

Более половины опрошенных респондентов (60,1 %) считают, что кооперативы смогут занять место иностранных компаний, ушедших с российского рынка в связи с введением экономических санкций (рис. 2).

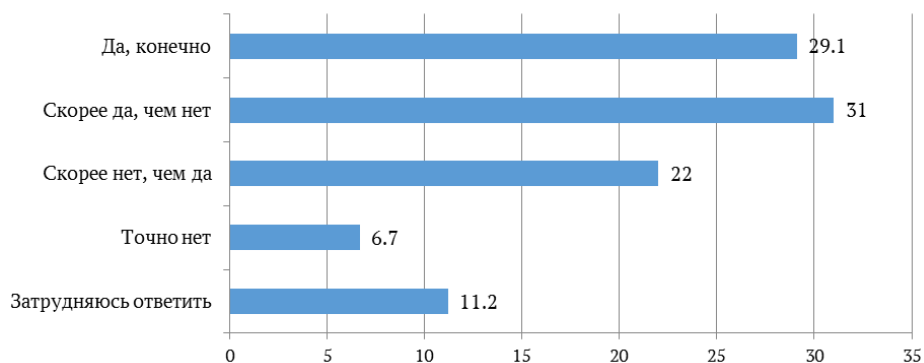


Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Смогут ли потребительские кооперативы в условиях санкций занять место тех иностранных компаний, которые ушли с российского рынка?», %

Результаты указывают на достаточно ярко выраженную потребность жителей в реализации новых механизмов модернизации экономики, поиска инструментов поддержания ее устойчивости в период неопределенности.

По мнению большинства опрошенных респондентов, современный этап характеризуется появлением новых возможностей для развития потребительских кооперативов (табл. 3). Отметим, что оценки жителей Калининградской области не имеют существенных различий с общероссийской выборкой. В качестве единственного исключения можно отметить более оптимистичную тональность ответов респондентов Балтийского региона (33,5 % выбрали ответ «да», что выше на 5,3 п. п. средних значений). Можно предположить, что для Калининградской области характерна особая чувствительность к уходу зарубежных компаний с российского рынка и более четкое видение освободившихся экономических ниш, что обеспечивает формирование новых возможностей для кооперации в данном направлении. Кроме того, опираясь на региональные исследования, констатирующие повышение уровня доверия жителей Калининградской области к власти в условиях геополитической

напряженности [20], можно высказать предположение, что данный факт формирует определенную уверенность граждан в государственной поддержке и, соответственно, в появлении новых возможностей для кооперации.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Появились ли новые возможности для развития потребительских кооперативов?», %

Вариант ответа	Жители Калининградской области	В целом по Российской Федерации
Да	33,5	28,2
Скорее да, чем нет	38,0	40,3
Нет	5,0	5,2
Скорее нет, чем да	16,2	16,6
Затрудняюсь ответить	7,3	9,7

Открытие окна возможностей для кооперации в условиях новых вызовов отмечается в ответах 71,5 % жителей Калининградской области (совокупность ответов «да» и «скорее да, чем нет»). Приоритетными сферами развития кооперативной деятельности в регионе были названы следующие: производство и реализация продовольственных товаров (77,3 %), сельское хозяйство (72,3 %), бытовое обслуживание населения и ремонт изделий (70,1 %), сфера культуры и туризма (68,4 %).

Дискуссия

Почти половина опрошенных респондентов Калининградской области положительно относятся к кооперации. Жители региона в современных условиях геополитического и экономического кризиса связывают с кооперацией своей надежды на замещение ушедших с российского рынка иностранных товаропроизводителей. Территориальная обособленность Калининградской области, чувствительность экономики региона к внешним воздействиям [21] предъявляют особые требования к формированию внутренних источников развития, поиску инструментов активизации предпринимательской активности населения. По мнению ученых, кооперативные формы хозяйствования в условиях неопределенности обладают более высокой жизнеспособностью, быстрее адаптируются к неблагоприятным средовым воздействиям и обеспечивают динамичное социально-экономическое развитие территорий своего присутствия [22]. В данной статье авторы, опираясь на полученные эмпирические данные, выделяют как традиционные функции кооперации в условиях кризиса (интегрирующая (объединение единомышленников), развитие потребительского рынка (насыщение рынка качественными товарами), активизация предпринимательского потенциала населения, повышение уровня жизни за счет формирования новых источников дополнительного дохода), так и специфичные, которые обусловлены давлением антироссийских санкций (жители Калининградской области видят потенциал кооперации в замещении ушедших с российского рынка иностранных товаропроизводителей).

Хотелось бы отметить ряд особенностей развития кооперации, характерных для рассматриваемого региона. В сравнении с общероссийской выборкой респонденты Калининградской области демонстрируют выраженные экономические ожидания при вступлении в кооператив (возможность заняться собственным бизнесом). При этом для жителей Калининградской области характерен дефицит межличностного доверия, отмечены более высокие опасения столкнуться с мошенниками (выше общероссийских значений на 7,1 п. п.), наличие устойчивых стереотипов об убыточности кооперативных форм хозяйствования.

Полученные результаты частично подтверждаются другими исследованиями, где постулируется вывод об ограничениях достижения значительного финансового успеха, получения более высоких доходов [23], привлечения инвестиций [24] в кооперативных моделях хозяйствования. Российская практика свидетельствует о сходных тенденциях, ряд кооперативных кейсов иллюстрирует снижение энтузиазма потенциальных кооператоров при сопоставлении своих финансовых затрат и предпочтений кооперативной деятельности, оценке перманентных рисков наступления неограниченной судебной ответственности для всех членов кооператива [25].

Несмотря на имеющиеся ограничения и риски, опыт участия в кооперативной деятельности, скорее всего, является достаточно удачным для жителей региона. Данные опроса свидетельствуют об увеличении доли респондентов, позитивно оценивающих кооперативные практики, среди тех, кто лично или опосредованно (через знакомых) имел опыт участия в кооперации.

Как уже было отмечено, ограничением развития кооперации выступает дефицит межличностного доверия. Риски мошеннических действий со стороны потенциальных партнеров имеют высокую значимость в оценках респондентов. Кооперация как особая форма экономической деятельности предполагает более высокий уровень сотрудничества и интенсивность взаимодействий своих участников. В этих условиях доверие оказывает особое влияние на транзакции, выступая гарантом коммуникации экономических агентов [26]. Таким образом, региональные меры поддержки кооперации должны включать в себя как финансовые, так и информационно-просветительские направления, обеспечивающие формирование финансовой, правовой грамотности населения, развитие доверия в обществе.

Как показали результаты опроса, жители Калининградской отметили открытие окна возможностей для развития кооперации в условиях новых вызовов. Полученные результаты коррелируют с выводами ученых о формировании позитивных адаптационных стратегий населения под воздействием кризиса. В точке бифуркации субъекты экономических отношений могут приобретать новые роли, повышать активность для достижения устойчивости своего статуса [27—29]. Данные опроса в Калининградской области свидетельствуют, что жители региона, несмотря на беспрецедентное давление антироссийских санкций, уязвимость эксклавной экономики, тем не менее оценивают создавшуюся ситуацию как новую возможность развития кооперации.

Несмотря на преобладание экономической рациональности в структуре ожиданий респондентов от вступления в кооператив (заняться собственным бизнесом, найти другие источники доходов), в ответах жителей Калининградской области также присутствует и социальная мотивация. В частности, ожидания каждого четвертого респондента связаны с обеспечением населения качественными товарами, помощью отечественному рынку в условиях санкций. Не менее значим как для калининградцев (40,5%), так и для россиян в целом (46,9%) фактор объединения с единомышленниками в ходе кооперативной деятельности. Полученные результаты свидетельствуют об исторически сложившихся в нашей стране традициях взаимопомощи, солидарности, которые могут рассматриваться в качестве фундамента построения и развития кооперативных практик [30]. Ориентация на коллективно значимые цели, единство, общинность, сплоченность составляет основу традиционных российских ценностей [31], формируя запрос на справедливость, согласованность действий в ходе осуществления экономической деятельности. Данные социокультурные смыслы являются ключевыми принципами кооперации, подразумевающей прежде всего обеспечение справедливой оплаты труда, коллективную собственность, общее руководство, участие сотрудников в распределении прибыли [32].

Как уже отмечалось выше, по мнению большинства опрошенных респондентов, сегодня открываются новые возможности для развития кооперации. Полученные результаты, с одной стороны, объясняются необходимостью снижения высокого

уровня уязвимости эксклавной экономики Калининградской области, устранения геоэкономических рисков в виду особого географического положения региона [33]. С другой — новые возможности развития кооперации в условиях глобальных вызовов признаются не только российскими, но и зарубежными учеными, которые констатируют нарастание кризисных явлений в экономике, усиление социального неравенства, нежизнеспособность существующих бизнес-моделей, ориентированных на краткосрочную выгоду [34].

Проведенное авторами исследование позволило решить научную проблему, обозначенную в начале исследовательской работы: выделен ряд особенностей развития кооперации, характерных для Калининградской области. Также вклад авторов включал в себя оценку потенциала потребительской кооперации в регионе с учетом новых вызовов; описан опыт, социальные и экономические ожидания жителей эксклавной Калининградской области от вступления в кооперативные формы хозяйствования.

Заключение

Полученные результаты свидетельствуют о формировании условий для ренессанса кооперативных моделей хозяйствования в Калининградской области. Во-первых, поддержка региональных властей обеспечивает динамичный рост кооперативных товариществ в регионе, устойчивость их финансовых показателей. Во-вторых, эмпирические данные показывают преобладание положительных оценок в отношении кооперации среди жителей региона. В-третьих, хотелось бы отметить достаточно интересную закономерность, характерную именно для Калининградской области. Личный или опосредованный опыт участия в кооперативной деятельности становится фактором формирования позитивного отношения к кооперации в целом. Результаты исследования свидетельствуют об успешности тех кооперативных бизнес-моделей, которые реализуются сегодня в Калининградской области. Жители региона оценивают современные экономические вызовы как источник развития кооперации. В структуре ожиданий респондентов от вступления в кооператив преобладает экономическая рациональность, желание заняться собственным бизнесом, повысить свои доходы. Дополнительным источником мотивации для калининградцев становится желание обеспечить население качественными товарами, помочь отечественному рынку в условиях санкций. Как для россиян в целом, так и для жителей региона важным преимуществом кооперативных моделей хозяйствования является возможность объединения с единомышленниками. На наш взгляд, «кооперативные ожидания» населения интегрированы в исторически сложившиеся в нашей стране традиции взаимопомощи, солидарности. Кооперация, включающая в себя элементы рационального менеджмента и принципы справедливости, единства, консолидации коллективных усилий, в наибольшей степени отвечает новым вызовам времени и в то же время соответствует традиционным российским ценностям, национальному культурному коду. Таким образом, на наш взгляд, кооперация может рассматриваться как одна из возможных альтернативных форм предпринимательской активности населения, замещения высвободившихся рыночных ниш вследствие сжатия зарубежных товарных поставок.

Список литературы

1. Артемова, Е. И., Плотникова, Е. В. 2018, Развитие сельскохозяйственной кооперации в Краснодарском крае, *Вестник Академии знаний*, № 4 (27), с. 41 — 47.
2. Макаров, А. В., Трапезников, В. А. 2011, Формирование Программы развития производственной кооперации региона, *Экономика региона*, № 3, с. 175 — 183, <https://doi.org/10.17059/2011-3-19>

3. Щеглов, Д. К., Тимофеев, В. И., Андреев, И. А., Чириков, С. А. 2019, Оценивание уровня кооперации предприятий интегрированных организационно-производственных структур в условиях диверсификации производства, *Инновации*, т. 8, № 250, с. 67—70. EDN: IHQUQO
4. Ribeiro-Navarrete, B., Saura, J. R., Simón-Moya, V. 2023, Setting the development of digitalization: state-of-the-art and potential for future research in cooperatives, *Review of Managerial Science*, <https://doi.org/10.1007/s11846-023-00663-8>
5. Кудрявцев, А. А., Кармышова, Ю. В. 2022, Концептуальные направления развития цифровых кооперативных платформ, объединяющих малых сельскохозяйственных товаропроизводителей, *Московский экономический журнал*, № 1, с. 267—279. EDN: JJYNZM
6. Bastida, M., Vaquero García, A., Pinto, L. H. et al. 2022, Motivational drivers to choose worker cooperatives as an entrepreneurial alternative: evidence from Spain, *Small Business Economics*, № 58, p. 1609—1626, <https://doi.org/10.1007/s11187-021-00459-8>
7. Развадовская, Ю. В., Каплюк, Е. В., Руднева, К. С., Черняк, М. Э. 2022, Институт кооперации: эволюция и современные перспективы, *Вестник Томского государственного университета. Экономика*, № 57, с. 6—21, <https://doi.org/10.17223/19988648/57/1>
8. Михайлиди, Д. Х., Рагуткин, А. В., Скобелев, Д. О., Сухатерин, А. Б. 2023, Организация инжинирингового центра для импортозамещения в промышленности, *Russian Technological Journal*, vol. 11, № 4, с. 105—115, <https://doi.org/10.32362/2500-316X-2023-11-4-105-115>
9. Бакланов, П. Я. 2022, Устойчивое развитие приморских регионов: географические и геополитические факторы и ограничения, *Балтийский регион*, т. 14, № 1, с. 4—16, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-1-1>
10. Лохонова, Г. М. 2011, Критерии и показатели корпоративной культуры будущих работников потребкооперации, *Мир науки, культуры, образования*, № 1, с. 137—139.
11. Messabia, N., Beauvoir, E., Kooli, C. 2022, Governance and Management of a Savings and Credit Cooperative: The Successful Example of a Haitian SACCO, *Vision*, vol. 27, № 3, p. 397—409, <https://doi.org/10.1177/09722629221074130>
12. Головина, С. Г., Миколайчик, И. Н., Смирнова, Л. Н. 2021, Сельскохозяйственная кооперация: значимость для фермеров и сельского развития, *Вестник Курганской ГСХА*, т. 2, № 38, с. 22—33, https://doi.org/10.52463/22274227_2021_38_16
13. Волошенко, К. Ю., Морачевская, К. А., Новикова, А. А., Лыжина, Е. А., Калиновский, Л. В. 2022, Трансформация продовольственной самообеспеченности Калининградской области в условиях внешних вызовов, *Вестник Санкт-Петербургского университета. Наука о Земле*, т. 67, № 3, с. 409—430, <https://doi.org/10.21638/spbu07.2022.302>
14. Есенжулова, Л. С. 2021, Рейтинг инвестиционной привлекательности Калининградской области, *Экономика и бизнес: теория и практика*, т. 11, № 1, с. 74—77, <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2021-11-1-74-77>
15. Гуменюк, И. С. 2022, К вопросу о динамике экономической активности и ее влиянии на бюджетную устойчивость муниципальных образований Калининградской области, *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Естественные и медицинские науки*, № 1, с. 44—56. EDN: GEJDDR
16. Дулленко, Н. Г., Дрок, Т. Е. 2016, Влияние экономических санкций на предпринимательскую активность в приграничном регионе на примере Калининградской области, *Азимут научных исследований: экономика и управление*, т. 5, № 4 (17), с. 148—151. EDN: XXCZTR
17. Есенжулова, Л. С., Дроковский, Н. Б. 2022, Динамика развития малого предпринимательства в Калининградской области, *Экономика и бизнес: теория и практика*, № 9, с. 65—68, <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2022-9-65-68>
18. Федоров, Г. М. 2022, Экономика регионов России на Балтике: уровень и динамика развития, структура, внешнеторговые партнерства, *Балтийский регион*, т. 14, № 4, с. 20—38, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-4-2>
19. Морачевская, К. А., Лялина, А. В. 2023, Влияние продовольственного эмбарго на потребительские предпочтения и трансграничные практики населения Калининградской области, *Балтийский регион*, т. 15, № 2, с. 62—81, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-2-4>
20. Проданцов, К. С. 2023, Социально-политические настроения жителей Калининградской области как индикатор геополитической безопасности региона, *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки*, № 1, с. 90—106, <https://doi.org/10.5922/sikbfu-2023-1-8>
21. Федоров, Г. М., Зверев, Ю. М. 2020, *Калининградские альтернативы: 25 лет спустя*, Калининград, Изд-во БФУ им. И. Канта, с. 315. EDN: JRSSAE

22. Aritenang, A. 2021, The Role of Social Capital on Rural Enterprises Economic Performance: A Case Study in Indonesia Villages, *SAGE Open*, vol. 11, №3, <https://doi.org/10.1177/21582440211044178>

23. Shumeta, Z., D'Haese, M. 2018, Do Coffee Farmers Benefit in Food Security from Participating in Coffee Cooperatives? Evidence from Southwest Ethiopia Coffee Cooperatives, *Food and Nutrition Bulletin*, vol. 39, № 2, p. 266—280, <https://doi.org/10.1177/0379572118765341>

24. Fischer, E., Qaim, M. 2012, Linking smallholders to market; determinants and impacts of farmers' collective action in Kenya, *World Development*, vol. 40, № 6, p. 1255—1268, <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2011.11.018>

25. Гагаулина, Е. А., Антонова, М. П., Потапова, А. А. 2020, Изменение подходов к поддержке потребительской кооперации: от организационной формы к процессу кооперации, *Известия Тимирязевской сельскохозяйственной академии*, № 5, с. 95—110, <https://doi.org/10.26897/0021-342X-2020-5-95-110>

26. Проскурина, А. С. 2022, Динамический ресурс доверия в экономических отношениях — российский краудфандинг в социальной сфере, *Теория и практика общественного развития*, № 8, с. 42—48, <https://doi.org/10.24158/tipor.2022.8.5>

27. Каравай, А. В. 2021, Действия россиян по улучшению собственного материального положения в эпоху COVID-19, *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, № 2, с. 121—137, <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1837>

28. Полякова, А. Г. 2021, Изменение модели финансового поведения населения в условиях пандемии коронавируса и экономического кризиса, *Карельский научный журнал*, т. 10, № 2, с. 25—29, <https://doi.org/10.26140/knz4-2021-1002-0007>

29. Фролова, Е. В., Рогач, О. В. 2023, Социальное самочувствие россиян весной 2022 г., *Социологические исследования*, № 5, с. 160—166, <https://doi.org/10.31857/S013216250024327-2>

30. Божков, О. Б., Никулин, А. М., Полещук, И. К. 2020, Сельская кооперация в северном нечерноземье: официальные и неформальные практики, *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*, т. 20, № 4, с. 889—904, <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-4-889-904>

31. Го, Л. 2023, Переосмыслить и возродить: современная судьба традиционных российских ценностей, *Вопросы философии*, № 3, с. 58—69, <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2023-3-58-69>

32. Bretos, I., Errasti, A., Marcuello, C. 2019, Multinational Expansion of Worker Cooperatives and Their Employment Practices: Markets, Institutions, and Politics in Mondragon, *ILR Review*, vol. 72, № 3, p. 580—605, <https://doi.org/10.1177/0019793918779575>

33. Лачининский, С. С. 2022, Геоэкономические риски регионов российской Балтики в условиях обостряющейся геополитической обстановки, *Балтийский регион*, т. 14, № 2, с. 23—37, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-2-2>

34. Restakis, J. 2010, Humanizing the Economy: Co-operatives in the Age of Capital, *Gabriola: New Society Publishers*, p. 288.

Об авторах

Елена Викторовна Фролова, доктор социологических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ, Россия.

E-mail: efrolova06@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8958-4561>

Ольга Владимировна Рогач, кандидат социологических наук, доцент, Финансовый университет при Правительстве РФ, Россия.

E-mail: rogach16@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3031-4575>



A NEW ROLE OF COOPERATION UNDER ECONOMIC SANCTIONS AS SEEN BY RESIDENTS OF THE KALININGRAD REGION

E. V. Frolova 

O. V. Rogach 

Financial University under the Government of the Russian Federation,
49 Leningradsky Prospekt, Moscow, 125167, Russia

Received 19 June 2023

Accepted 06 November 2023

doi: 10.5922/2079-8555-2024-1-3

© Frolova, E. V., Rogach, O. V., 2024

The current economic crisis conditions call for a search for new mechanisms to maintain the population's well-being. Within this setting, cooperation may be considered a priority form of entrepreneurial activity, enabling the consolidation of financial resources and reducing business costs. This article aims to assess the potential of consumer cooperation in the Kaliningrad region under anti-Russian sanctions. The authors analyse the features of cooperation development within the territory and investigate the demands and expectations of the local populace. The principal method employed in the study is a survey of residents of the Kaliningrad region (N = 481), with its results strongly indicating that conditions for a renaissance of cooperative economic models have emerged in the Russian exclave. The region's residents tend to express positive attitudes towards cooperation, drawing a link between economically challenging conditions and opportunities for cooperative development. Moreover, amongst respondents with personal or vicarious experience of cooperation, a substantially higher proportion assess cooperative practices positively. Yet, the deficit of interpersonal trust places a serious limitation on the development of cooperation. It is concluded that the economic crisis has shifted the focus of the region's population's expectations from social interests (collaborations with like-minded individuals) to undertakings aimed at increasing material well-being. Therefore, expectations of participating in cooperative activities are primarily associated with the opportunity to start one's own business and increase personal income.

Keywords:

cooperation, cooperative, economic sanctions, Kaliningrad region, consumer market, solidarity, trust

References

1. Artemova, E. I., Plotnikova, E. V. 2018, Development of agricultural cooperation in the Krasnodar region, *Bulletin of the Academy of Knowledge*, № 4 (27), p. 41–47. EDN: YLHFYT (in Russ.).
2. Makarov, A. V., Trapeznikov, V. A. 2011, Forming the development program of industrial cooperation in the region, *Economy of region*, № 3, p. 175–183, <https://doi.org/10.17059/2011-3-19> (in Russ.).
3. Shcheglov, D. K., Timofeev, V. I., Andreev, I. A., Chirikov, S. A. 2019, Assessing of the enterprise cooperation level in integrated organizational and production structures under conditions of diversification of manufacturing, *Innovations*, vol. 8, № 250, p. 67–70. EDN: IHQUQO (in Russ.).
4. Ribeiro-Navarrete, B., Saura, J. R., Simón-Moya, V. 2023, Setting the development of digitalization: state-of-the-art and potential for future research in cooperatives, *Review of Managerial Science*, <https://doi.org/10.1007/s11846-023-00663-8>

5. Kudryavtsev, A. A., Karmyshova, Y. V. 2022, Conceptual directions of development of digital cooperative platforms uniting small agricultural producers, *Moscow economic journal*, № 1, p. 267—279. EDN: JJYNYZM (in Russ.).
6. Bastida, M., Vaquero García, A., Pinto, L.H. et al. 2022, Motivational drivers to choose worker cooperatives as an entrepreneurial alternative: evidence from Spain, *Small Business Economics*, № 58, p. 1609—1626, <https://doi.org/10.1007/s11187-021-00459-8>
7. Razvadovskaya, Yu. V., Kaplyuk, E. V., Rudneva, C. S., Chernyak, M. E. 2022, Institute of cooperation: Evolution and modern perspectives, *Tomsk State University Journal of Economics*, № 57, p. 6—21, <https://doi.org/10.17223/19988648/57/1> (in Russ.).
8. Mikhailidi, D. Kh., Ragutkin, A. V., Skobelev, D. O., Sukhaterin, A. B. 2023, Organization of an engineering center for industrial import substitution, *Russian Technological Journal*, vol. 11, № 4, p. 105—115, <https://doi.org/10.32362/2500-316X-2023-11-4-105-115>
9. Baklanov, P. Ya. 2022, Sustainable development of coastal regions: geographical and geopolitical factors and limitations, *Baltic region*, vol. 14, № 1, p. 4—16, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-1-1>
10. Lokhonova, G. M. 2011, Criteria and indicators of corporate culture for future workers of consumer cooperation, *World of Science, Culture, Education*, № 1, p. 137—139. EDN: OZEBPZ (in Russ.).
11. Messabia, N., Beauvoir, E., Kooli, C. 2022, Governance and Management of a Savings and Credit Cooperative: The Successful Example of a Haitian SACCO, *Vision*, vol. 27, № 3, p. 397—409, <https://doi.org/10.1177/09722629221074130>
12. Golovina, S. G., Mikolaychik, I. N., Smirnova, L. N. 2021, Agricultural cooperation: significance for farmers and rural development, *Vestnik Kurganskoj GSHA*, vol. 2, № 38, p. 22—33, https://doi.org/10.52463/22274227_2021_38_16 (in Russ.).
13. Voloshenko, K., Morachevskaya, K., Novikova, A., Lyzhina, E., Kalinovskiy, L. 2022, Transformation of food self-sufficiency of Kaliningrad Oblast in the face of external challenges, *Vestnik of Saint Petersburg University. Earth Sciences*, vol. 67, № 3, p. 409—430, <https://doi.org/10.21638/spbu07.2022.302> (in Russ.).
14. Esenshulova, L. S. 2021, Rating of investment attractiveness of the Kaliningrad region, *Economy and Business: theory and practice*, vol. 11, № 1, p. 74—77, <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2021-11-1-74-77> (in Russ.).
15. Gumenyuk, I. S. 2022, On the dynamics of economic activity and its impact on the budgetary stability of municipalities of the Kaliningrad region, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Natural and Medical Sciences*, № 1, p. 44—56. EDN: GEJDDR (in Russ.).
16. Duplenko, N. G., Drok, T. E. 2016, The impact of economic sanctions on business activity in the border region on the example of Kaliningrad region, *Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration*, vol. 5, № 4 (17), p. 148—151. EDN: XXCZTR (in Russ.).
17. Esenshulova, L. S., Drovovski, N. B. 2022, Dynamics of small business development in the Kaliningrad region, *Economy and business: theory and practice*, № 9, p. 65—68, <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2022-9-65-68> (in Russ.).
18. Fedorov, G. M. 2022, The economy of Russian Baltic regions: development level and dynamics, structure and international trade partners, *Baltic region*, vol. 14, № 4, p. 20—38, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-4-2>
19. Morachevskaya, K. A., Lialina, A. V. 2023, The impact of the food embargo on consumer preferences and cross-border practices in the Kaliningrad region, *Baltic region*, vol. 15, № 2, p. 62—81, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-2-4>
20. Prodantsov, K. S. 2023, Socio-political moods of the residents of the Kaliningrad region as an indicator of the geopolitical security of the region, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, № 1, p. 90—106, <https://doi.org/10.5922/sikbfu-2023-1-8> (in Russ.).
21. Fedorov, G. M., Zverev, Yu. M. 2020, *Kaliningradskie al'ternativy: 25 let spustya [Kaliningrad alternatives: 25 years later]*, Kaliningrad, Publishing House of the I. Kant BFU, 315 p. EDN: JRSSAE (in Russ.).
22. Aritenang, A. 2021, The Role of Social Capital on Rural Enterprises Economic Performance: A Case Study in Indonesia Villages, *SAGE Open*, vol. 11, № 3, <https://doi.org/10.1177/21582440211044178>

23. Shumeta, Z., D'Haese, M. 2018, Do Coffee Farmers Benefit in Food Security from Participating in Coffee Cooperatives? Evidence from Southwest Ethiopia Coffee Cooperatives, *Food and Nutrition Bulletin*, vol. 39, № 2, p. 266—280, <https://doi.org/10.1177/0379572118765341>
24. Fischer, E., Qaim, M. 2012, Linking smallholders to market; determinants and impacts of farmers' collective action in Kenya, *World Development*, vol. 40, № 6, p. 1255—1268, <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2011.11.018>
25. Gataulina, E. A., Antonova, M. P., Potapova, A. A. 2020, Changing approaches to supporting consumer cooperation: from organizational form to the process of cooperation, *Izvestiya of Timiryazev Agricultural Academy*, № 5, p. 95—110, <https://doi.org/10.26897/0021-342X-2020-5-95-110> (in Russ.).
26. Proskurina, A. S. 2022, Dynamic Confidence Resource in Economic Relations — Russian Crowdfunding in the Social Sphere, *Theory and Practice of Social Development*, № 8, p. 42—48, <https://doi.org/10.24158/tipor.2022.8.5> (in Russ.).
27. Karavay, A. V. 2021, The Behavior of Russians Aimed at Improving Their Financial Situation in the Era of COVID-19, *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, № 2, p. 121—137, <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1837> (in Russ.).
28. Polyakova, A. G. 2021, Change of the population financial behavior under the coronavirus pandemic and economic crisis, *Karelian Scientific Journal*, vol. 10, № 2, p. 25—29, <https://doi.org/10.26140/knz4-2021-1002-0007> (in Russ.).
29. Rogach, O., Frolova, E. 2023, Social Well-Being of Russians in the Spring of 2022, *Sotsiologicheskie issledovaniya*, № 5, p. 160—166, <https://doi.org/10.31857/S013216250024327-2> (in Russ.).
30. Bozhkov, O. B., Nikulin, A. M., Poleshchuk, I. K. 2020, Agricultural cooperation in the Northern Non-Black-Earth Region: formal and informal practices, *RUDN Journal of Sociology*, vol. 20, № 4, p. 889—904, <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-4-889-904> (in Russ.).
31. Lishuang, G. 2023, Rethinking and Reviving: The Modern Fate of Traditional Russian Values, *Voprosy Filosofii*, № 3, p. 58—69, <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2023-3-58-69> (in Russ.).
32. Bretos, I., Errasti, A., Marcuello, C. 2019, Multinational Expansion of Worker Cooperatives and Their Employment Practices: Markets, Institutions, and Politics in Mondragon, *ILR Review*, vol. 72, № 3, p. 580—605, <https://doi.org/10.1177/0019793918779575>
33. Lachininskii, S. S. 2022, Goeconomic risks faced by the Russian Baltic region amid a deteriorating geopolitical situation, *Baltic region*, vol. 14, № 2, p. 23—37, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-2-2>
34. Restakis, J. 2010, Humanizing the Economy: Co-operatives in the Age of Capital, *Gabriola: New Society Publishers*, p. 288.

The authors

Prof Elena V. Frolova, Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia.

E-mail: efrolova06@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8958-4561>

Dr Olga V. Rogach, Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia.

E-mail: rogach16@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3031-4575>



ОСОБЕННОСТИ СОТРУДНИЧЕСТВА ГЕРМАНИИ И ЛИТВЫ В КОНЦЕ 2010-Х – НАЧАЛЕ 2020-Х ГОДОВ: ВОЕННЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Ф. О. Трунов 

Институт научной информации по общественным наукам РАН,
117418, Россия, Москва, Нахимовский просп., 51/21

Поступила в редакцию 06.11.2023 г.

Принята к публикации 15.01.2024 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2024-1-4

© Трунов Ф. О., 2024

С середины 2010-х гг. ФРГ заметно скорректировала подходы к использованию бундесвера, перенацелив стратегическое внимание с зон в отдалении от Евроатлантического сообщества на деятельность внутри и вблизи него. Это актуализировало проблему поиска фокусных партнеров в Восточной Европе, углубления и расширения сотрудничества с ними. В статье исследуется эволюция политической и военной составляющих диалога Германии и Литвы на современном этапе. Показывается подход ФРГ к оценке фактора исторической памяти, стремление позиционировать себя в роли защитницы национальной государственности партнера. При этом в начале XXI в. имел место дефицит стратегического внимания Германии к Литве, что проявилось в спаде диалога 2014–2015 гг. В условиях конфронтации «западных демократий» и РФ ФРГ реализовывала стратегию плавного, но неуклонно нарастающего давления на Россию. Восприятие этого подхода в Вильнюсе менялось от негативного до все более позитивного по мере роста вовлеченности Германии в «сдерживание» РФ. Исследуется развертывание и наращивание (до «ядра» многосторонней бригады) контингента бундесвера в Литве под эгидой НАТО. Особое внимание уделено влиянию этого процесса на развитие политического сотрудничества, что показано на примере запуска (2018) и функционирования формата «В3+1» (страны Балтии и ФРГ) на высшем уровне. Делается вывод о появлении определенной зависимости от Литвы вследствие повышенного желания сохранить ее в качестве надежного младшего партнера.

Ключевые слова:

Германия, Литва, страны Балтии, историческая память, конфронтация, НАТО, силы передового развертывания, бундесвер, военное присутствие, переговорные форматы, межгосударственный диалог

Введение

С начала XXI в. ФРГ последовательно стремилась к занятию положения полноценного глобального игрока, однако на начало 2020-х гг. едва ли можно утверждать, что цель была достигнута. В десятилетие 2014–2023 гг. произошла кардинальная смена приоритетов Германии в вопросах использования внешнеполитического, особенно военного, инструментария. Сокращение стратегической активности ФРГ в отдалении от Евроатлантического сообщества — прежде всего в зонах нестабиль-

Для цитирования: Трунов Ф. О. Особенности сотрудничества Германии и Литвы в конце 2010-х — начале 2020-х годов: военные и политические аспекты // Балтийский регион. 2024. Т. 16, № 1. С. 61–80.
doi: 10.5922/2079-8555-2024-1-4

ности на Ближнем и Среднем Востоке, в Африке севернее экватора как приоритета с 2000-х гг. — сменилось масштабным ростом активности Германии внутри и вблизи сообщества «западных демократий» в контексте «сдерживания» РФ. Особое внимание в плане развертывания контингентов бундесвера за пределами национальных границ стало уделяться ФРГ передовой части зоны ответственности НАТО, в первую очередь странам Балтии [1, с. 3—5]. Конфронтация с РФ стала ключевой по значению и объему вовлеченности составляющей участия официального Берлина в противодействии усилению наиболее активных держав не-Запада в целом (также КНР [2, с. 266—272] и Ирана).

Такое изменение акцентов означало пересмотр не итоговой цели — стремление к созданию глобального стратегического присутствия, а тактик достижения этого. ФРГ с момента образования (1949) была органично встроена в сообщество «западных демократий». Эта константа приобрела новое значение с середины 2010-х гг.: ослабление позиций вне Запада Германия стремилась компенсировать укреплением нитей сотрудничества с государствами-партнерами по НАТО и ЕС, особенно в вопросах «сдерживания» общих оппонентов. Однако феномены Брекзита и трампизма во второй половине 2010-х гг. с их многочисленными негативными последствиями [3; 4, p. 146—152], кризис развития сотрудничества с Францией в начале 2020-х гг. [5], сложности в диалоге с Италией [6], Польшей [7; 8] и Турцией отчетливо показали, что даже внутри Евроатлантического сообщества¹ существуют многочисленные ограничители для реализации лидерских амбиций ФРГ. В такой ситуации повышенное значение для нее приобретало выстраивание продвинутого сотрудничества с рядом малых и средних государств из числа «западных демократий» [9], готовых и способных быть надежными союзниками Германии, поддерживать ее претензии на увеличение веса и влияния в Европе и мире. К числу таких фокусных партнеров относился официальный Вильнюс.

Цель статьи — исследовать динамику, «узкие места» и промежуточные результаты стратегического диалога Германии и Литвы на современном этапе. Это потребовало решения следующих задач: изучения исторического фона отношений, выявления причин повышенного стратегического интереса Германии к Литве на современном этапе, раскрытия особенностей их сотрудничества в военной сфере и определения отличительных черт политико-дипломатических контактов, особенно использования формата «В3+1». В статье кооперация будет освещаться в основном со стороны ФРГ, так как она обладала существенно большей ресурсной базой и уже в силу этого претендовала на роль старшего партнера в отношениях.

Зарубежные и отечественные исследователи изучали взаимодействие Германии с государствами Балтии, в меньшей степени непосредственно с Литвой, со времени окончания предшествующей Холодной войны [10; 11]. Однако многие работы из-за естественных причин имели верхней хронологической рамкой начало или середину 2010-х гг. [12; 13], когда наблюдалось «проседание» диалога. Соответственно, феномен резкого подъема его качества и объемов в сфере безопасности и обороны с конца 2010-х гг. еще изучен недостаточно подробно [14; 15], часто лишь по касательной в контексте общего увеличения напряженности в Балтийском регионе [16—19]. Освещение эволюции военного присутствия Германии в Литве, особенностей их контактов на полях формата «В3+1», особенно в начале 2020-х гг., носило скорее обрывочной характер, эти два трека были осевыми для исследуемого диалога.

¹ Под Евроатлантическим сообществом понимается совокупность государств — членов НАТО и ЕС.

В статье использованы методы сравнительного анализа (например, при сопоставлении подхода ФРГ к развертыванию военного присутствия в Литве на различных этапах развития конфронтации с РФ), контент-анализа (в частности, при исследовании содержания документов встреч в формате «В3+1»). Используются положения теории строительства вооруженных сил (ВС): она рассматривает их как постоянно эволюционирующий организм, каждое сколько-нибудь масштабное изменение которого имеет не только собственно военное, но и политическое значение. В этой связи рассматриваются поэтапное увеличение масштаба и изменение характера комплектования наземной группировки Германии в Литве, развитие сухопутных войск последней.

Исторические и политические контуры диалога к концу 2010-х годов

Исторический фон отношений многоаспектен. Литва обладала длительным опытом национальной государственности, была влиятельной региональной державой с середины XIV в. и до конца XV в. Тогда одновременно развивались две основные характеристики внешней политики: расширение владений на восток (тем самым Литва выступала основным конкурентом Московского княжества в деле «собирания земель» распавшегося Древнерусского государства) и противостояние натиску тевтонских/ливонских рыцарей-крестоносцев, которые были в основном выходцами из немецких земель.

Первое положение определило тесную зависимость увеличения/уменьшения мощи Литвы в целом от соответствующего состояния ее позиций на белорусском, украинском (малороссийском), российском направлениях. Феномен войн как часть фактора исторической памяти наличествовал в отношениях Германии с Литвой [20], но был заметно менее чувствителен, чем, например, в случае диалога ФРГ и Польши. Почему? С XVI по начало XX в. литовские земли, будучи частью сначала Речи Посполитой, а затем Российской империи, ограниченно участвовали в военных конфликтах с Пруссией (германо-прусским государством). В Первую и Вторую мировые войны территория Литвы (в составе Российской империи и СССР соответственно) становилась объектом для наступательных действий германской армии и оккупации. При этом еще в мае 1939 г. Третий рейх в результате жесткого нажима отторг от владений официального Каунаса район Клайпеды (Мемеля), а СССР осенью 1939 г., напротив, обеспечил возвращение в состав Литвы Виленского края, который был насильственно включен в состав Польши еще в 1920 г. Именно на таком фоне было осуществлено вхождение республики в качестве союзной в СССР.

Официальный Берлин в целом признает свою историческую ответственность как основного агрессора во Второй мировой войне, однако на практике готовность нести эту ответственность снижается, особенно в условиях роста вовлеченности ФРГ в «сдерживание» РФ. Конкретно на литовском направлении Германия стремилась выстроить свой образ как защитницы национальной государственности, достигая этого во многом за счет незаслуженной критики СССР и России. Тактически германская сторона пыталась, во-первых, подать себя как поборницу независимости Литвы в конце 1917—1918 гг. Так, в октябре 2017 г. глава МИД ФРГ З. Габриэль торжественно передал коллеге Л. А. Линкявичюсу из архивов письмо литовской Тарифы в адрес Второго рейха с просьбой о признании декларации о независимости от 16 февраля 1918 г.¹. Закономерно, что МИД ФРГ не подчеркивало тот факт, что

¹ Ausdruck der Freundschaft: Außenminister Gabriel übergibt bedeutendes Dokument zur Unabhängigkeit Litauens. 05.10.2017, *Auswärtiges Amt*, URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/service/laender/litauen-node/171005-abkommen/300548> (дата обращения: 07.11.2023).

Германская империя де-факто игнорировала этот документ (и аналогичный предыдущий от 11 декабря 1917 г.), не поддержала приглашение представителя Гогенцоллернов на литовский престол. Таким образом, официальный Берлин вплоть до Ноябрьской революции (1918) сдержанно относился к идее предоставления Литве (которая находилась под германским контролем) формального суверенитета, не говоря уже о фактическом.

Во-вторых, подчеркнутое признание ответственности Германии за договор о ненападении с СССР от 23 августа 1939 г., особенно его секретные статьи, относившие Литву к зоне интересов Советского Союза. Они воспринимались постсоветским истеблишментом в Вильнюсе как фактор временной утраты суверенитета. В данной связи ФРГ самым активным образом указывала на кардинальные отличия от нацистского режима — как в плане своей политической природы, так и по отношению непосредственно к Литве.

В конце 1980-х гг. официальный Бонн пристально следил за ситуацией в Прибалтийских республиках: за их декларацией о суверенитете (1988—1989) и выход из состава СССР (март — май 1990 г.). Однако ФРГ еще не была готова оказать дипломатическую поддержку до оформления де-юре решения «германского вопроса» в своих интересах. Подписание договора «2+4» (согласно которому территории ГДР входили в состав ФРГ, из них выводились советские войска) в сентябре 1990 г., произошедшее после выступления ГКЧП резкое ослабление влияния общесоюзных органов власти создали предпосылки для активизации Германии. Именно она инициировала заявление Европейских сообществ от 27 августа 1991 г. в поддержку независимости республик Балтии с приглашением их полномочных представителей на ближайшее заседание глав МИД Европейских сообществ¹. Уже 28 августа 1991 г. ФРГ установила дипломатические отношения с каждой из стран Балтии [10, р. 66—67]. Менее чем через неделю после выхода де-факто из состава СССР (6 сентября 1991 г.), 11—12 сентября 1991 г., их посетил первый политический деятель из стран Запада — министр иностранных дел ФРГ Г.-Д. Геншер [10, р. 70]. Вслед за осуществлением «точки невозврата» в деле отделения Прибалтийских государств от СССР Германия стала принимать функции их проводника в Евроатлантическое сообщество. Информационно данные тактики подавались Германией как учитываемая на практике ответственность за договор от 23 августа 1939 г., притом в реалиях начала 1990-х гг. ФРГ уже де-факто противопоставляла себя СССР.

Символично, что в 45-ю годовщину с подписания договора о ненападении (1939) — 23 августа 1994 г. — была запущена переговорная площадка «В3+1» (три республики Балтии и ФРГ) на уровне глав внешнеполитических ведомств с ежегодной частотностью встреч в данном формате. Тем самым Германия брала обязательство не допускать в дальнейшем игнорирования обеспокоенностей Литвы и республик Балтии в целом. Указанная дата (23 августа 1994 г.) показательна еще в одном отношении: это момент накануне завершения вывода советских войск из Латвии, Эстонии и из новых земель самой ФРГ, то есть бывшей ГДР (к 1 сентября 1994 г.) и завершения аналогичного процесса в случае Литвы год спустя (к 1 сентября 1993 г.) [10, р. 71]. Официальный Бонн уделял самое пристальное внимание выполнению Кремлем (сначала президентом СССР М.С. Горбачевым, затем уже главой России Б.Н. Ельциным) обязательств по демонтажу механизма присутствия его войск на вновь присоединенных землях ГДР. Несмотря на сложности [21], гер-

¹ Erklärung der EG zu den baltischen Staaten, 27. August 1991, Deutsche Aussenpolitik nach der Einheit 1990—1993. Eine Dokumentation herausgeben vom Auswärtigen Amt. 1993, Bonn, *Auswärtiges Amt*, S. 81.

манская сторона содействовала осуществлению аналогичного процесса и на территории республик Балтии, что подавалось как важный практический вклад в дело их суверенизации.

В целом в 1990-е гг. во внешней политике ФРГ, особенно в комплексе ее усилий по трансформации постсоциалистического и постсоветского пространств в интересах сообщества «западных демократий», прибалтийский вектор приобрел повышенную значимость; уже внутри этого вектора наметился наибольший удельный вес диалога с Литвой. Вместе с тем, в абсолютном отношении в 2000-х — начале 2010-х гг. ситуация была иной. Официальный Берлин поддерживал вхождение Литвы в число республик Балтии в состав НАТО и ЕС (было осуществлено в 2004 г.). Площадка «В3+1» использовалась для обсуждения с ФРГ чувствительных для стран Балтии вопросов в сфере безопасности и обороны: вслед за вступлением в Альянс это было предоставлением со стороны Германии практических гарантий. При поддержке Германии уже в 2004 г. под эгидой Альянса были учреждены многосторонняя миссия по патрулированию воздушного пространства Прибалтийских государств (*Baltic Air Policing*)¹, 1-я постоянная морская (ПМГ) и 1-я постоянная контрминная группы (ПКМГ), которые часть календарного года курсировали в Балтийском море и Финском заливе. ФРГ на ротационной основе выделяла истребители, корветы, минные тральщики [15].

Однако на практике единовременный вклад Германии в комплектование этих группировок редко превышал 0,2 тыс. военнослужащих, притом был «мерцающим», то есть иногда нулевым. Де-факто они были единственными (с 2008 г. к ним добавились 2-я ПМГ и 2-я ПКМГ к югу от региона) миссиями в Восточной Европе с участием бундсвера. Используемая в НАТО схема ротационного вклада конкретных государств-членов в деятельность каждой из указанных группировок предполагала, что после участия продолжительностью 3—6 месяцев на несколько таких сроков страна-участница была свободна от выделения контингентов (до новой своей очереди). Различная «сетка» графика для каждой из миссий приводила к тому, что одно или даже несколько полугодий подряд Германия не выделяла сил и средств ни в одну из указанных группировок. Так, в 2004—2009 гг. ВВС ФРГ участвовала в деятельности миссии *Baltic Air Policing* лишь 3 раза (суммарно менее 9 месяцев при общей продолжительности на этом отрезке в 69 месяцев).

Если в середине 2000-х — начале 2010-х гг. в странах Балтии или вблизи них использовалось до 0,2 тыс. солдат и офицеров ФРГ, то в зонах нестабильности в Азии и Африке (прежде всего в Афганистане) — около 7,0 тыс. военнослужащих [22, р. 8—11]. Задействование каждого военного в районах вооруженных конфликтов на Ближнем и Среднем Востоке, в Африке севернее Сахары, где почти не имелось профильной инфраструктуры, в отдалении от ФРГ на тысячи км было несоизмеримо более сложным, чем в Восточной Европе. На этом фоне многократная разница в объемах четко показывала приоритеты Германии: первоочередность задачи по обеспечению присутствия в отдалении от зоны ответственности НАТО, а не на передовой ее части.

Чем объяснялся дефицит стратегического внимания ФРГ к странам Балтии? В 1990-х — начале 2000-х гг. была пройдена «точка невозврата» в трансформации этой части постсоциалистического (а в случае Латвии, Литвы и Эстонии — и постсоветского) пространства в деле сближения данных игроков с сообществом «западных демократий». Первые стали массово входить в состав евроатлантических институтов, образуя со вторыми единую общность. Эта тенденция порождала у

¹ *Baltic Air Policing - Allied Air Command*. 2023, NATO, URL: <https://ac.nato.int/missions/air-policing/baltics> (дата обращения: 07.11.2023).

официального Берлина восприятие обстановки как более чем благоприятной, поэтому использование военного и отчасти политического инструментария осуществлялось в странах Балтии и особенно в целом в Восточной Европе по остаточному принципу. Это не могло не вызывать недовольства у региональных игроков, в том числе у Литвы [10—12]. Рост раздраженности проявлялся, хотя и ограниченно, еще до 2014 г. Подтверждение тому — реакция ФРГ в виде учащения случаев использования бундесвера в составе миссии *Baltic Air Policing*: уже с 2008 г. оно стало ежегодным, обычно на срок 4 месяца и с базированием на аэродром Шяуляй в Литве (табл. 1). Однако эти шаги имели тактические масштаб и значение, не будучи способными снять накапливавшуюся волну недовольства в целом.

Таблица 1

Схема участия ФРГ в миссии *Baltic Air Policing*

Даты	Срок, месяцев	Число и тип выделенных от ВВС ФРГ самолетов	Аэродром
30.06.2005—11.10.2005	3,5	4 истребителя <i>F-4F Phantom II</i>	Шяуляй
30.06.2008—29.09.2008	3	4 истребителя <i>F-4F Phantom II</i>	Шяуляй
01.09.2009—02.11.2009	2	4 истребителя <i>Eurofighter Typhoon</i>	Шяуляй
03.11.2009—03.01.2010	2	4 истребителя <i>F-4F Phantom II</i>	Шяуляй
05.01.2011—27.04.2011	4	6 истребителей <i>F-4F Phantom II</i>	Шяуляй
04.01.2012—26.04.2012	4	6 истребителей <i>F-4F Phantom II</i>	Шяуляй
01.09.2014—31.12.2014	4	1 истребитель <i>Eurofighter Typhoon</i>	Эмари
25.08.2015—06.01.2016	4	4 истребителя <i>Eurofighter Typhoon</i>	Эмари
31.08.2016—04.01.2017	4	4 истребителя <i>Eurofighter Typhoon</i>	Эмари
05.01.2017—01.05.2017	4	4 истребителя <i>Eurofighter Typhoon</i>	Эмари
30.08.2018—02.01.2019	4	4 истребителя <i>Eurofighter Typhoon</i>	Эмари
15.07.2020—30.08.2020	1,5	1 истребитель <i>Eurofighter Typhoon</i>	Шяуляй
31.08.2020—29.04.2021	8	6 истребителей <i>Eurofighter Typhoon</i>	Эмари
01.08.2022—01.05.2023	9	4 истребителя <i>Eurofighter Typhoon</i>	Эмари

Источник: ВС ФРГ *Bundeswehr*, URL: <https://www.bundeswehr.de> (дата обращения: 07.11.2023).

Феномен «кризиса доверия» стал наиболее заметен в отношениях официального Берлина с Вильнюсом, а также с Ригой и Таллином в 2014—2015 гг., особенно на самых первых стадиях конфронтации Евроатлантического сообщества с РФ. Весной — осенью 2014 г. вклад ФРГ в резко возросшую военно-тренировочную деятельность НАТО у границ РФ был минимальным. До весны 2016 г. Германия противилась развертыванию наземного присутствия Альянса в Польше и республиках Балтии. Даже по линии миссии *Baltic Air Policing* наблюдалось снижение частотности задействования люфтваффе (табл. 1). Показательно, что в совместном заявлении глав МИД Германии и Литвы в апреле 2015 г. основной фокус был сделан на сотрудничестве в сфере культуры и образования¹. Это стало косвенным, но безусловным подтверждением «проседания» диалога в политической и военной областях. Как результат впервые несколько снизился интерес республик Балтии к использованию формата «В3+1».

Чем был обусловлен указанный подход ФРГ в середине 2010-х гг.? Германия стремилась не допустить неконтролируемой эскалации напряженности с РФ на самых ранних стадиях выстраивания конфронтации, когда новые правила стратегического поведения лишь вырабатывались. Эта тактика расценивалась официальным

¹ Gemeinsame Erklärung des litauischen und des deutschen Außenministers. 16.04.2023, *Auswärtiges Amt*, URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/150416-bm-erklarung-litauen/270916> (дата обращения: 07.11.2023).

Вильнюсом как проявление слабости по отношению к оппоненту. На практике, однако, официальный Берлин был последователен в своей готовности в составе сообщества «западных демократий» к выстраиванию системы «сдерживания» России, но выступал за плавный или градуированный характер данного процесса: такой подход был озвучен канцлером А. Меркель еще в начале марта 2014 г.¹ Германское руководство считало, что такой сценарий дает заметные преимущества: обеспечение контроля над ходом процесса, возможность для поэтапного и тем более чувствительного наращивания давления на оппонента, наличие определенной свободы маневра в зависимости от развития обстановки. «Военная машина» ФРГ была инерционной: ей требовалось время для перенаправления фокуса в обеспечении присутствия с Ближнего и Среднего Востока, Африки севернее экватора на Восточную Европу, для запуска своего восстановительного роста. В этих отношениях Германия закономерно и заметно отставала от Литвы, иных региональных игроков. Такая стратегия к участию в конфронтации представляла собой предмет консенсуса для истеблишмента ФРГ — в канцлерства А. Меркель, в эпоху пост-Меркель, когда к власти пришел кабинет О. Шольца². Избранный курс породил в середине 2010-х гг. проблему ухудшения диалога со странами Балтии, но в то же время сохранил потенциал не просто для дальнейшего преодоления кризиса доверия, но заметного сближения. На хронологически «среднем» и особенно «длинном» отрезке все более увеличивалась вовлеченность ФРГ в противодействие РФ, а уже запущенный рост германских ВС содержал намного больший потенциал, чем у любой из стран Восточной Европы, из-за разницы объема ресурсных баз.

Причины повышенной стратегической ценности Литвы для Германии

Действующие элиты стран Балтии и Польши стремились к тому, чтобы эти государства скорее стали реципиентами возможного большего наземного военного присутствия под эгидой НАТО. Оно образовывалось прежде всего из контингентов «старых» (вступивших в Альянс до 1990 г.) государств-членов. В свою очередь, для государств-членов масштаб, формы, географическая широта развертывания войск в передовой части ответственности НАТО становились важными критериями дееспособности. Данные вопросы имели особое прочтение для ФРГ как «восходящей» державы Запада: требовалось правильно определить фокусного партнера в Восточной Европе, который стал бы важнейшим реципиентом увеличиваемого присутствия бундесвера. Выбор остановился на Литве. Она для Германии обладала существенными преимуществами перед Республикой Польшей (РП) и двумя другими республиками Балтии.

В 2014—2015 гг. спад был характерен для диалогов ФРГ со всеми четырьмя государствами в северной части Восточной Европы. В случае Польши нисходящая тенденция сохранилась во второй половине 2010-х — начале 2020-х гг. [23]. Официальная Варшава стремилась занять положение старшего в диалоге, что не могло быть принято Берлином. Это противоречие особенно обострилось в период нахождения у власти представителей «Права и справедливости» (партия победила на выборах президента 2015 и 2020 гг., на выборах в Сейм 2015 и 2019 гг. [24]). В президент-

¹ Rede von Dr. Angela Merkel, Bundeskanzlerin. Zum Treffen der Staatsund Regierungschefs der Europäischen Union zur Lage in der Ukraine am 6. März 2014. 2014, *Deutscher Bundestag*, 18. Wahlperiode. Plenarprotokoll 18/20. 13. März. S. 1518B—1522A.

² Regierungserklärung von Bundeskanzler Olaf Scholz. 27.02.2022, *Bundeskanzleramt*, URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/regierungserklaerung-von-bundeskanzler-olaf-scholz-am-27-februar-2022-2008356> (дата обращения: 07.11.2023).

ство Д. Трампа в США официальная Варшава активно поддержала разноаспектное давление на Германию, нацеленное на частичное ослабление ее влияния в Европе и мире [3; 25, р. 20—21]. При Дж. Байдене наблюдалось заметное потепление отношений США с ФРГ, однако стремление Белого дома укрепить позиции в отношении Германии оставалось, хотя и осуществлялось в качественно иных формах. В этой связи Польша продолжала оставаться близким союзником Вашингтона. Константой ее политики было стремление подчеркнуть свою большую привлекательность, чем Германии, для США, обыгрывая положение крупнейшей «западной демократии» в передовой части зоны ответственности НАТО. Для официального Берлина заметное сближение с Вильнюсом становилось фактором укрепления позиций в отношениях с Варшавой. Аналогичного результата достигала и сама Литва, что было важно с учетом наличия определенных «узких мест» ее диалога с Польшей [26].

Преимущество Литвы для Германии перед двумя другими республиками Балтии заключалось в следующем. Во-первых, это большая площадь, что позволяло размещать группировки войск НАТО на условно значительном удалении от границ РФ. С одной стороны, де-юре это давало возможность снизить провокационность таких мер. С другой — напротив, обеспечивало большую свободу маневра в их использовании, особенно в деле оперативного обеспечения существенного преимущества над оппонентом на избранном направлении посредством выдвижения массы войск из глубины. Данный подход лежал в основе современных тактик использования бундесвера: в отличие от предшествующей Холодной войны ФРГ располагалась уже не на передовой, а в глубине зоны ответственности НАТО. Бундесвер вносил объемный вклад в комплектование ключевых группировок Альянса, предназначенных к выдвижению из глубины зоны ответственности: сил быстрого реагирования (СБР; *NATO Response Force, NRF*) и входившего в них соединения сверхповышенной боевой готовности (*Very High Readiness Task Force, VJTF*), которые стали «ядром» новой модели войск НАТО (заявлена к учреждению в июле 2022 г.)¹. Так, в составе первых двух категорий новой модели войск Альянса предполагается иметь в целом 300 тыс. солдат и офицеров², в том числе 35 тыс. — от бундесвера. Символично, что это решение канцлер О. Шольц объявил по итогам саммита блока в Вильнюсе 11—12 июля 2023 г.³, что сочеталось с возрастающим объемом вклада по линии сил передового развертывания (СПР).

Во-вторых, геостратегически размещение группировки в Литве позволяло Германии одновременно участвовать в «сдерживании» не только России, но и Беларуси. При этом в отличие от двух других стран Балтии официальный Вильнюс граничил не с огромной основной частью России, а лишь с Калининградской областью как полуанклавом. В данном контексте де-юре осуществление стратегического давления на РФ представлялось менее сложным. Однако де-факто ситуация была противоположной, что объяснялось мощью усиливаемой группировки российских ВС в Калининградской области [27].

В-третьих, это большая же численность населения (2,8 млн чел.), чем у Латвии (1,9 млн), Эстонии (1,3 млн), что позволяло Литве иметь более значительные ВС. Их наращивание происходило более динамично (табл. 2).

¹ NATO Response Force. 2023, NATO, URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_49755.htm (дата обращения: 07.11.2023).

² New NATO Force Model. 08.07.2022, NATO, URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/220629-infographic-new-nato-force-model.pdf (дата обращения: 07.11.2023).

³ Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz zum Gipfeltreffen der NATO am 12. Juli 2023 in Wilna. 12.07.2023, Bundeskanzleramt, URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-zum-gipfeltreffen-der-nato-am-12-juli-2023-2202034> (дата обращения: 07.11.2023).

Таблица 2

Динамика изменения численности ВС стран Балтии и ФРГ, тыс. военных

Страна	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Германия	178,8	177,2	177,9	179,8	181,5	183,8	183,9	184,8	188,5	192,2
Латвия	4,6	4,8	5,2	5,5	5,9	6,0	6,4	6,6	7,5	7,6
Литва	8,6	11,8	11,8	13,5	14,3	14,9	15,1	15,2	17,2	17,8
Эстония	6,3	6,0	6,1	6,0	6,2	6,3	6,7	6,8	6,9	6,9

Источник: Defence Expenditure of NATO Countries (2014—2023), 07.07.2023. 2023, Brussels, NATO, p. 12.

Так, в 2014—2023 гг. ВС Литвы выросли более чем вдвое — на 107 %. В случае основного вида ВС — сухопутных войск — это сопровождалось формированием в дополнение к до того единственной бригаде «Железный волк» еще одной, названной «Жемайтия» (другое название — «Гриффин»). Была также создана кадрированная бригада «Аукшайтия»¹. В мае 2023 г. эти три соединения были объединены под управлением штаба дивизии. Для сопоставления: эстонские ВС выросли менее чем на 10 %, латвийские — на 65 % (табл. 2). В составе эстонских сухопутных войск были созданы одна новая кадрированная бригада (в дополнение к имевшейся кадровой) и управление штаба дивизии; в составе латвийских не создано новых формирований уровня бригады и выше. Таким образом, по численности ВС Литвы на 2023 г. превышали суммарный потенциал Латвии и Эстонии, по количеству бригад и управлений дивизий были равны ему.

Это существенно повысило стратегическую привлекательность Литвы для ФРГ, которая анонсировала более чем двукратное увеличение числа бригад (8—10 новых к 7,5 имевшимся) и дивизий (3 в дополнение к 3 существовавшим) к середине 2030-х гг.². На практике на 2023 г. еще не было сформировано ни одной новой бригады (и тем более дивизии), но лишь отдельные подразделения. Поэтому литовские ВС были ценны для бундесвера как источник более быстрого накопления опыта по созданию войсковых единиц.

В-четвертых, разница с Латвией и Эстонией в объемах экономических возможностей, в том числе военного бюджета (табл. 3) обеспечивала Литве преимущество в возможностях по закупкам иностранных вооружений и военной техники (ВиВТ), то есть модернизации ВС за счет импорта.

Таблица 3

Динамика изменения военных бюджетов стран Балтии, млн долл. в постоянных ценах 2015 г.

Страна	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Латвия	246	282	401	459	618	620	646	649	664	731
Литва	357	471	628	759	905	962	996	1005	1285	1324
Эстония	431	463	488	501	520	549	612	581	614	766

Источник: Defence Expenditure of NATO Countries (2014—2023), 07.07.2023. 2023, Brussels, NATO, p. 8.

¹ Land Force. 2023, *Kariuomene*, URL: <https://kariuomene.lt/en/structure/land-force/23583> (дата обращения: 07.11.2023).

² Bundeswehr-Pläne: Heer soll drei neue Divisionen bekommen. 19.04.2017, *DBWV*, URL: <https://www.dbwv.de/aktuelle-themen/politik-verband/beitrag/news/bundeswehr-plaene-heer-soll-drei-volle-divisionen-bekommen/> (дата обращения: 07.11.2023).

Это было особенно важно для ФРГ, чья экономика традиционно сфокусирована на экспорте технологичной промышленной продукции [28], в том числе военного характера. В данном случае уже официальный Вильнюс мог использовать заинтересованность Берлина в продаже своих ВиВТ для увязывания их закупок с наращиванием германского войскового контингента.

Особенности военного сотрудничества в конце 2010-х — начале 2020-х годов

Аксиома для межгосударственного диалога — превалирование в нем политических аспектов над собственно военными. Однако в случае современных отношений Германии и Литвы эти две группы вопросов имели как минимум соизмеримое влияние, военные аспекты оказывали весьма заметное воздействие (и обратное, и прямое) на состояние политических. В контексте «сдерживания» РФ официальный Вильнюс рассматривал сам факт войскового присутствия ФРГ и скорость его наращивания как важнейшие индикаторы учета своих обеспокоенностей.

На Варшавском саммите Альянса (8—9 июля 2016 г.) было принято прецедентное решение о создании наземных СПР в северной части Восточной Европы. Их формирования были постоянными по факту существования, комплектовались на ротационной основе. В Польше и в странах Балтии развертывалась бригада США (на территории всех этих стран), в каждом из государств — по многосторонней батальонной тактической группе СПР во главе со своим «рамочным государством»¹. Этот термин означал, что одна из стран — участниц многонационального контингента принимала на себя общее руководство и вносила наибольший удельный вклад [29]. В трех случаях «рамочными нациями» стали англо-саксонские державы — США (для БТГ в Польше), Великобритания (для БТГ в Эстонии) и Канада (для БТГ в Латвии), в одном — для боевой группы, которая учреждалась в Литве, — данную роль приняла Германия — единственная из «старых» континентальных европейских игроков. По мере хронологического отодвигания от начала конфронтации с РФ увеличивались объемы и характер вклада Германии в этот процесс, в том числе в передовой части зоны ответственности Альянса. В этом видно стремление к выстраиванию полноценного сотрудничества, к преодолению кризиса диалога с Литвой и странами Балтии в целом.

С января 2017 г. в районе г. Рукла Каунасского уезда (центральная часть Литовской Республики) были размещены 500—550 военнослужащих ФРГ как «ядро» многосторонней БТГ. В 2017—2021 гг. комплектование контингента на ротационной основе осуществлялось 10-й танковой дивизией (тд) — прежде всего подразделениями 37-й мотопехотной бригады (мпбр) из ее состава; в это время в Литве было осуществлено 7,0 тыс. случаев ротации одного военнослужащего² (ряд солдат и офицеров отбыли там два и более сроков).

Выбор Руклы для размещения здесь БТГ СПР НАТО объяснялся тем, что здесь дислоцировалась бригада «Железный волк» — до начала 2020-х гг. единственное, затем наиболее боеспособное соединение армии Литвы. БТГ с направляющей ролью бундсвера стала в рамках каждой ротации активно проводить совместные учения с бригадой «Железный волк». Они были как частью более крупных многонациональных маневров, так и учениями с вовлечением личного состава лишь

¹ Warsaw Summit Communiqué. 09.07.2016, NATO, URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133169.htm (дата обращения: 07.11.2023).

² 10. Panzerdivision. 2023, Bundeswehr, URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/organisation/10-panzerdivision> (дата обращения: 07.11.2023).

двух указанных войсковых формирований¹. Целью тренировок БТГ и бригады «Железный волк» было достижение тактической совместимости, то есть де-факто превращение в объединенную группировку из двух компонент — многосторонней и национальной. От ФРГ такой опыт приобрело большинство подразделений 37-й мпбр. Фактор COVID-19 оказал лишь кратковременное, в основном ограниченное весной — осенью 2020 г. «замораживающее» воздействие на сотрудничество двух стран по линии ВС.

В январе 2021 г. ФРГ озвучила решение о переложении ответственности за комплектование наземной (осевой) составляющей германского вклада в СПР с 10-й тд на 1-ю тд. В рассматриваемое время в бундесвере находились три дивизии, две из которых — указанные 1-я (3 бригады) и 10-я (3,5 бригады, с 2023 г. — 2,5 бригады) танковые дивизии — в первую очередь предназначались к использованию в пределах зоны ответственности НАТО. Первая тд в сопоставлении с 10-й тд была более боеспособной, став основной платформой для формирования новых войсковых единиц бундесвера. В середине 2010-х — 2021 гг. 1-я тд была ответственна за комплектование германской наземной компоненты в составе СБР НАТО². Перенацеливание 1-й тд на использование в составе СПР отчетливо показывало эволюцию приоритетов в применении бундесвера: его более масштабное участие не только в глубине зоны ответственности Альянса, но и на ее передовой части, особенно в Литве. Дата принятия соответствующего решения — 2021 г. — показательна тем, что это время «смены вех» Германии (в условиях заранее объявленного решения А. Меркель не баллотироваться на пост канцлера на выборах 2021 г.). Это вновь подтвердило высокую степень преемственности во внешней политике ФРГ. Кроме того, важнейший шаг по подготовке наращивания вклада в «сдерживание» РФ был предпринят не менее чем за год до начала СВО.

Еще до ее начала ФРГ усилила свою группировку в Литве — на 0,2 тыс. военнослужащих и, главное, около 100 единиц боевой и вспомогательной техники³. После старта СВО Германия стала стремиться к расширению сетки контингентов бундесвера в Восточной Европе — так, в марте 2022 г. подразделения бундесвера были направлены в состав учреждаемой многосторонней БТГ СПР НАТО в Словакии⁴, а в июле 2023 г. был поставлен вопрос о развертывании сухопутного присутствия ФРГ в Румынии. Однако направлением наиболее масштабного применения бундесвера оставалось именно литовское. Канцлер О. Шольц 7 июня 2022 г. заявил о планах по постепенной реорганизации многосторонней боевой группы в стране с ролью бундесвера как «рамочного государства» из батальонной в бригадную [1, р. 5—8]. В отличие от учреждения группы БТГ СПР (2016) в этой ситуации ФРГ действовала не в группе инициаторов, но уже в опережение всех остальных стран — участниц НАТО. Вновь официальный Берлин подчеркивал готовность и способность наращивать присутствие, прежде всего сухопутное (осевое и наиболее чувствительное) в Восточной Европе, особое внимание уделяя именно Литве.

¹ Iron Wolf: Höhepunkt jeder EFP-Rotation. 01.07.2019, *Bundeswehr*, URL: <https://www.bundeswehr.de/de/einsaetze-bundeswehr/anerkante-missionen/efp-enhanced-forward-presence/iron-wolf--67288> (дата обращения: 07.11.2023).

² Panzerdivision, 2023, *Bundeswehr*, URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/organisation/1-panzerdivision> (дата обращения: 07.11.2023).

³ Alarmierung und Marsch der Enhanced Forward Presence Kräfte abgeschlossen. 18.02.2022, *Bundeswehr*, URL: <https://www.bundeswehr.de/de/einsaetze-bundeswehr/anerkante-missionen/efp-enhanced-forward-presence/alarmierung-marsch-enhanced-forward-presence-kraefte-litauen-5357426> (дата обращения: 07.11.2023).

⁴ Truppenbesuch in der Slowakei. 29.04.2022, *Bundeswehr*, URL: <https://www.bundeswehr.de/de/einsaetze-bundeswehr/anerkante-missionen/slowakei-enhanced-vigilance-activities/steinmeier-truppenbesuch-slowakei-5402514> (дата обращения: 07.11.2023).

По итогам Мадридского саммита Альянса (28—30 июня 2022 г.), на котором были приняты новые стратегические концепции и модели войск НАТО, О. Шольц заявил о резервировании «тяжелой» дивизии (3 бригады, 15 тыс. солдат и офицеров), 60 боевых самолетов и 15 боевых кораблей¹ для ротационного комплектования группировок СПР. Помимо поэтапного развертывания «ядра» многосторонней бригады это означало также готовность ФРГ к увеличению нагрузки по линии 1-й ПКМГ и 1-й ПМГ, миссии *Baltic Air Policing*. Так, во второй половине 2010-х гг. ВВС вновь вернулись к ежегодному внесению вклада на данном треке, с начала 2020-х гг. — раз в два года, но с удвоением (с 4 до 8—9 месяцев) продолжительности (табл. 1). По линии ВМС стороны также сотрудничали в рамках ежегодных учений *BALTOPS*².

В сентябре 2022 г. в Литву прибыли первые дополнительные подразделения бундесвера³. В начале ноября 2023 г. министр обороны ФРГ объявил о решении сделать кроме уже функционировавшей многонациональной БТГ формируемую бригаду постоянной (бессменное расположение ее частей в одном месте), притом с доминирующим вкладом самого бундесвера. Новое соединение получало номер и название от него (42-я танковая бригада, тбр), а не от группировок НАТО. К концу 2024 г. в Литве должны были быть размещены танковый (203-й) и мотопехотный (122-й) батальоны ФРГ, то есть суммарно 3 таковых (с учетом имевшейся усиленной БТГ) или примерно половина от состава соединения, создано его управление. По завершении формирования (ориентировано в 2026 г.) 42-я тбр должна была иметь 4,8 тыс. военных и 0,2 тыс. чел. гражданского персонала⁴. Конкретизацией планов ФРГ снимала опасения ряда представителей руководства Литвы, что соединение будет «бригадой Шрёдингера» (почти «призраком», по аналогии с «котом Шрёдингера») [14, р. 2]. Факты перехода к бригадному уровню присутствия вкупе с провозглашением постоянного (а не ротационного) характера означали сразу два нарушения Германией Основопологающего акта Россия — НАТО (1997), что вызвало удовлетворение у официального Вильнюса.

Его проявлением в 2017 г., год учреждения присутствия ФРГ, стало резкое одно-годовое увеличение экспорта ВиВТ Германии в Литву (крупные контракты были заключены несколько ранее). Тогда официальный Вильнюс закупил 21 штурмовое орудие *Panzerhaubitze 2000*, партию БТР, комплектующих к бронетехнике на рекордную сумму в 492,6 млн евро⁵. Тем самым была осуществлена частичная унификация парков ВиВТ. Это облегчало достижение тактической совместимости ВС Литвы и контингента бундесвера в стране.

¹ Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz nach dem NATO Gipfel am 30. Juni 2022 in Madrid. 30.06.2022, *Bundeskanzleramt*, URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-nach-dem-nato-gipfel-am-30-juni-2022-in-madrid-2059018> (дата обращения: 07.11.2023).

² BALTOPS 23: Fazit und wichtigste Teilübungen. 20.06.2023, *Bundeswehr*, URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/aktuelles/baltops-23-fazit-5639390> (дата обращения: 07.11.2023).

³ First German NATO brigade troops arrive in Lithuania. 05.09.2022, *NATO*, URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_207051.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 07.11.2023).

⁴ Drei bewährte Bataillone für die neue Panzerbrigade 42. 06.11.2023, *DBwV*. URL: <https://www.dbwv.de/aktuelle-themen/blickpunkt/beitrag/zwei-bewaehrte-bataillone-fuer-die-neue-panzerbrigade-42> (дата обращения: 07.11.2023).

⁵ Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2017 (Rüstungsexportbericht 2017). 2018, Berlin, *Bundesministerium für Wirtschaft und Energie*, S. 73, 81.

Ключевым в диалоге оставалось сотрудничество под эгидой НАТО; по линии ЕС оно имело заметно меньшие объемы и прежде всего развивалось на тех треках, где Европейский союз выступал в роли помощника Альянса. Так, показателен профиль проектных комитетов в рамках Постоянного структурированного сотрудничества (ПСС; *PESCO*) с совместным участием Литвы и Германии: по выстраиванию единого военно-логистического пространства; повышению мобильности войск; созданию защищенного канала обмена правительственной информацией¹. Литовские инструкторы участвовали в подготовке/переобучении кадров ВСУ под эгидой военно-тренировочной миссии *EUMAM EU*, которая действовала на территории Германии и Польши². Этот пример иллюстрировал тесную координацию официальных Берлина и Вильнюса на украинском направлении по противодействию РФ в условиях ее вынужденной СВО. Два государства — члена НАТО согласовывали поставки Украине ВиВТ с использованием формата «Рамштайн» [30, р. 8, 34—35].

Особенности контактов на высшем уровне: кейс эволюции «В3+1»

Канцлер А. Меркель совершала официальные визиты в Литву в 2008, 2010 и в 2013 гг. и затем лишь в 2018 г. Протяженный (5 лет) разрыв между двумя крайними поездками объяснялся не только спадом в диалоге (в 2014—2015 гг.), но и подготовкой такого шага, который свидетельствовал бы о его полном преодолении и, напротив, переходе к более высокому уровню. Совет государств Балтийского моря играл здесь вспомогательную роль, а ключевая отводилась формату «В3+1», так как в него входили лишь сама ФРГ и страны Балтии.

Переход к переговорам на высшем уровне был окончательно проработан на встрече глав МИД Германии и стран Балтии по схеме «В3+1» в Паланге (Литва) 9 мая 2018 г.³. Глава МИД Германии Х. Маас прибыл сюда сразу после визита в Москву, рассеивая обеспокоенность партнеров по поводу потепления отношений ФРГ и РФ.

А. Меркель 14 сентября 2018 г. провела в Вильнюсе двусторонние переговоры с президентом Д. Грибаускайте, далее — четырехсторонние на высшем уровне в формате «В3+1», а затем посетила в Рукле расположение контингента бундесвера⁴. В ходе переговоров «четверки» было поддержано наделение ЕС глобальной субъектностью и тем самым реализация лидерских амбиций Германии (как неофициального лидера объединения), при этом не был упомянут Д. Трамп, то есть страны Балтии не присоединились к оказываемому его администрацией

¹ Projects. 2023, PESCO, URL: <https://www.pesco.europa.eu/#projects> (дата обращения: 02.11.2023).

² Germany — EUMAM UA. 2023, Bundeswehr, URL: <https://www.bundeswehr.de/en/organization/further-fmod-departments/bundeswehr-homeland-defence-command/germany-eumam-ua> (дата обращения: 02.11.2023).

³ Außenminister Maas reist nach Litauen. 09.05.2018, *Auswärtiges Amt*, URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/maas-litauen/2075686> (дата обращения: 02.11.2023).

⁴ Statement von Bundeskanzlerin Merkel vor deutschen Soldatinnen und Soldaten der NATO Enhanced Forward Presence Battle Group Litauen in Rukla. 14.09.2018, *Bundeskanzleramt*, URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/archiv/statement-von-bundeskanzlerin-merkel-vor-deutschen-soldatinnen-und-soldaten-der-nato-enhanced-forward-presence-battle-group-litauen-1525324> (дата обращения: 02.11.2023).

давлению на официальный Берлин¹. Таким образом, ФРГ небезуспешно трансформировала фактор роста военного присутствия в увеличении политических контактов с Литвой и странами Балтии в целом, то есть обеспечила «эффект переплескивания» в развитии сотрудничества с первой сферы на вторую. С момента образования (1994) площадка «В3+1» функционировала только на высоком уровне (руководители МИД), а с 2018 г. — также и на высшем (главы государств и правительств). Тем самым ФРГ заметно укрепила стратегическое присутствие в странах Балтии и четко обозначила рост удельного веса данного направления в своей внешней политике. В то же время выросла и фактическая зависимость Германии от партнеров, готовность более активно реагировать на их озабоченность, в противном случае встречи в формате «В3+1» могли прерваться на длительное время, неся уже серьезные имиджевые потери для ФРГ. Логично, что она стремилась не допустить этого.

В августе 2019 г. А. Меркель провела переговоры с вновь избранным президентом Литвы Г. Науседой в Берлине, уделив повышенное внимание ее обеспокоенности в связи со строительством АЭС в г. Островец в соседней Беларуси². Однако в ходе событий в этой стране августа — октября 2020 г. ФРГ заняла намного более сдержанную позицию, чем Литва [14; 19]. Именно эта причина, а не только (точнее, не столько) фактор COVID-19, стала основной для сокращения контактов на высшем уровне на рубеже десятилетий. Так, вопреки распространенной практике, германская сторона не представила каких-либо конкретных материалов по визиту Г. Науседы в Берлин 16 сентября 2021 г.³. Вместе с тем сам факт этого приглашения президента Литвы (до того как А. Меркель совершила бы ответный визит после 2019 г.) свидетельствовал о повышенном интересе ФРГ к недопущению длительного спада в диалоге, прерывании работы «В3+1» на высшем уровне (но не на высоком).

«В3+1» вновь собрался в Берлине с участием канцлера О. Шольца 10 февраля 2022 г., за две недели до начала вынужденной российской СВО. Факторами стимулирования балтийских партнеров к проведению встречи стали увеличение германского контингента в составе БТГ СПР и их заинтересованность в дальнейшей реализации ФРГ подобных более масштабных мер⁴.

¹ Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel, der litauischen Präsidentin Dalia Grybauskaitė, dem lettischen Ministerpräsidenten Māris Kučinskis und dem estnischen Ministerpräsidenten Jüri Ratas in Vilnius. 14.09.2018, *Bundeskanzleramt*, URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/archiv/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-der-litauischen-praesidentin-dalia-grybauskait%C4%97-dem-lettischen-ministerpraesidenten-m%C4%81ris-ku%C4%8Dinskis-und-dem-estnischen-ministerpraesidenten-jueri-ratas-1525322> (дата обращения: 02.11.2023).

² Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und dem Präsidenten der Republik Litauen, Gitanas Nausėda in Berlin. 14.08.2019, *Bundeskanzleramt*, URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/archiv/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-dem-praesidenten-der-republik-litauen-gitanas-naus%C4%97da-1659520> (дата обращения: 02.11.2023).

³ Staatsbesuch im Bundeskanzleramt: Merkel trifft litauischen Präsidenten Nausėda. 16.09.2021, *Bundeskanzleramt*, URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/archiv/alt-inhalte/staatsbesuch-im-bundeskanzleramt-merkel-trifft-litauischen-praesidenten-nausėda-1958778> (дата обращения: 02.11.2023).

⁴ Pressestatements von Bundeskanzler Scholz, dem Präsidenten von Litauen Nausėda, der Ministerpräsidentin von Estland Kallas und dem Ministerpräsidenten von Lettland Kariņš am 10. Februar 2022 in Berlin. 10.02.2022, *Bundeskanzleramt*, URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressestatements-von-bundeskanzler-scholz-dem-praesidenten-von-litauen-nausėda-der-ministerpraesidentin-von-estland-kallas-und-dem-ministerpraesidenten-von-lettland-kariņš-am-10-februar-2022-in-berlin-2004436> (дата обращения: 02.11.2023).

Решение Германии о трансформации батальонной группы СПР в Литве в бригаду стало основной темой на состоявшейся 7 июня 2022 г. встрече в формате «В3+1» в Вильнюсе¹. Как и в 2018 г., после переговоров новый канцлер Германии посетил расположение контингента бундсвера². В следующий раз площадка «В3+1» была собрана на высшем уровне в Таллине 26 мая 2023 г. В условиях плавного, отнюдь не ускоренного наращивания германского контингента в Литве О. Шольц обратил внимание на более общие цифры — резервирование под ротационное использование в передовой части зоны ответственности НАТО и прежде всего в Литве 17 тыс. солдат и офицеров³. Литовская сторона заявила о необходимости усиления так называемого «Сувалкского коридора», использования контингента бундсвера прежде всего для этой цели.

Интересно, что в преддверии и во время Вильнюсского саммита Альянса (11—12 июля 2023 г.) не было проведено отдельной германо-литовской встречи на высшем уровне. С одной стороны, это объяснялось проработкой основных вопросов еще на переговорах 26 мая 2023 г. в формате «В3+1», с другой — Литва, не артикулируя этого, направляла партнеру «сигнал» о недовольстве медленной скоростью наращивания группировки бундсвера в стране. Ответом на это и стала конкретизация планов ФРГ в ноябре 2023 г. по развертыванию уже постоянно дислоцированной в Литве 42-й танковой бригады бундсвера.

* * *

Со второй половины 2010-х гг. ФРГ заметно изменила формы отнюдь незавершенного процесса создания глобального стратегического присутствия, уделяя растущее внимание его наращиванию в передовой части зоны ответственности НАТО в целом и в Литве в особенности. В свою очередь, Литва в военно-стратегическом плане начала претендовать на роль одного из центров притяжения в Восточной Европе, особенно среди стран Балтии. Эти тенденции, учитывая соотношение ресурсных баз Германии и Литвы, восприятие фактора исторической памяти действующими элитами, задавали рамочные условия для выстраивания объемного двустороннего сотрудничества в сфере безопасности и обороны. Официальный Вильнюс был готов к восприятию Берлина как старшего партнера в диалоге в ответ на полный учет своих интересов и пожеланий, особенно в военной области. Показательны заметный спад диалога в 2014—2015 гг., интенсивность усилий Германии

¹ Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz, dem Präsidenten von Litauen Nausėda, der Ministerpräsidentin von Estland Kallas und dem Ministerpräsidenten von Lettland Kariņš am 7. Juni 2022 in Wilna. 07.06.2022, *Bundeskanzleramt*, URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-dem-praesidenten-von-litauen-naus%C4%97da-der-ministerpraesidentin-von-estland-kallas-und-dem-ministerpraesidenten-von-lettland-kari%C5%86%C5%A1-am-7-juni-2022-in-wilna-2048428> (дата обращения: 02.11.2023).

² Pressestatement von Bundeskanzler Scholz zum Rundgang des Camps Adrian Rohn in Litauen am 7. Juni 2022 in Pabradė. 07.06.2022, *Bundeskanzleramt*, URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressestatement-von-bundeskanzler-scholz-zum-rundgang-des-camps-adrian-rohn-in-litauen-am-7-juni-2022-2048480> (дата обращения: 02.11.2023).

³ Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz, Ministerpräsidentin Kallas, Ministerpräsident Krišjānis Kariņš und Ministerpräsidentin Šimonytė zur Teilnahme des Bundeskanzlers am Treffen der Regierungschefinnen und Regierungschefs der baltischen Staaten am 26. Mai 2023 in Tallinn. 26.05.2023, *Bundeskanzleramt*, URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-ministerpraesidentin-kallas-ministerpraesident-kri%C5%A1%C4%81nis-kari%C5%86%C5%A1-und-ministerpraesidentin-%C5%A1imonyt%C4%97-zur-teilnahme-des-bundeskanzlers-am-treffen-der-regierungschefinnen-und-regierungschefs-der-baltischen-staaten-am-26-mai-2023-2193196> (дата обращения: 02.11.2023).

по восстановлению и росту его качества и объемов, недопущению новых кризисов. Страны Балтии при запуске формата «В3+1» на высшем уровне (2018), проведении каждой новой встречи в 2022—2023 гг. побуждали ФРГ принять новые обязательства по наращиванию вклада в комплектование сил передового развертывания НАТО на прибалтийском направлении. Такая логика развития отношений с Литвой в стратегическом плане тесно привязывала к ней Германию, ограничивала ее возможности на других направлениях (прежде всего в плане использования части сил плавно увеличиваемого бундесвера, таблица 2), особенно относительно вклада в неизбежную нормализацию отношений Запада и РФ с учетом заметно изменившихся геополитических реалий. При этом ФРГ непросто преодолеть эту зависимость, так как диалог с Литвой расценивается как основа для контактов со странами Балтии (показательны проведение всех ключевых встреч в формате «В3+1» именно в Вильнюсе или Берлине; отсутствие наземных контингентов бундесвера в Латвии и Эстонии).

Развертываемая в Литве в основном уже постоянная 42-я танковая бригада бундесвера (4,8 тыс. военных с учетом контингентов союзников) видится усиленным авангардом главных сил ВС ФРГ и мощным элементом «сдерживания» как России, так и Беларуси, стимулом к дальнейшему развитию их сугубо оборонительного по характеру военного сотрудничества.

Список литературы

1. Major, C., Swistek, G. 2022, Die NATO nach dem Gipfel von Madrid, *SWP-Aktuell*, № 49, 8 p.
2. Арзаманова, Т. В. 2022, Отдельные аспекты стратегического планирования Германии в Индо-Тихоокеанском регионе в условиях возвращения соперничества великих держав, *Актуальные проблемы Европы*, № 4, с. 258—284, <https://doi.org/10.31249/ape/2022.04.11>
3. Белинский, А. В., Никуличев, Ю. В. 2019, «Американские горки»: Эволюция отношений между США и ФРГ в 1989—2019 гг., *Актуальные проблемы Европы*, № 4, с. 135—157, <https://doi.org/10.31249/ape/2019.04.08>
4. Ondazra von, N. 2020, Die Brexit-Revolution, *SWP-Aktuell*, № 14, 8 p.
5. Чернега, В. Н. 2019, Франция и Германия: Диалектика сотрудничества и соперничества, *Актуальные проблемы Европы*, № 4, с. 158—171, <https://doi.org/10.31249/ape/2019.04.09>
6. Маслова, Е. А., Шебалина, Е. О. 2023, Италия в треугольнике Рим — Париж — Берлин, *Современная Европа*, № 2, с. 5—18, <https://doi.org/10.31857/S0201708323020018>
7. Lang, K.-O. 2022, Warschau konfrontative Deutschlandpolitik, *SWP-Aktuell*, № 68, 8 p.
8. Трунов, Ф. О. 2023, Фактор выборов в межгосударственных отношениях: политический диалог Германия — Польша (2013—2022), *Актуальные проблемы Европы*, № 2, с. 109—139, <https://doi.org/10.31249/ape/2023.02.06>
9. Česnakas, G., Juozaitis, J. 2022, *European Strategic Autonomy and Small States' Security*, Oxford, Routledge, 242 p., <https://doi.org/10.4324/9781003324867>
10. Klein, A. M., Herrmann, G. 2010, Die Beziehungen Deutschlands zu den Baltischen Ländern seit der Wiedervereinigung, *KAS Auslandsinformationen*, № 9, p. 65—80.
11. Ворожеина, Я. А., Максимов, И. П., Тарасов, И. Н. 2015, Евроатлантическая интеграция стран Балтии в политическом дискурсе Германии, *Власть*, № 10, с. 208—212.
12. Саликов, А. Н., Тарасов, И. Н., Уразбаев, Е. Е. 2016, Балтийский вектор внешней политики ФРГ на современном этапе развития международных отношений, *Балтийский регион*, № 1, с. 86—96, <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2016-1-5>
13. Кретинин, Г. В., Катровский, А. П., Потоцкая, Т. И., Федоров, Г. М. 2016, Геополитические и геоэкономические изменения на Балтике на рубеже XX и XXI веков, *Балтийский регион*, т. 8, № 4, с. 18—33, <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2016-4-2>

14. Lang, K.-O. 2023, Deutschland und Litauen: von der Verteidigungskooperation zur Sicherheitspartnerschaft, *SWP-Aktuell*, № 39, 8 p.
15. Трунов, Ф. О. 2019, Основные направления политико-военного сотрудничества Германии и стран Балтии на современном этапе, *Актуальные проблемы Европы*, № 3, с. 117—140, <https://doi.org/10.31249/ape/2019.03.06>
16. Хорольская, М. В. 2022, Участие Германии в «инициативе трех морей»: перспективы для России, *Балтийский регион*, т. 14, № 2, с. 83—97, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-2-6>
17. Худoley, К. К. 2016, Регион Балтийского моря в условиях обострения международной обстановки, *Балтийский регион*, т. 8, № 1, с. 7—25, <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2016-1-1>
18. Кикнадзе, В. Г., Миронюк, Д. А., Кретинин, Г. В. 2019, Военно-политическая обстановка в Балтийском регионе в конце XX — начале XXI века: перспективы «худого мира», *Балтийский регион*, т. 11, № 1, с. 60—75, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-1-5>
19. Lang, K.-O. 2020, Polens und Litauens zweigleisige Politik gegenüber Belarus im Zeichen der Krise, *SWP-Aktuell*, № 73, 8 p.
20. Григонис, Э. П. 2013, Литва и Германия: «разъехавшиеся соседи», *Мир экономики и права*, № 7-8, с. 48—66. EDN: RBWVSF
21. Трунов, Ф. О. 2016, Свертывание военного присутствия России на территории «новой ФРГ» (1991—1994): ход и последствия, *Клио*, № 1, с. 145—154. EDN: VUCCHH
22. Glatz, R., Hansen, W., Kaim, M., Vorrath, J. 2018, *Die Auslandseinsätze der Bundeswehr in Wandel*, Berlin, German Institute for International and Security Affairs, Stiftung Wissenschaft und Politik, 52 p.
23. Lang, K.-O. 2018, Deutschland und Polen: Kooperation trotz Differenzen, *SWP-Aktuell*, № 12, 8 p.
24. Дырина, А. Ф. 2023, В Польше выбирают «Право и справедливость»: успех партии на выборах в 2015 и 2020 годах, *Актуальные проблемы Европы*, № 2, с. 91—108, <https://doi.org/10.31249/ape/2023.02.05>
25. Balcer, A., Blusz, K., Schmiege, E. 2017, *Germany, Poland and the future of transatlantic community*, Warsaw, Wise Europe, 34 p.
26. Мусаев, В. И. 2022, «Польский вопрос» в Литве и проблемы польско-литовских отношений на рубеже столетий, *Балтийский регион*, т. 14, № 3, с. 49—63, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-3-3>
27. Зверев, Ю. М., Межевич, Н. М. 2022, Республика Беларусь и Калининградская область России как субрегиональный комплекс безопасности, *Балтийский регион*, т. 14, № 3, с. 64—82, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-3-4>
28. Szabo, S. F. 2015, *Germany, Russia and the rise of geo-economics*, L., Bloomsbury, 187 p., <https://doi.org/10.5040/9781472596352>
29. Glatz, R., Zapfe, M. 2017, Ambitionierte Rahmegration: Deutschland in der NATO, *SWP-Aktuell*, № 62, 8 S.
30. Mills, C. 2023, *Military assistance to Ukraine since the Russian invasion*, L., House of Commons Library, 69 p.

Об авторе

Филипп Олегович Трунов, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, отдел Европы и Америки, Институт научной информации по общественным наукам РАН, Россия.

E-mail: 1trunov@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7092-4864>



MILITARY AND POLITICAL COOPERATION BETWEEN GERMANY AND LITHUANIA IN THE LATE 2010s TO EARLY 2020s

Ph. O. Trunov 

Institute of Scientific Information
for Social Sciences Russian Academy of Sciences,
51/21 Nakhimovsky Prospekt, Moscow,
117418, Russia

Received 06 November 2023
Accepted 15 January 2024
doi: 10.5922/2079-8555-2024-1-4
© Trunov, Ph. O., 2024

Since the mid-2010s, Germany has significantly adjusted its approaches to the use of the Bundeswehr, pivoting its strategic focus from regions distant from the Euro-Atlantic community to those within or near it. This has underscored the pressing need to address issues related to securing steadfast allies in Eastern Europe and enhancing cooperation with them. This article aims to explore the current evolution of German-Lithuanian relations in both political and military domains. The approach of Germany to the factor of historical memory is demonstrated, along with its aspiration to position itself as the defender of Lithuanian national sovereignty. Yet, there was a notable lack of strategic focus from Germany towards Lithuania in the early 21st century, contributing to a decline in bilateral relations in 2014 and 2015. Amid the confrontation between the 'Western democracies' and Russia, Germany adopted a strategy of gradually but steadily increasing pressure on the opponent. The perception of this approach by Lithuanian elites has shifted from negative in the mid-2010s to increasingly positive as Germany has become more involved in deterrence of Russia. This article explores the process of the Bundeswehr troops' deployment and buildup up to having constituted the 'core' of a multinational brigade in Lithuania under NATO's mandate. The study focuses on the impact of military cooperation on political collaborations, as illustrated by the case of the B3+1 format, which has brought together high-ranking public officials from the three Baltic states and Germany since 2018. It is concluded that Germany has developed a dependence on Lithuania, driven by the increased desire of the former state to maintain the latter as a reliable junior partner.

Keywords:

Germany, Lithuania, Baltic states, historical memory, confrontation, NATO, Forward Presence Force, Bundeswehr, military presence, negotiation formats, interstate dialogue

References

1. Major, C., Swistek, G. 2022, Die NATO nach dem Gipfel von Madrid, *SWP-Aktuell*, №49, 8 p.
2. Arzamanova, T. V. 2022, Some aspects of German strategic planning in Indo-Pacific region facing the return of great power rivalry, *Current problems of Europe*, №4, p. 258—284, <https://doi.org/10.31249/ape/2022.04.11>
3. Belinsky, A. V., Nikulichev, Y. V. 2019, «American rollercoaster»: The evolution of US–Germany relations from 1989 to 2019, *Current problems of Europe*, №3, p. 135—157, <https://doi.org/10.31249/ape/2019.04.08>
4. Ondazra von, N. 2020, Die Brexit-Revolution, *SWP-Aktuell*, №14, 8 p.
5. Tchernega, V. N. 2019, France and Germany: The dialectics of cooperation and competition, *Current problems of Europe*, №4, p. 158—171, <https://doi.org/10.31249/ape/2019.04.09>

6. Maslova, E. A., Shebalina, E. O. 2023, Italy in the Rome — Paris — Berlin triangle, *Contemporary Europe*, № 2, p. 109 — 139, <https://doi.org/10.31249/ape/2023.02.06>
7. Lang, K.-O. 2022, Warschaus konfrontative Deutschlandpolitik, *SWP-Aktuell*, № 68, 8 p.
8. Trunov, Ph. O. 2023, The electoral factor in inter-state relations: Germany-Poland political dialogue (2013—2022), *Current problems of Europe*, № 2, p. 109 — 139, <https://doi.org/10.31249/ape/2023.02.06>
9. Česnakas, G., Juozaitis, J. 2022, *European Strategic Autonomy and Small States' Security*, Oxford, Routledge, 242 p., <https://doi.org/10.4324/9781003324867>
10. Klein, A. M., Herrmann, G. 2010, Die Beziehungen Deutschlands zu den Baltischen Ländern seit der Wiedervereinigung, *KAS Auslandsinformationen*, № 9, p. 65 — 80.
11. Vorozheina, Ya. A., Maksimov, I. P., Tarasov, I. N. 2015, Euro-Atlantic integration of the Baltic countries in the political discourse of Germany, *Vlast' (The Authority)*, № 10, p. 208 — 212.
12. Salikov, A., Tarasov, I., Urazbaev, E. 2016, The Baltic policy of Germany and current international relations, *Baltic region*, vol. 8, № 1, p. 60 — 66, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2016-1-5>
13. Kretinin, G. V., Katrovskiy, A. P., Pototskaya, T. I., Fedorov, G. M. 2016, Geopolitical and geo-economic changes in the Baltic sea region at the turn of the XX — XXI centuries, *Baltic region*, vol. 8, № 4, p. 13 — 25, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2016-4-2>
14. Lang, K.-O. 2023, Deutschland und Litauen: von der Verteidigungskooperation zur Sicherheitspartnerschaft, *SWP-Aktuell*, № 39, 8 p.
15. Trunov, Ph. O. 2019, The main directions of political and military cooperation of Germany with Baltic states today, *Current problems of Europe*, № 3, p. 117 — 140, <https://doi.org/10.31249/ape/2019.03.06>
16. Khorolskaya, M. V. 2022, German participation in the Three seas initiative: opportunities for Russia, *Baltic region*, vol. 14, № 2, p. 83 — 97, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-2-6>
17. Khudoley, K. 2016, The Baltic Sea region and increasing international tension, *Baltic region*, vol. 8, № 1, p. 4 — 16, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2016-1-1>
18. Kiknadze, V. G., Mironyuk, D. A., Kretinin, G. V. 2019, The military and political situation in the Baltic region in the late 20th/early 21st centuries: the prospects of 'uneasy peace', *Baltic region*, vol. 11, № 1, p. 60 — 75, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-1-5>
19. Lang, K.-O. 2020, Polens und Litauens zweigleisige Politik gegenüber Belarus im Zeichen der Krise, *SWP-Aktuell*, № 73, 8 p.
20. Grigonis, E. P. 2013, Lithuania and Germany: «separated neighbors», *World of Economics and Law*, № 7-8, p. 48 — 66. EDN: RBWVSF
21. Trunov, Ph. O. 2016, Curtailment of Russia's military presence on the territory of the «new Germany» (1991 — 1994): progress and consequences, *Klio*, № 1, p. 145 — 154. EDN: VUCCHH
22. Glatz, R., Hansen, W., Kaim, M., Vorrath, J. 2018, *Die Auslandseinsätze der Bundeswehr in Wandel*, Berlin, German Institute for International and Security Affairs, Stiftung Wissenschaft und Politik, 52 p.
23. Lang, K.-O. 2018, Deutschland und Polen: Kooperation trotz Differenzen, *SWP-Aktuell*, № 12, 8 p.
24. Dyrina, A. F. 2023, Poland elects «Law and Justice»: the party's success in the 2015 and 2020 elections, *Current problems of Europe*, № 2, p. 91 — 108, <https://doi.org/10.31249/ape/2023.02.05>
25. Balcer, A., Blusz, K., Schmieg, E. 2017, *Germany, Poland and the future of transatlantic community*, Warsaw, Wise Europe, 34 p.
26. Musaev, V. I. 2022, 'Polish question' in Lithuania and problems of Polish-Lithuanian relations at the turn of the century, *Baltic region*, vol. 14, № 3, p. 49 — 63, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-3-3>
27. Zverev, Yu. M., Mezhevich, N. M. 2022, The republic of Belarus and the Kaliningrad region of Russia as a sub-regional security complex, *Baltic region*, vol. 14, № 3, p. 64 — 82, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-3-4>
28. Szabo, S. F. 2015, *Germany, Russia and the rise of geo-economics*, L., Bloomsbury, 187 p., <https://doi.org/10.5040/9781472596352>
29. Glatz, R., Zapfe, M. 2017, Ambitionierte Rahmennation: Deutschland in der NATO, *SWP-Aktuell*, № 62, 8 S.

30. Mills, C. 2023, *Military assistance to Ukraine since the Russian invasion*, L., House of Commons Library, 69 p.

The author

Dr Philipp O. Trunov, Leading Research Fellow, Department for European and American Studies, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: 1trunov@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7092-4864>



SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

МОДЕЛИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ СЕГРЕГАЦИИ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ИММИГРАНТСКИХ РАЙОНОВ В ДАНИИ И ШВЕЦИИ

Е. Ю. Талалаева^{1,2} 

Т. С. Пронина¹ 

¹ Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 196605, Россия, Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, 10

² Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, 392036, Россия, Тамбов, ул. Интернациональная, 33

Поступила в редакцию 19.04.2023 г.

Принята к публикации 25.12.2023 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2024-1-5

© Талалаева Е. Ю., Пронина Т. С., 2024

Анализируются иммиграционные и интеграционные стратегии Дании и Швеции, проводится их сравнение с точки зрения эффективности принимаемых мер. Общность исторического, культурного и социально-экономического развития двух стран обусловила и схожесть подходов к решению проблем, возникающих в связи с образованием на их территориях этноконфессиональных анклавов, население которых преимущественно составляют иммигранты «мусульманского происхождения». Европейские миграционные кризисы последних лет привели к ужесточению интеграционных режимов Скандинавских стран. Но есть и различия в правительственных стратегиях этих стран в противодействии сегрегации иммигрантских районов. Дания придерживается жесткой иммиграционной политики, в основе которой лежит подход культурной ассимиляции иммигрантов из «незападных» стран. Швеция проводит более либеральную политику, исходя из принципов мультикультурализма. Анализ официальных документов и критический анализ политических дискурсов позволили реконструировать эволюцию иммиграционных и интеграционных инициатив Дании и Швеции. Авторы отмечают, что шведские власти используют более радикальный датский опыт решения «миграционных» проблем, адаптируя его под собственные политические программы. Но, несмотря на результаты антииммиграционного политического курса Дании, что проявилось в сокращении числа сегрегированных иммигрантских районов, целый спектр проблем остается нерешенным, что связано и с иммиграционной политикой ЕС. Острой остается и проблема формирования новой гражданской идентичности, основанной на языковой, религиозной и культурной «однородности» датского общества при его реальной поликультурности. В этом плане Швеция конструирует собственную программу противодействия сегрегации с учетом позитивного и негативного опыта датской иммиграционной и интеграционной политики. Еще один важный вывод: эти страны стали уделять особое внимание этническому и конфессиональному критериям в идентификации «параллельных обществ».

Ключевые слова:

миграционный кризис, сегрегация, иммигрантские районы, иммиграционная и интеграционная политика, иммигранты «мусульманского происхождения», этноконфессиональное параллельное общество, Дания, Швеция

Для цитирования: Талалаева Е. Ю., Пронина Т. С. Модели противодействия сегрегации этноконфессиональных иммигрантских районов в Дании и Швеции // Балтийский регион. 2024. Т. 16, № 1. С. 81–99. doi: 10.5922/2079-8555-2024-1-5

Введение

Несмотря на принадлежность Дании и Швеции к скандинавской концепции «государства всеобщего благосостояния»¹ и общую проблему сегрегации иммигрантских районов, подходы двух стран к реализации иммиграционной и интеграционной политики в последние два десятилетия существенно различаются. Позиция датского правительства в отношении иммигрантов и беженцев является самой жесткой среди европейских стран, тогда как шведский подход в этом плане считается наиболее либеральным. Сложившуюся ситуацию можно проиллюстрировать при помощи Индекса политики по интеграции мигрантов (MIPEX) за 2020 г. Согласно шкале MIPEX, Швеция входит в тройку мировых лидеров по эффективности иммиграционной политики с показателем в 86 баллов², тогда как рейтинг Дании в данной системе считается самым низким среди западноевропейских стран и составляет всего 49 баллов³. Если у Швеции все ключевые показатели для определения индекса являются «благоприятными» — свыше 80 баллов, кроме параметра «воссоединение семьи», составляющего 71 балл, то у Дании ни один из показателей не достигает высшего сектора шкалы, оставаясь преимущественно «умеренным» или «неблагоприятным» — к примеру, параметр «воссоединение семьи» составляет всего 25 баллов. При этом мигранты из «незападных» стран⁴ являются наиболее ограниченными в своих гражданских правах и наименее защищенными с точки зрения обеспечения их безопасности — в данной графе Дания набрала всего 17 из 100 баллов.

Европейский миграционный кризис 2015 г. можно охарактеризовать как «экзогенный шок» [1] для европейских национальных моделей иммиграционного контроля, когда перед перспективой размещения на своей территории беспрецедентно высокого числа беженцев государства стремились снизить свою «привлекательность» за счет ужесточения условий въезда в страну и снижения социального обеспечения. При этом ситуация с численностью иммигрантов в Дании снова оказалась противоположной Швеции. Наглядно это демонстрирует разница в заявках на предоставление убежища в обеих странах, которая с наибольшей очевидностью проявила себя в связи с увеличением миграционных потоков осенью 2015 г. В Швеции было зафиксировано около 163 000 прошений о предоставлении убежища (преимущественно беженцами из Сирии, Афганистана и Ирака), тогда как в Дании их число составило всего 20 825⁵. С началом нового миграционного кризиса 2022 г., вызванного вооруженными действиями на Украине, европейские страны приняли около 6 млн украинских беженцев. Из них 56 165 чел. приняла Швеция, 41 155 —

¹ Характерная для Скандинавских стран модель социального государства, учитывающая исторически сложившуюся для них этническую, лингвистическую, религиозную и культурную «однородность» общества.

² The Migrant Integration Policy Index. Sweden, 2020, *Migrant Integration Policy Index*, URL: <https://www.mipex.eu/sweden> (дата обращения: 10.04.2023).

³ The Migrant Integration Policy Index. Denmark, 2020, *Migrant Integration Policy Index*, URL: <https://www.mipex.eu/denmark> (дата обращения: 10.04.2023).

⁴ Согласно данным Министерства иммиграции и интеграции Дании, в перечень «незападных» стран включены все государства, кроме стран Евросоюза, Норвегии, Исландии, Андорры, Лихтенштейна, Монако, Сан-Марино, Швейцарии, Великобритании, Ватикана, США, Канады, Австралии и Новой Зеландии: International Migration — Denmark, P. 15, 2022, *Ministry of Immigration and Integration*, URL: <https://uim.dk/media/11385/international-migration-denmark-2022.pdf> (дата обращения: 10.04.2023).

⁵ Asylum in the EU Member States, 2016, *Eurostat*, URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/7921609/3-16032017-BP-EN.pdf/e5fa98bb-5d9d-4297-9168-d07c67d1c9e1> (дата обращения: 10.04.2023).

Дания¹. В результате, согласно данным последних опубликованных подсчетов, 25,9% от всего населения Швеции составляют лица, имеющие «иностранное происхождение» (*utländsk bakgrund*), — те, кто родился за границей или чьи родители имеют иностранное происхождение². В то же время в Дании доля «иммигрантов и их потомков»³ от общего населения страны составляет 15,4%, из которых 9,7% имеют «незападное» происхождение (самые крупные диаспоры происходят из Турции, Сирии, Украины и Ирака)⁴. Мусульманский миграционный фон значительной части населения Дании и Швеции оказал существенное влияние на формирование национальной идентичности их граждан. В то же время эффективной интеграции жителей этнических анклавов, представленных преимущественно иммигрантами «мусульманского происхождения», препятствуют социально-экономические, религиозные и ценностно-культурные факторы.

Столь существенная разница в подходах к реализации иммиграционной политики Дании и Швеции, несмотря на культурно-историческую общность и схожесть моделей социально-экономического развития, по мнению профессора университета Сёдертёрна Карин Бореви, объясняется различным подходом правящей политической элиты к пониманию того, как достигается социальная сплоченность [2, р. 364—388]. Датская политическая система, в особенности правоцентристская партийная коалиция, придерживается курса, в соответствии с которым национальное единство основывается на социальной «однородности». Шведские власти, напротив, исходят из положения, что государство обязано обеспечить эффективную культурную и социально-экономическую интеграцию представителей различных этнических групп в единый социум.

Теоретико-методологическая база исследования

В качестве теоретической основы исследования выступают работы, изучающие различные аспекты иммиграционной и интеграционной политики Дании [3; 4] и Швеции [5; 6], обзор которых позволяет составить обобщенную картину формирования политических моделей взаимодействия государства и общества с иммигрантами из «незападных стран», проанализировать эволюцию сегрегации этнических анклавов в этих странах. В данном контексте особый интерес представляет анализ роли религиозного фактора в формировании общественного отношения к иммигрантам «мусульманского происхождения» [7; 8]. Для раскрытия данного аспекта используются критический дискурс-анализ датского общественно-политического дискурса о мусульманских гетто [9—11] и широкие дискуссии о дискриминации мусульман в шведском обществе [12—14]. При этом дискурсы рассматриваются, в соответствии с теориями Н. Фейрклафа и М. Фуко, как эффект и инструмент интерпретации социальных практик, в данном случае отражают эволюцию иммиграционной политики. Современные исследователи отмечают, что миграционные процессы последних де-

¹ Ukraine Refugee Situation, 2023, *The Operational Data Portal*, URL: <https://data2.unhcr.org/en/situations/ukraine> (дата обращения: 20.06.2023).

² Befolkningsstatistik helåret, 2021, *Statistiska centralbyrån*, URL: <https://www.scb.se/hitta-statistik/statistik-efter-amne/befolkning/befolkningens-sammansattning/befolkningsstatistik/pong/statistiknyhet/befolkningsstatistik-helaret-20202/> (дата обращения: 10.04.2023).

³ Иммигрант — лицо, родившееся за границей. Потомок — лицо, родившееся в Дании, но ни один из его родителей не имеет датского происхождения и гражданства: International Migration — Denmark, P. 15, 2022, *Ministry of Immigration and Integration*.

⁴ Hvor mange og hvem er indvandrere i Danmark? 2023, *Det nationale Integrationsbarometer*, URL: <https://integrationsbarometer.dk/tal-og-analyser/INTEGRATION-STATUS-OG-UDVIKLING> (дата обращения: 10.04.2023).

сятилетий во многом повлияли на этнический и конфессиональный состав населения Скандинавских стран, а также на формирование гражданской датской [15; 16] и шведской [17; 20] идентичностей. Тем не менее сравнительный анализ государственных интеграционных стратегий Дании и Швеции представлен незначительным числом работ [21 — 27], преимущественно ориентированных на трансформацию иммиграционной политики Скандинавских стран вследствие миграционных кризисов.

Источниковая база исследования представлена правительственными стратегиями и государственными программами Дании и Швеции, предлагающими различные комплексы мер и инициатив противодействия сегрегации иммигрантских районов, а также статистическими данными о составе и конфессиональной принадлежности населения рассматриваемых стран.

Таким образом, цель исследования заключается в сопоставлении датской и шведской моделей политики противодействия процессам сегрегации в районах, преимущественно населенных иммигрантами и их потомками. Особое внимание уделяется значению и соотношению этнического и конфессионального факторов формирования иммигрантских анклавов, представляющих угрозу национальной сплоченности и территориальной целостности государств всеобщего благосостояния. На основе проведенного исследования предполагается проследить перспективы преемственности радикального датского подхода противодействия геттоизации шведской либеральной политической системой, ориентированной на культурное «разнообразие» современного общества.

Этнический критерий определения датских гетто

С 2001 по 2011 г. правительство Дании было представлено правоцентристской коалицией, в которой значимая роль принадлежала Датской народной партии (ДНП). Одним из главных направлений деятельности правительства такой политической ориентации стало ужесточение иммиграционной политики страны и регулирование механизмов интеграции иммигрантов западного происхождения в датское общество. Кроме того, эскалации ксенофобской риторики в социально-политической сфере во многом способствовала реакция на события 11 сентября 2001 г. Мусульманские иммигрантские анклавы в общественном сознании стали противопоставляться «датским культурным ценностям» [9, р. 319], таким как уважение законов демократического общества, равноправие всех граждан и ответственность за всеобщее благополучие.

В 2004 г. премьер-министр Дании Андерс Фог Расмуссен открыто объявил о борьбе с «иммигрантскими гетто» как результатом многолетней неудачной иммиграционной политики Дании [29]. Данное событие стало преддверием к публикации первого всеобъемлющего правительственного плана по ликвидации гетто — «Стратегии Правительства против геттоизации», в которой был изложен перечень мер по предотвращению возникновения гетто и решению ряда социальных проблем в восьми уже существующих иммигрантских районах¹. Прежде всего гетто характеризуется социальной изоляцией, препятствующей успешной интеграции иммигрантов. Правительство Дании выразило обеспокоенность тем, что если большинство жителей гетто составляют «безработные иммигранты и их потомки, то районы могут развиваться в настоящие этнические анклавы или параллельные общества без значительных экономических, социальных и культурных контактов с обществом»².

¹ Regeringens strategi mod ghettosering, S. 16, 2004, *Ministeriet for Flygtninge, Indvandrere og Integration*, URL: <https://docplayer.dk/270581-Regeringens-strategi-mod-ghettosering.html> (дата обращения: 10.04.2023).

² Ibid. S. 12.

Ожидалось, что одним из основных инструментов регулирования проблемы сегрегации иммигрантских общин станет изменение законодательства в отношении государственного жилищного сектора¹, где проживало большинство иммигрантов и их потомков. Правительственная жилищная инициатива 2004 г. по предотвращению геттоизации строилась на принципе более сбалансированного состава жителей неблагополучных районов². Однако предложенные меры были ориентированы на долгосрочную перспективу и оказались неэффективными для решения текущих проблем. В результате к 2010 г. число гетто возросло до 29 районов³. В связи со сложившейся ситуацией новая жилищная инициатива была направлена на сокращение сектора государственного жилья в гетто за счет сноса многоквартирных домов⁴. Такой подход должен был не только способствовать расселению иммигрантских семей в более благополучные районы, но и повысить привлекательность гетто для датчан при условии улучшения их инфраструктуры. Однако предпринятые действия также оказались недостаточными на фоне усиления территориального разделения датских городов и маргинализации жителей гетто.

Тем не менее планомерное ужесточение мер правоцентристского правительства Дании в иммиграционной политике позволило создать положительную динамику для незападных мигрантов и их потомков на рынке труда, повысив их уровень занятости на 10 %⁵. Важным аспектом правительственной стратегии противодействия геттоизации стала работа с молодежью и детьми иммигрантов в сфере образования. Особое внимание было уделено языковой адаптации детей из иммигрантских семей, достигших трехлетнего возраста. В частности, невыполнение родителями требования, чтобы их ребенок посещал государственные учебные заведения, стало законным основанием для прекращения выплаты семейного пособия и назначения административного штрафа. Меры по снижению преступности среди молодежи предполагали изъятие из семей под государственную опеку несовершеннолетних, совершивших правонарушение или имеющих проблемы с социальной адаптацией⁶. Важно отметить, что данные меры не просто носят рекомендательный характер, но должны быть приведены в исполнение силами полиции.

В новой правительственной стратегии 2010 г. «Гетто возвращается в общество. Борьба с параллельным обществом в Дании» впервые было опубликовано точное определение гетто, согласно которому это жилой район с населением не менее 1000 человек, проживающих в государственном жилом секторе, и соответствующий как минимум двум из трех критериев⁷:

- доля иммигрантов и их потомков из западных стран превышает 50 %;
- доля лиц в возрасте 18—64 лет, не связанных с рынком труда или сферой образования, превышает 40 %;

¹ Дания располагает одним из крупнейших государственных жилищных секторов в Европе: на его долю приходится около 22 % жилья, находящегося в ведомстве жилищных ассоциаций и муниципалитетов. Social rental housing stock, 2020, *The OECD Affordable Housing Database*, URL: <https://www.oecd.org/els/family/PH4-2-Social-rental-housing-stock.pdf> (дата обращения: 10.04.2023).

² Regeringens strategi mod ghettoisering, S. 9, *Ministeriet for Flygtninge, Indvandrer og Integration*.

³ *Ghettoen tilbage til samfundet. Et opgør med parallelsamfund i Danmark*, S. 5, 2010, *Regeringen*, URL: <https://www.regeringen.dk/aktuelt/tidligere-publikationer/ghettoen-tilbage-til-samfundet/> (дата обращения: 10.04.2023).

⁴ Ibid. S. 6.

⁵ Ibid. S. 19.

⁶ Ibid. S. 24.

⁷ Ibid. S. 37.

— количество лиц, осужденных за уголовные правонарушения на 10 000 жителей, превышает 270 чел.

Дания первая из европейских стран применила в правительственных документах и статистических отчетах миграционных ведомств термины «иммигранты и их потомки» и «незападные страны» для анализа изменений в миграционной картине внутри страны [26, р. 13]. Кроме того, впервые был введен этнический критерий для определения гетто, которое напрямую стало ассоциироваться с иммигрантами и их потомками из мусульманских стран¹. За десятилетие активного антииммигрантского общественно-политического дискурса жители гетто стали восприниматься обезличенными «другими» для датской культуры. Основными критериями для определения «другого» стали этническая и конфессиональная принадлежность, противопоставленные «датской идентичности» [15, р. 473] — концепту, подразумевающему единый датский язык, культуру и религию. Несмотря на то что религия для большинства современных датчан не является существенной частью жизни — 68 % населения Дании идентифицируют себя в качестве атеистов², она по-прежнему остается важной частью гражданской идентичности: 75 % датчан — члены государственной евангелической лютеранской церкви³.

Современные мусульманские «параллельные общества» в Дании

Формирование социал-демократического правительства в 2011 г. внесло определенные коррективы в интеграционную политику Дании, отразившиеся в новом стратегическом плане 2013 г. «Уязвимые жилые районы — следующие шаги»⁴. Принятию данной правительственной стратегии предшествовал инцидент с отказом администрации города Коккедаля от установки рождественской елки, что было связано с дилеммой прав мусульманских и датских меньшинств в демократическом обществе. Широкий общественный резонанс, вызванный рождественскими событиями 2012 г., продемонстрировал неприятие этноконфессиональных гетто в Дании не только со стороны датской общественности, но и среди тех мусульман, которые, несмотря на иммигрантское происхождение, успешно интегрировались в культурно-ценностную систему демократического общества [10, с. 63].

Новое правительство не поддержало ряд прежних инициатив правоцентристской коалиции, в числе которых ведущая роль этнического критерия при определении сегрегированного района и применение к нему термина «гетто» в официальном политическом дискурсе [11, с. 164], однако антииммигрантская риторика сохранилась. При этом в определении теперь уже «уязвимого жилого района» (*udsatte boligområder*) были включены два дополнительных критерия: «образование» и «доход», связанные с наличием профессионального образования менее чем у 60 % жителей в возрасте от 30 до 59 лет и уровнем налогооблагаемого дохода у лиц старше

¹ Самой многочисленной диаспорой иммигрантов является турецкая. Численность иммигрантов и их потомков с турецким происхождением составила 8,8 % к 2016 г.: International Migration — Denmark, P. 15, 2015, *The Ministry of Immigration, Integration and Housing*, URL: <https://integrationsbarometer.dk/tal-og-analyser/filer-tal-og-analyser/arkiv/internationalmigrationdenmark20151.pdf> (дата обращения: 10.04.2023).

² Most Atheist Countries, 2022, *The Muslim Times*, URL: <https://themuslimtimes.info/2022/09/01/most-atheist-countries-2022/> (дата обращения: 10.04.2023).

³ Religion in Denmark. Religion and Identity, 2022, *Ministry of Foreign Affairs of Denmark*, URL: <https://www.denmark.dk/people-and-culture/religion> (дата обращения: 10.04.2023).

⁴ Udsatte boligområder — de næste skridt : regeringens udspil til en styrket indsats, 2013, *Regeringen*, URL: <https://bibliotek.dk/da/moreinfo/netarchive/870970-basis%253A50757811> (дата обращения: 10.04.2023).

15 лет менее 60 % от среднего валового дохода в регионе¹. Кроме того, с упразднением Министерства по делам беженцев, иммигрантов и интеграции² произошла децентрализация интеграционной политики на национальном уровне [3, с. 102].

Усиление позиции Датской народной партии (ДНП) на парламентских выборах 2015 г. и европейский миграционный кризис позволили правоцентристской коалиции предложить к обсуждению новый стратегический план противодействия геттоизации «Дания без параллельных обществ — без гетто в 2030 году»³, ставший наиболее радикальным подходом датских властей к решению проблемы сегрегации мусульманских меньшинств. Ужесточение иммиграционной и интеграционной политики способствовало замедлению притока новых беженцев и мигрантов, позволив датским властям обратить основное внимание на интеграцию западных мигрантов, проживающих в гетто.

Изменения в интеграционной политике в очередной раз коснулись определения гетто, разделив неблагополучные районы на три категории: «уязвимые жилые районы», «гетто» и «жесткие гетто» (*hårde ghetto*). Для того чтобы район считался «уязвимым», ему достаточно соответствовать двум из пяти критериев: «50 % населения составляют иммигранты и их потомки из западных стран», «трудоустройство», «правонарушения», «образование», «доход»⁴. Чтобы перейти в категорию «гетто», район должен соответствовать дополнительному критерию, например если доля иммигрантов превышает 60 % или повышен уровень преступности. Если жилой район в течение 4 лет идентифицируется как гетто, он автоматически переходит в категорию «жесткое гетто». Данный подход вновь подчеркнул этническую принадлежность в качестве ключевого критерия определения гетто и акцентировал внимание на неудачах интеграционной политики, проводимой датскими властями в течение последних десятилетий.

Среди правительственных мер по ликвидации гетто 2018 г. наиболее значимыми стали лишение жителей гетто права на участие в программе воссоединения семей; снижение социальных пособий в случае переезда в «жесткое гетто»; более высокие штрафы за правонарушения; усиленное присутствие полиции; обязательство муниципалитетов сократить государственный жилой сектор до 40 %⁵. Практически все меры были законодательно утверждены. Однако кульминацией новой иммиграционной политики стало смещение акцента с «интеграции» на «репатриацию» беженцев и иммигрантов, совершающих правонарушения [4, с. 173].

Жесткая антииммигрантская политика датских властей вызвала негативную реакцию среди европейской общественности⁶. При этом миграционная политика ЕС также вызывает все больше критики. *Мортен Лисборг — датский независимый эксперт по вопросам миграции, по мнению которого нынешняя миграционная парадигма «доказала свою несостоятельность и нефункциональность и в перспекти-*

¹ Udsatte boligområder — de næste skridt : regeringens udspil til en styrket indsats, 2013, *Regeringen*, S. 5. URL: <https://bibliotek.dk/da/moreinfo/netarchive/870970-basis%253A50757811> (дата обращения: 10.04.2023).

² Министерство по делам беженцев, иммигрантов и интеграции (Ministeriet for flygtninge, indvandrere og integration) было создано в 2001 г. и упразднено в 2011 г. с формированием левоцентристского социал-демократического правительства.

³ Et Danmark uden parallelsamfund — Ingen ghettoer i 2030, 2018, *Regeringen*, URL: https://oim.dk/media/19035/et_danmark_uden_parallelsamfund_pdfa.pdf (дата обращения: 11.04.2023).

⁴ Ibid. S. 11.

⁵ Ibid. S. 13.

⁶ Например: An Island for 'Unwanted' Migrants Is Denmark's Latest Aggressive Anti-Immigrant Policy, 2018, *TIME*, URL: <https://time.com/5504331/denmark-migrants-lindholm-island/> (дата обращения: 11.04.2023).

ве станет реальной угрозой внутренней безопасности и стабильности в Европе»¹, обозначает ее основные векторы: 1) страны чаще заняты не урегулированием мер препятствования пересечению границ мигрантами, а спасением беженцев и 2) распределение квот на размещение мигрантов по странам ЕС. Большое количество важных вопросов остается без ответа. Одна из наиболее острых проблем связана с депортацией мигрантов, которым отказано в пребывании в странах ЕС: депортируют только около 50 % тех, в отношении которых принято решение, — таким образом, значительное количество мигрантов остается в странах ЕС нелегально или в ожидании высылки. Кроме того, траты на депортацию не оправдывают себя. Так, согласно докладу М. Лисборга, депортация мигранта обходится примерно в 4 тыс. евро. Однако эксперты признают, что выслать всех, кому отказано в пребывании, задача нерешаемая. Потому некоторые считают, что эти средства с большей пользой можно потратить на улучшение условий жизни в тех регионах, в которые массово прибывают мигранты. Вряд ли такая мера существенно улучшит ситуацию, и дискуссии скорее отражают сложность ситуации и даже некоторый тупик. Траты стран — членов ЕС на решение миграционных проблем очень высоки и становятся существенным бременем. Так, Швеция тратит на просителей убежища и беженцев в среднем 6 тыс. евро в год, что сопоставимо с общим бюджетом Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев².

Тем не менее антииммигрантская политика Дании привела к позитивной динамике снижения числа сегрегированных районов, что отразилось в «списках гетто», ежегодно публикуемых с 2010 г. Так, если в 2018 г. в Дании насчитывалось 29 гетто, то в 2019 г. их число составило 28³, а в 2020 г. сократилось до 15⁴. Столь существенные показатели правительство объясняло такими положительными факторами, как снижение доли иммигрантов среди населения, повышение уровня их доходов и образования.

Преемственность в проведении жесткой политики ДНП в отношении иммигрантов [28, с. 44] после парламентских выборов 2019 г., когда ДНП получила поражение от коалиции социал-демократической и либерально-консервативной партий, позволила сохранить положительную динамику в борьбе с этноконфессиональными анклавами. Согласно декабрьским спискам «параллельных обществ» (до 2021 г. — «список гетто»), число таких районов сократилось до 12 в 2021 г. и до 10 в 2022 г.⁵ Кроме того, в 2021 г. была опубликована новая правительственная инициатива «Смешанные жилые районы — следующий шаг в борьбе с параллельными обществами», в которой изложен проект формирования «смешанных городов» (*blandede byer*)⁶, предполагающий совместное проживание людей, несмотря на их экономические, социальные и этнические различия.

¹ Миграционная политика ЕС — это катастрофа, 2023, *ИноСМИ*, URL: <https://inosmi.ru/20170403/239022762.html> (дата обращения: 16.12.2023).

² *Ibid.*

³ Liste over ghettområder pr. 1. december 2019, 2019, *Regeringen*, URL: <https://www.regeringen.dk/media/7698/ghettolisten-2019-007.pdf> (дата обращения: 10.04.2023).

⁴ Liste over ghettområder pr. 1. december 2020, 2020, *Regeringen*, URL: https://im.dk/Media/637589266252595089/haarde-ghettomraader-2020ny_final-a.pdf (дата обращения: 10.04.2023).

⁵ Liste over parallelsamfund pr. 1. december 2022. URL: <https://im.dk/Media/638054017996341610/Parallelsamfundslisten%202022.pdf> (дата обращения: 11.04.2023).

⁶ Blandede boligområder — næste skridt i kampen mod parallelsamfund, S. 8, 2021, *Regeringen*, URL: https://im.dk/Media/8/4/Pjese_Blandede%20boligomr%C3%A5der.pdf (дата обращения: 11.04.2023).

В декабре 2022 г. была опубликована «Политическая основа правительства Дании», в которой обозначен курс датских властей на «строгую, ответственную и последовательную иммиграционную политику, где будет контролироваться количество беженцев и иммигрантов, прибывающих в Данию. Крайне важно, чтобы Дания контролировала приток мигрантов в нашу страну, чтобы у нас по-прежнему была возможность обеспечить надлежащую интеграцию и не ослабить сплоченность в Дании»¹. В документе отражена преемственность инициативы по ликвидации этноконфессиональных «параллельных обществ» к 2030 г., которые по-прежнему позиционируются как угроза датскому обществу. Особое внимание при этом уделено тому, что «Дания — христианская страна, и Датская евангелическо-лютеранская церковь имеет особый статус национальной церкви. Правительство сохранит этот особый статус»². Таким образом, несмотря на свободу вероисповедания в демократическом обществе, датское правительство подчеркивает значимость национальной религии для формирования гражданской самоидентификации датчан. Такой подход к консолидации датского общества является существенным препятствием на пути интеграции иммигрантов-мусульман, для которых религия имеет центрирующую роль в идентичности.

Этнический и социально-экономический аспекты сегрегации «уязвимых районов» Швеции

Антииммиграционная политика Дании привлекла к себе пристальное внимание мировой общественности, вызвав не только критику предпринимаемых действий в отношении иммигрантов и беженцев, но и продемонстрировав ценный опыт решения проблемы сегрегации этноконфессиональных анклавов. Не разделяя жестких мер Дании по урегулированию проблем, связанных с «параллельными обществами», шведское правительство также стремилось найти пути преодоления сегрегации в обществе.

Этническая сегрегация иммигрантских районов как социально-экономическая и демографическая проблема была впервые официально заявлена в Швеции в середине 1990-х гг. В период 1995—1999 гг. действовала правительственная программа «Blommanpengarna», нацеленная на сокращение сегрегации этнических анклавов в 8 муниципалитетах Стокгольма путем вовлечения безработных иммигрантов на рынок труда³. Кроме того, данная программа заключала в себе меры по противодействию этнической дискриминации и социальной интеграции женщин из иммигрантских семей «мусульманского происхождения». К тому времени глобализация ислама уже привела к возникновению «неэтнического» феномена, согласно которому иммигранты из стран с преобладающей мусульманской культурой воспринимались западным обществом как «мусульмане» не в плане их религиозной принадлежности, а скорее в качестве обобщенной «этнической группы» [13, с. 117].

Дальнейшие государственные инициативы были отражены в программе «Storstadssatsningen» 1999—2004 гг., согласно которой 7 муниципалитетов с 24 районами подписали договоры сотрудничества в рамках местного развития с прави-

¹ Ansvar for Danmark. Det politiske grundlag for Danmarks regering, S. 44, 2022, *Regeringen*, URL: <https://www.stm.dk/statsministeriet/publikationer/regeringsgrundlag-2022/> (дата обращения: 11.04.2023).

² Ibid. S. 51.

³ Vad hände med “Blommanpengarna”? S. 9, 2000, *Integrationsverkets*, URL: <https://mkcentrum.se/wp-content/uploads/2019/05/blommanslut.pdf> (дата обращения: 11.04.2023).

тельственными структурами¹. В общественно-политическом дискурсе такие районы преимущественно обозначались как «населенные иммигрантами», «уязвимые» или «районы аутсайдеров» [18, s. 15—38]. Новая программа послужила основой для дальнейших правительственных мер, принимаемых с 2008 по 2014 г. и нацеленных на совершенствование институциональных структур сегрегированных районов в сферах трудоустройства, образования и безопасности. Основные правительственные инициативы по противодействию сегрегации были направлены на координацию совместных действий с муниципалитетами по снижению социально-экономической уязвимости сегрегированных районов. Число таких районов к 2010 г. возросло до 38², а их определение стало соответствовать четко обозначенным критериям:

- уровень занятости среди населения ниже 52 %;
- долгосрочное социальное обеспечение выше 4,8 %;
- наличие среднего образования менее чем у 70 % жителей.

Перечень критериев определения сегрегированного района, заявленный шведскими властями, в некоторой степени соотносится с датскими индикаторами гетто, опубликованными в 2010—2013 гг. Однако в шведском варианте отсутствует критерий «правонарушения». Кроме того, прослеживается тенденция, в соответствии с которой в шведских программных документах о противодействии сегрегации исчезает этноконфессиональный фактор, тогда как в Дании этническая принадлежность становится ключевым показателем «уязвимого района». Таким образом, вследствие смены шведской официальной риторики в отношении иммигрантских анклавов сегрегация стала обозначаться не как этническая, а как социально-экономическая. Тем не менее отсутствие обозначенных критериев в правительственных документах компенсируется данными, предоставленными ведомствами полиции.

Статистика и рекомендации Национального оперативного управления полиции Швеции по снижению социальных рисков и совершаемых правонарушений в сегрегированных районах отображены в отчетах для шведского правительства, официально публикуемых с 2015 г. Согласно официальному определению, «уязвимым районом» (*utsatt område*) является «географически обособленная территория, характеризующаяся низким социально-экономическим статусом, местное население которой находится под влиянием преступных группировок»³. Основными критериями для выявления территорий с низкой степенью социальной и экономической защищенности являются наличие:

- параллельных социальных структур;
- экстремизма (систематических нарушений свободы вероисповедания или сильного фундаменталистского влияния, ограничивающего свободы и права людей);
- жителей, периодически покидающих территорию Швеции для участия в боевых действиях в зонах конфликтов [30];
- развитой криминальной структуры.

Аналогично с датским подходом к разделению иммигрантских гетто на три категории, сформированном вследствие ужесточения иммиграционной политики после 2015 г., в отчетах шведской полиции отражена градация степени «уязвимо-

¹ Regeringens långsiktiga strategi för att minska och motverka segregation, S. 12, 2018, *Regeringen*, URL: <https://docplayer.se/106979329-Regeringens-langsikliga-strategi-for-att-minska-och-motverka-segregation.html> (дата обращения: 11.04.2023).

² Ibid. S. 12.

³ Lägesbild över utsatta områden. Regeringsuppdrag 2021, S. 7, 2021, *Polismyndigheten*, URL: https://polisen.se/siteassets/dokument/ovriga_rapporter/lagesbild-over-utsatta-omraden-2021.pdf/download (дата обращения: 07.04.2023).

сти» неблагополучных районов. Частичное соответствие представленным критериям переводит сегрегированные районы в категорию «зоны риска» (*riskområde*), а полное соответствие в «особо уязвимый район» (*särskilt utsatt område*). Чувство незащищенности у жителей «параллельных обществ» как правило выражается в их нежелании принимать участие в судебной системе Швеции во избежание актов насилия в отношении свидетелей и осведомителей. При этом у полиции зачастую отсутствует физический доступ в данные районы и возможность реализовывать собственные задачи.

Влияние датской модели противодействия геттоизации на трансформацию интеграционной политики Швеции

Вследствие миграционного кризиса 2015 г. Швеция постепенно стала переориентироваться на датскую модель противодействия процессам сегрегации иммигрантских районов. В шведском обществе широкое распространение получила дискуссия об определении «шведской идентичности», одним из показателей которой является конфессиональная принадлежность. Как и в Дании, среди шведов наблюдается значительное число атеистов — около 78 % населения страны¹, тем не менее 53 % шведов причисляют себя к шведской лютеранской церкви, предпочитая выражать приверженность религии как культурной традиции². В то же время свыше 1/5 иммигрантов имеют «мусульманское происхождение» и «считаются в Швеции наименее адапtableбными к интеграции в западное общество» [6, с. 44]. С ростом численности мусульманских диаспор в шведском обществе возросли тенденции национализма, проявления этнической дискриминации и ксенофобии [5, р. 119]. Ситуация во многом усложняется «неоднородностью» и децентрализацией шведских мусульман, вызванными языковыми, культурными, богословскими и политическими разногласиями внутри многонациональных иммигрантских общин.

В рамках сотрудничества шведских мусульманских организаций был подготовлен отчет для Комитета по ликвидации расовой дискриминации при ООН, в котором была констатирована неспособность шведского правительства решить проблему сложившейся в шведском обществе исламофобии и защиты прав шведских мусульман [12, р. 8]. В частности, праворадикальная националистическая партия «Шведские демократы», входящая в Риксдаг по итогам парламентских выборов 2010 г. и следующая линии ужесточения иммиграционной политики, в отчете была открыто названа «исламофобской» [12, р. 2]. Политическая обстановка в стране во многом способствовала формированию стереотипа об угрозе шведским демократическим ценностям со стороны иммигрантов «мусульманского происхождения», численность которых в Швеции, по разным подсчетам, может достигать 14 % от религиозного населения страны [19, с. 101].

Изменения в интеграционной политике в связи с увеличением численности иммигрантов отразились в «Долгосрочной стратегии правительства по сокращению и противодействию сегрегации» 2018 г. В основу обновленной стратегии легла «Долгосрочная программа реформ по снижению сегрегации на 2017—2025 гг.»³, предложенная правительством, возглавленным премьер-министром Стефаном Лёвеном и

¹ Most Atheist Countries, 2022, *The Muslim Times*, URL: <https://themuslimtimes.info/2022/09/01/most-atheist-countries-2022/> (дата обращения: 10.04.2023).

² Religion in Sweden, 2021, *Svenska institutet*, URL: <https://sweden.se/life/society/religion-in-sweden> (дата обращения: 10.04.2023).

³ Långsiktigt reformprogram för minskad segregation år 2017—2025, 2016, *Regeringen*, URL: <https://www.regeringen.se/contentassets/94760eec95e04a45b0a1e462368b0095/langsiktigt-reformprogram-for-minskad-segregation-ar-2017-2025.pdf> (дата обращения: 10.04.2023).

представленным коалицией социал-демократов и партией зеленых. Данные реформы были нацелены на социально-экономическое улучшение положения уязвимых районов и структурную ликвидацию механизмов сегрегации.

В новой стратегии для обозначения «уязвимых районов» используется термин «район с социально-экономическими проблемами» (områden med socioekonomiska utmaningar)¹. Согласно актуальным данным шведской полиции, число таких районов в Швеции постепенно возрастает: с 53 в 2015 г. до 61 в 2021 г. с населением около 550 000 чел.². Смена акцента в правительственной риторике с этнической сегрегации на социально-экономическую во многом обусловлена усилением последней и фактическим отсутствием изменений в этническом составе уязвимых районов. В то же время в представленном документе отмечается укрепление связи между социально-экономической и этнической сегрегацией, поскольку концентрация лиц с низким доходом в «уязвимых районах» совпадает с концентрацией лиц, имеющих неевропейское происхождение³. По аналогии с ситуацией в Дании несбалансированный состав жителей неблагополучных районов и сопутствующее этому усиление экономического неравенства выступают основной причиной усиления процессов сегрегации в Швеции.

В стратегии обозначены пять основных критериев, усугубляющих сегрегацию. В первую очередь это проблема нехватки жилья и провал политики «Eget boende» (ЕВО) — самостоятельного расселения иммигрантов и беженцев, что с наибольшей очевидностью проявило себя вследствие миграционного кризиса 2015 г. В начале 2019 г. при формировании С. Лёвенем второй правительственной коалиции социал-демократов и партии зеленых, к которым присоединились либералы и Партия центра, был внесен проект реформирования рынка жилья и согласовано «предоставление возможности муниципалитетам ограничивать ЕВО в районах с социально-экономическими проблемами»⁴. Согласно второму критерию реформы в сфере образования привели к «школьной сегрегации», вызванной усилением концентрации в бесплатных образовательных учреждениях детей и молодежи из неблагополучных семей «иностранного происхождения», тогда как опыт Дании показывает, что число учащихся из неблагополучных районов не должно превышать 30 %⁵. В то же время уровень образования непосредственно влияет на третий критерий — трудоустройство, так как социально-экономическая сегрегация имеет очевидную связь с положением людей на рынке труда. Помимо безработицы отсутствие образования у большого числа иммигрантов указывает на четвертый критерий, связанный с низким уровнем демократического участия в гражданском обществе. Подобное демократическое отчуждение жителей уязвимых районов⁶ подрывает их доверие к социальным и политическим институтам и является одним из факторов образования и успешного функционирования параллельных социальных и правовых структур в «уязвимых районах». Таким образом, пятый критерий — преступность — складывается из совокупности предыдущих неблагоприятных факторов. Развитые

¹ Regeringens långsiktiga strategi för att minska och motverka segregation, S. 11, 2018, *Regeringen*.

² Lägesbild över utsatta områden. Regeringsuppdrag, 2021, S. 14–18.

³ Regeringens långsiktiga strategi för att minska och motverka segregation, S. 15.

⁴ Sakpolitisk överenskommelse mellan Socialdemokraterna, Centerpartiet, Liberalerna och Miljöpartiet de gröna, par. 43, 2019, *Socialdemokraterna*, URL: <https://www.socialdemokraterna.se/download/18.1f5c787116e356cdd25a4c/1573213453963/Januariavtalet.pdf> (дата обращения: 10.04.2023).

⁵ Ét Danmark uden parallelsamfund — Ingen ghettoer i 2030. København: Økonomi-og Indenrigsministeriet. S. 8.

⁶ Regeringens långsiktiga strategi för att minska och motverka segregation. S. 36.

криминальные структуры и сети их сотрудничества способствуют усилению исламистской радикализации [31, s. 40], которой прежде всего подвержены иммигранты в первом и втором поколениях.

В настоящее время в Швеции прослеживается тенденция заимствования опыта Дании в противодействии сегрегации этноконфессиональных районов. В частности, в 2021 г. Партия либералов, возглавляемая на тот момент бывшим министром интеграции Ньямко Сабуни, обозначила необходимость реформирования шведского иммиграционного и интеграционного законодательства и по аналогии с датской правительственной стратегией 2018 г. предложила план «Förortslyftet»¹, нацеленный на ликвидацию «параллельных обществ» к 2030 г. Одним из ключевых аспектов решения проблемы заявлена необходимость преодоления этнической, гендерной и религиозной дискриминации², широко распространенной в различных социальных сферах шведского общества и значительным образом препятствующей эффективной интеграции иммигрантов западного происхождения.

Заключение

Исторически обусловленное сходство социального и экономического развития Дании и Швеции привело оба государства к проблеме существования на их территории «параллельных обществ», сегрегированных по этноконфессиональному признаку. Однако подходы датского и шведского правительств к решению данной проблемы во многом являются противоположными. Дания придерживается антииммиграционного политического курса, нацеленного на культурную ассимиляцию иммигрантов по «датским стандартам» единого языка, религии и культуры, сокращение притока новых мигрантов в страну и репатриацию лиц, показавших свою неспособность адаптироваться к датскому демократическому обществу. Швеция отдает предпочтение политике культурного «разнообразия», направленной на сохранение этнических идентичностей и культурных традиций граждан иностранного происхождения, составляющих уже более четверти населения страны. Однако для обеих стран характерно, что постепенно этнический и конфессиональный аспекты стали позиционироваться как аналогичные понятия в культурном контексте и слились в единый этноконфессиональный фактор, формирующий в общественном сознании образ иммигранта западного происхождения, противопоставленного окружающему обществу.

Ужесточение иммиграционной политики Дании, планомерно проводимое с 2004 г. в несколько этапов, доказало свою эффективность в сокращении численности неблагополучных районов, несмотря на неоднозначность и широкую критику применяемых мер в европейском сообществе. В то же время прослеживаются негативные последствия чрезмерных ограничений в отношении иммигрантов, проявившиеся в обострении антимусульманского дискурса и маргинализации жителей гетто, представленных преимущественно иммигрантами «мусульманского происхождения». С другой стороны, либеральной Швеции также не удалось избежать культурной сегрегации и появления в обществе стереотипного восприятия «уязвимых районов» в качестве мусульманских анклавов, противопоставленных западным ценностям и подрывающих основы безопасного и свободного демократического общества.

¹ En plan för att Sverige inte ska ha några utsatta områden år 2030, 2021, *Förortslyftet*, URL: <https://www.liberalerna.se/wp-content/uploads/forortslyftet-hela.pdf> (дата обращения: 10.04.2023).

² Ibid. S. 41.

В Швеции проблема сегрегации районов с социально-экономическими проблемами занимает одно из первых мест в политической повестке дня. Но если в Дании гетто определяются в первую очередь этническим составом жителей, то в Швеции данный критерий исключен из спектра причин социально-экономического неблагополучия уязвимых районов. Тем не менее этнический и конфессиональный факторы открыто или имплицитно присутствуют в интеграционных моделях обеих стран. В частности, это подтверждается важностью религиозного аспекта в формировании концепций гражданской идентичности в Дании и Швеции.

В итоге Швеция, ориентируясь на датскую иммиграционную и интеграционную политику в построении собственных программ противодействия сегрегации, имеет возможность проанализировать позитивный и негативный опыт Дании в данной сфере и применить к собственной модели наиболее уместные в шведском контексте схемы противодействия сегрегации и сопутствующим ей проблемам.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00374 «Религия как фактор адаптации и интеграции (им)мигрантов: на примере стран Балтийского региона».

Список литературы

1. Hagelund, A. 2020, After the refugee crisis: public discourse and policy change in Denmark, Norway and Sweden, *Comparative Migration Studies*, vol. 8, № 13, <https://doi.org/10.1186/s40878-019-0169-8>
2. Borevi, K. 2017, Diversity and Solidarity in Denmark and Sweden, In: Banting, K., Kymlicka, W. (eds.), *The Strains of Commitment: The Political Sources of Solidarity in Diverse Societies*, Oxford University Press, p. 364—388, <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198795452.003.0013>
3. Капицын, В. М., Магомедов, А. К., Шапаров, А. Е. 2022, Иммиграционная политика и интеграция мигрантов в Королевстве Дания в начале XXI века, *Балтийский регион*, т. 14, № 2, с. 98—114, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-2-7>
4. Shapiro, D., Jørgensen, R. E. 2021, 'Are we going to stay refugees?' Hyperprecarious Processes in and Beyond the Danish Integration Programme, *Nordic Journal of Migration Research*, vol. 11, № 2, p. 172—187, <https://doi.org/10.33134/njmr.151>
5. Isaksen, J. V. 2020, The Framing of Immigration and Integration in Sweden and Norway: A Comparative Study of Official Government Reports, *Nordic Journal of Migration Research*, vol. 10, № 1, p. 106—124, <https://doi.org/10.2478/njmr-2019-0033>
6. Гришин, И. В. 2019, Интеграция иммигрантов в Швеции (социально-политический аспект), *Южно-Российский журнал социальных наук*, т. 20, № 1, с. 40—56, <https://doi.org/10.31429/26190567-20-1-40-56>
7. Anderson, J., Antalíková, R. 2014, Framing (implicitly) matters: The role of religion in attitudes toward immigrants and Muslims in Denmark, *Scandinavian Journal of Psychology*, vol. 55, № 6, p. 593—600, <https://doi.org/10.1111/sjop.12161>
8. Гаджимурадова, Г. И. 2019, Миграционная политика стран Северной Европы в отношении иммигрантов из мусульманских стран (на примере Швеции и Финляндии), *Исламоведение*, т. 10, № 2, с. 5—21, <https://doi.org/10.21779/2077-8155-2019-10-2-5-21>
9. Schmidt, G. 2022, What Is in a Word? An Exploration of Concept of 'the Ghetto' in Danish Media and Politics 1850—2018, *Nordic Journal of Migration Research*, vol. 12, № 3, p. 310—325, <https://doi.org/10.33134/njmr.365>
10. Талалаева, Е. Ю., Пронина, Т. С. 2020, Этноконфессиональные иммигрантские гетто как проблема национальной безопасности в современном общественно-политическом дискурсе Дании, *Балтийский регион*, т. 12, № 3, с. 55—71, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-3-4>

11. Freiesleben, A. M. 2016, *Et Danmark af parallelsamfund: Segregering, ghettoisering og social sammenhængskraft: Parallelsamfundet i dansk diskurs 1968—2013 — fra utopi til dystopi*. København: Københavns Universitet, Det Humanistiske Fakultet, URL: https://static-curis.ku.dk/portal/files/160573902/Ph.d._2016_Freiesleben.pdf (дата обращения: 20.06.2023).
12. Hübinette, T., Abdullahi, M. (eds.). 2018, *Swedish Muslims in Cooperation Network Alternative Report*, Stockholm.
13. Талалаева, Е. Ю., Пронина, Т. С. 2021, Социально-политический аспект шведского исламизма как фактор формирования этноконфессионального «параллельного общества», *Балтийский регион*, т. 13, № 4, с. 111—128, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2021-4-7>
14. Bursell, M. 2021, Perceptions of discrimination against Muslims. A study of formal complaints against public institutions in Sweden, *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 47, № 5, p. 1162—1179, <https://doi.org/10.1080/1369183x.2018.1561250>
15. Kærgård, N. 2010, Social cohesion and the transformation from ethnic to multicultural society: The Case of Denmark, *Ethnicities*, vol. 10, № 4, p. 470—487, <https://doi.org/10.1177/1468796810378323>
16. Jensen, T. G. 2018, To Be ‘Danish’, Becoming ‘Muslim’: Contestations of National Identity?, *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 34, № 3, p. 389—409, <https://doi.org/10.1080/13691830701880210>
17. Willander, E. 2019, *The Religious Landscape of Sweden — Affinity, Affiliation and Diversity in the 21st Century*, Stockholm.
18. Hedman, L., Andersson, R. 2015, Etnisk segregation och inkomstsegregation i Sveriges tio största arbetsmarknadsregioner 1990—2010, In: Andersson, R., Bengtsson, B., Myrberg, G. (eds.), *Mångfaldens dilemma: Boendesegregation och områdespolitik*, Malmö: Gleerups Utbildning AB, p. 15—38.
19. Агафозин, М. М., Горохов, С. А. 2020, Влияние внешней миграции на формирование конфессиональной структуры населения Швеции, *Балтийский регион*, т. 12, № 2, с. 84—99, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-2-6>
20. Borell, K., Gerdner, A. 2013, Cooperation or Isolation? Muslim Congregations in a Scandinavian Welfare State: A Nationally Representative Survey from Sweden, *Review of Religious Research: The Official Journal of the Religious Research Association*, vol. 55, № 4, p. 557—571, <https://doi.org/10.1007/s13644-013-0108-3>
21. Hernes, V. 2018, Cross-national convergence in times of crisis? Integration policies before, during and after the refugee crisis, *West European Politics*, vol. 41, № 6, p. 1305—1329, <https://doi.org/10.1080/01402382.2018.1429748>
22. Bech, E. C., Borevi, K., Mouritsen, P. 2017, ‘A “Civic Turn” in Scandinavian Family Migration Policies? Comparing Denmark, Norway and Sweden, *Comparative Migration Studies*, vol. 5, № 7, <https://doi.org/10.1186/s40878-016-0046-7>
23. Naper, A. A. 2022, Compassionate Border Securitisation? Border Control in the Scandinavian News Media during the ‘Refugee Crisis’, *Nordic Journal of Migration Research*, vol. 12, № 1, p. 4—20, <https://doi.org/10.33134/njmr.494>
24. Dora, Z. K., Erdoğan, Z. 2021, The Defeat of Multiculturalism over Nationalism and Religion: Transformation of Immigration Policies in Denmark and Sweden, *Hitit İlahiyat Dergisi*, vol. 20, № 2, p. 517—546, <https://doi.org/10.14395/hid.980405>
25. Myrberg, G. 2017, Local challenges and national concerns: municipal level responses to national refugee settlement policies in Denmark and Sweden, *International Review of Administrative Sciences*, vol. 83, № 2, p. 322—339, <https://doi.org/10.1177/0020852315586509>
26. Staver, A. B., Brekke, J.-P., Søholt, S. 2019, *Scandinavia’s segregated cities — policies, strategies and ideals*, Oslo Metropolitan University.
27. Jensen, T. G., Söderberg, R. 2021, Governing urban diversity through myths of national sameness — a comparative analysis of Denmark and Sweden, *Journal of Organizational Ethnography*, vol. 11, № 1, p. 5—19, <https://doi.org/10.1108/JOE-06-2021-0034>
28. Плевако, Н. С. 2019, Парламентские выборы в Дании, *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*, т. 9, № 3, с. 42—48, <https://doi.org/10.15211/vestnikieran320194247>
29. Rasmussens, A. F. 2004, Statsminister Anders Fogh Rasmussens Nytårstale 1. januar 2004, *Statsministeriet*, URL: <https://www.regeringen.dk/aktuelt/statsministerens-nytaarstale/anders-fogh-rasmussens-nytaarstale-1-januar-2004/> (дата обращения: 20.06.2023).

30. Gustafsson, L., Ranstorp, M. 2017, *Swedish Foreign Fighters in Syria and Iraq: An Analysis of Open-Source Intelligence and Statistical Data*, Stockholm, Bromma.

31. Fredriksson, T., Torstensson, M. 2019, *Islamistisk radikalisering. En studie av sär-skilt ut-satta områden*, Stockholm.

Об авторах

Екатерина Юрьевна Талалаева, кандидат философских наук, младший научный сотрудник, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, Россия; доцент кафедры истории и философии, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, Россия.

E-mail: aikatarin@mail.ru

<https://orcid.org/0000-https://orcid.org/0000-0002-6007-5202>

Татьяна Сергеевна Пронина, доктор философских наук, доцент, главный научный сотрудник Центра религиозных и этнополитических исследований, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, Россия.

E-mail: tania_pronina@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8902-9154>



ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

MODELS FOR COUNTERING THE SEGREGATION OF ETHNORELIGIOUS IMMIGRANT AREAS IN DENMARK AND SWEDEN

E. Yu. Talalaeva^{1, 2}

T. S. Pronina¹

¹ Pushkin Leningrad State University,
10 Peterburgskoye Shosse, Pushkin, St. Petersburg, 196605, Russia

² Derzhavin Tambov State University,
33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392036, Russia

Received 19 April 2023

Accepted 25 December 2023

doi: 10.5922/2079-8555-2024-1-5

© Talalaeva, E. Yu., Pronina, T. S., 2024

The article explores the immigration and integration strategies of Denmark and Sweden while assessing their efficacy. The two countries, sharing historical, cultural, social and economic similarities, face a common challenge: the formation of ethnoreligious enclaves primarily inhabited by individuals with a Muslim background. Due to the recent European migrant crises, there has been a notable increase in the number of migrants, leading to stricter integration policies in the Scandinavian countries. Yet, governmental approaches to address the segregation of immigrant areas vary between Denmark and Sweden. Denmark has adopted a stringent immigration policy promoting cultural assimilation of immigrants from non-Western countries, whilst Sweden follows a liberal approach advocating cultural and ethnic diversity within society. The evolution of immigration and integration initiatives

To cite this article: Talalaeva, E. Yu., Pronina, T. S. 2024, Models for countering the segregation of ethnoreligious immigrant areas in Denmark and Sweden, *Baltic region*, vol. 16, № 1, p. 81–99. doi: 10.5922/2079-8555-2024-1-5

in Denmark and Sweden has been reconstructed through the analysis of official documents and critical examination of political discourses. It is noted that Swedish authorities are increasingly incorporating Denmark's more radical approaches to address migration issues within their political programmes. Despite the results of Denmark's anti-immigration policies and the reduction in the number of segregated immigrant areas, a myriad of issues persist due to EU immigration policies. The problem of forging a new civic identity rooted in the linguistic, religious and cultural homogeneity of Danish society amidst its multiculturalism remains relevant. Thus, Sweden is formulating its own anti-segregation programme, taking into account both the successes and shortcomings of Danish immigration and integration policies. Another important conclusion is that these nations have started to pay special attention to ethnic and religious criteria when identifying 'parallel societies'.

Keywords:

migrant crisis, segregation, immigrant areas, immigration and integration policy, immigrants with Muslim background, ethnoreligious parallel society, Denmark, Sweden

References

1. Hagelund, A. 2020, After the refugee crisis: public discourse and policy change in Denmark, Norway and Sweden, *Comparative Migration Studies*, vol. 8, № 13, <https://doi.org/10.1186/s40878-019-0169-8>
2. Borevi, K. 2017, Diversity and Solidarity in Denmark and Sweden, In: Banting, K., Kymlicka, W. (eds.), *The Strains of Commitment: The Political Sources of Solidarity in Diverse Societies*, Oxford University Press, p. 364—388, <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198795452.003.0013>
3. Kapitsyn, V. M., Magomedov, A. K., Shaparov, A. E. 2022, Immigration policy and integration of migrants in the Kingdom of Denmark at the beginning of the XXI century, *Baltic region*, vol. 14, № 2, p. 98—114, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-2-7>
4. Shapiro, D., Jørgensen, R. E. 2021, 'Are we going to stay refugees?' Hyperprecarious Processes in and Beyond the Danish Integration Programme, *Nordic Journal of Migration Research*, vol. 11, № 2, p. 172—187, <https://doi.org/10.33134/njmr.151>
5. Isaksen, J. V. 2020, The Framing of Immigration and Integration in Sweden and Norway: A Comparative Study of Official Government Reports, *Nordic Journal of Migration Research*, vol. 10, № 1, p. 106—124, <https://doi.org/10.2478/njmr-2019-0033>
6. Grishin, I. V. 2019, Integration of immigrants in Sweden (socio-political aspect), *South-Russian Journal of Social Sciences*, vol. 20, № 1, p. 40—56, <https://doi.org/10.31429/26190567-20-1-40-56> (in Russ.).
7. Anderson, J., Antalíková, R. 2014, Framing (implicitly) matters: The role of religion in attitudes toward immigrants and Muslims in Denmark, *Scandinavian Journal of Psychology*, vol. 55, № 6, p. 593—600, <https://doi.org/10.1111/sjop.12161>
8. Gadzhimuradova, G. I. 2019, Migration policy of the Nordic countries in respect of immigrants from Muslim countries (for example, Sweden and Finland), *Islamovedenie*, vol. 10, № 2, p. 5—21, <https://doi.org/10.21779/2077-8155-2019-10-2-5-21> (in Russ.).
9. Schmidt, G. 2022, What Is in a Word? An Exploration of Concept of 'the Ghetto' in Danish Media and Politics 1850—2018, *Nordic Journal of Migration Research*, vol. 12, № 3, p. 310—325, <https://doi.org/10.33134/njmr.365>
10. Talalaeva, E. Yu., Pronina, T. S. 2020, Ethno-confessional immigrant ghettos as a national security problem in Denmark's social and political discourse, *Baltic region*, vol. 12, № 3, p. 55—71, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-3-4>
11. Freiesleben, A. M. 2016, *Et Danmark af parallelsamfund: Segregering, ghettoisering og social sammenhængskraft: Parallelsamfundet i dansk diskurs 1968—2013 — fra utopi til dystopi*. København: Københavns Universitet, Det Humanistiske Fakultet, URL: https://static-curis.ku.dk/portal/files/160573902/Ph.d._2016_Freiesleben.pdf (accessed 20.06.2023).
12. Hübinette, T., Abdullahi, M. (eds.). 2018, *Swedish Muslims in Cooperation Network Alternative Report*, Stockholm.

13. Talalaeva, E. Yu., Pronina, T. S. 2021, Swedish Islamism as a social and political aspect in the formation of an ethno-confessional parallel society, *Baltic region*, vol. 13, № 4, p. 111—128, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2021-4-7>
14. Bursell, M. 2021, Perceptions of discrimination against Muslims. A study of formal complaints against public institutions in Sweden, *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 47, № 5, p. 1162—1179, <https://doi.org/10.1080/1369183x.2018.1561250>
15. Kærgård, N. 2010, Social cohesion and the transformation from ethnic to multi-cultural society: The Case of Denmark, *Ethnicities*, vol. 10, № 4, p. 470—487, <https://doi.org/10.1177/1468796810378323>
16. Jensen, T.G. 2018, To Be ‘Danish’, Becoming ‘Muslim’: Contestations of Nation-al Identity?, *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 34, № 3, p. 389—409, <https://doi.org/10.1080/13691830701880210>
17. Willander, E. 2019, *The Religious Landscape of Sweden — Affinity, Affiliation and Diversity in the 21st Century*, Stockholm.
18. Hedman, L., Andersson, R. 2015, Etnisk segregation och inkomstsegregation i Sveriges tio största arbetsmarknadsregioner 1990—2010, In: Andersson, R., Bengtsson, B., Myrberg, G. (eds.), *Mångfaldens dilemman: Boendesegregation och områdespolitik*, Malmö: Gleerups Utbildning AB, p. 15—38.
19. Agafoshin, M. M., Gorokhov, S. A. 2020, Impact of external migration on changes in the Swedish religious landscape, *Baltic region*, vol. 12, № 2, p. 84—99, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-2-6>
20. Borell, K., Gerdner, A. 2013, Cooperation or Isolation? Muslim Congregations in a Scandinavian Welfare State: A Nationally Representative Survey from Sweden, *Review of Religious Research: The Official Journal of the Religious Research Association*, vol. 55, № 4, p. 557—571, <https://doi.org/10.1007/s13644-013-0108-3>
21. Hernes, V. 2018, Cross-national convergence in times of crisis? Integration policies before, during and after the refugee crisis, *West European Politics*, vol. 41, № 6, p. 1305—1329, <https://doi.org/10.1080/01402382.2018.1429748>
22. Bech, E. C., Borevi, K., Mouritsen, P. 2017, ‘A “Civic Turn” in Scandinavian Family Migration Policies? Comparing Denmark, Norway and Sweden, *Comparative Migration Studies*, vol. 5, № 7, <https://doi.org/10.1186/s40878-016-0046-7>
23. Naper, A. A. 2022, Compassionate Border Securitisation? Border Control in the Scandinavian News Media during the ‘Refugee Crisis’, *Nordic Journal of Migration Research*, vol. 12, № 1, p. 4—20, <https://doi.org/10.33134/njmr.494>
24. Dora, Z. K., Erdoğan, Z. 2021, The Defeat of Multiculturalism over Nationalism and Religion: Transformation of Immigration Policies in Denmark and Sweden, *Hitit İlahiyat Dergisi*, vol. 20, № 2, p. 517—546, <https://doi.org/10.14395/hid.980405>
25. Myrberg, G. 2017, Local challenges and national concerns: municipal level responses to national refugee settlement policies in Denmark and Sweden, *International Review of Administrative Sciences*, vol. 83, № 2, p. 322—339, <https://doi.org/10.1177/0020852315586309>
26. Staver, A. B., Brekke, J.-P., Søholt, S. 2019, *Scandinavia’s segregated cities — policies, strategies and ideals*, Oslo Metropolitan University.
27. Jensen, T. G., Söderberg, R. 2021, Governing urban diversity through myths of national sameness — a comparative analysis of Denmark and Sweden, *Journal of Organizational Ethnography*, vol. 11, № 1, p. 5—19, <https://doi.org/10.1108/JOE-06-2021-0034>
28. Plevako, N. S. 2019, Parliamentary elections in Denmark, *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*, vol. 9, № 3, p. 42—48, <https://doi.org/10.15211/vestnikier-an320194247> (in Russ.).
29. Rasmussens, A. F. 2004, Statsminister Anders Fogh Rasmussens Nytårstale 1. januar 2004, *Statsministeriet*, URL: <https://www.regeringen.dk/aktuelt/statsministerens-nytaarstale/anders-fogh-rasmussens-nytaarstale-1-januar-2004/> (accessed 20.06.2023).
30. Gustafsson, L., Ranstorp, M. 2017, *Swedish Foreign Fighters in Syria and Iraq: An Analysis of Open-Source Intelligence and Statistical Data*, Stockholm, Bromma.
31. Fredriksson, T., Torstensson, M. 2019, *Islamistisk radikaliserings. En studie av sär-skilt ut-satta områden*, Stockholm.

The authors

Dr Ekaterina Yu. Talalaeva, Research Fellow, Centre for Religious and Ethnopolitical Studies, Pushkin Leningrad State University, Russia; Associate Professor, Department of History and Philosophy, Derzhavin Tambov State University, Russia.

E-mail: aikatarin@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6007-5202>

Prof Tatiana S. Pronina, Senior Researcher, Centre for Religious and Ethnopolitical Studies, Pushkin Leningrad State University, Russia.

E-mail: tania_pronina@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8902-9154>



SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

ЕВАНГЕЛИЧЕСКО-ЛЮТЕРАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ ДАНИИ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ АСПЕКТЫ

О. А. Балабейкина¹ 

В. Ю. Коробущенко² 

В. М. Разумовский^{1, 2} 

¹ Санкт-Петербургский государственный
экономический университет,

191023, Россия, Санкт-Петербург,
наб. канала Грибоедова, 30–32, литер А

² Санкт-Петербургский государственный университет,

199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Поступила в редакцию 16.10.2023 г.

Принята к публикации 29.01.2024 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2024-1-6

© Балабейкина О. А., Коробущенко В. Ю.,
Разумовский В. М., 2024

Исследование представляет собой пример реализации институционально-территориального подхода к выявлению и представлению социально-экономических и структурно-организационных особенностей функционирования мажоритарной религиозной организации Дании. Цель — представить ее характеристику с опорой на результаты анализа актуальных официально опубликованных данных и их статистической обработки с помощью расчетного инструментария. Объектом исследования выступает Евангелическо-лютеранская церковь Дании и образуемые ею административно-территориальные структуры. Один из смысловых акцентов сделан на редко обсуждаемом в научном обороте вопросе финансовой деятельности религиозной организации. Конфессиональное пространство Дании представляет собой поликомпонентную систему с ярко выраженной доминантой. Таковой выступает национальная лютеранская церковь, наделенная особым правовым статусом. Историческая и социальная значимость, а также сохранение ряда функций, дублирующих государственные, позволяют ей сохранять цивилизационно- и культуuroобразующую роль для населения страны, особенно коренного. Однако общие для стран Северной Европы секулярные тенденции касаются и Дании. Речь идет среди прочего о численных потерях адептов Евангелическо-лютеранской церкви в последние десятилетия. В наибольшей мере это касается столичного региона, где выше доля мигрантов в структуре населения и более динамичен ритм повседневной жизни. Выявлена территориальная дифференциация в степени проявления активности религиозно обусловленного поведения. Наибольшие показатели (на фоне их общей отрицательной динамики) характерны для периферийных регионов страны. В них наблюдается и самая высокая доля зарегистрированных членов Евангелическо-лютеранской церкви. Перспективы дальнейших исследований в представленном направлении связаны с нехристианскими религиями Дании.

Ключевые слова:

конфессии Дании, религии Дании, конфессиональное геопространство, религиозная организация, Евангелическо-лютеранская церковь

Для цитирования: Балабейкина О. А., Коробущенко В. Ю., Разумовский В. М. Евангелическо-лютеранская церковь дании: социально-экономический и территориально-организационный аспекты // Балтийский регион. 2024. Т. 16, № 1. С. 100–116. doi: 10.5922/2079-8555-2024-1-6

Введение

Актуальность обращения к конфессиональному пространству страны и ее отдельных регионов обусловлена значительным влиянием религиозных институций и организаций на культурно-цивилизационные, социально-экономические и общественно-политические процессы. В государствах Зарубежной Европы, коренному населению которых справедливо приписывается приверженность секулярным тенденциям, традиционные христианские конфессии продолжают численно доминировать. Функционирование образуемых ими организаций проявляется не только наличием объектов культово-культурной инфраструктуры в селитебных пространствах, но и высокой степенью активности в сфере реализации социальной ответственности [1; 2]. Сохраняются примеры стран и регионов, где одна или несколько церквей наделены государством полномочиями, частично дублирующими его функции.

При этом отмечается отрицательная динамика, отражающаяся в количественных показателях снижения числа адептов традиционных христианских конфессий Европы и степени активности проявления их религиозно обусловленного поведения [3]. На разных уровнях фиксируются и трансформационные сдвиги в конфессиональной структуре населения, обусловленные изменениями в этническом составе, в свою очередь, вызванными последствиями политики мультикультурализма.

Объективным научным суждениям о функционировании конфессионального пространства, равно как о протекании разнообразных процессов внутри такового служит его комплексная характеристика на уровне отдельных стран и регионов. Необходимо, чтобы она была выстроена на основе аналитической обработки репрезентативных исходных данных, представленных официальными организациями — религиозными и светскими.

В практическом отношении обобщение опыта европейских стран и его последующее заимствование представляет интерес в вопросе привлечения возможностей и ресурсов религиозных организаций к развитию территорий России, обладающих схожими социальными, демографическими и религиозными характеристиками.

Примером государства Северной Европы, где конфессиональное пространство выражено доминантой в виде национальной Евангелическо-лютеранской церкви (Народной церкви), но при этом отличается разнообразием структурных компонентов, выступает Королевство Дания. Мажоритарная религиозная организация сохраняет в нем государственный статус и наделена рядом полномочий и обязательств, существенно проявляющихся в социально-экономическом развитии страны и ее отдельных территорий.

Исследовательской целью служит выявление социально-экономических характеристик и особенностей территориально-организационной структуры доминанты конфессионального пространства Дании. Следует отметить, что в научном обороте существуют несколько незначительно различающихся авторских дефиниций, выражающих суть этого понятия. Одну из конструктивных попыток синтезировать основные подходы к определению конфессионального пространства в 2021 г. предпринял В. С. Дементьев [9]. Результаты указанного исследования решено было использовать в представленной работе. Соответственно, конфессиональное пространство в ее содержании рассматривается как «совокупность и взаимосвязь нескольких элементов: верующего населения, религиозно-культурной инфраструктуры и атрибутивно-обрядовой составляющей». Оно «сопряжено с разными компонентами географии населения, отражает состояние территории, куда входит материальная основа в виде территориальных элементов и пространственные связи разного уровня» [9, с. 118].

Материалы и методы

Исходные статистические сведения, необходимые для дальнейшей аналитической обработки, содержатся в отчетной документации Статистической службы Дании, национального Министерства по церковным делам, на официальных интернет-ресурсах Народной церкви и ее структурных подразделений.

Собранные сведения были обработаны с помощью картографического метода, методов анализа и синтеза (в том числе контент-анализа), а также вычислительного инструментария, принятого в регионоведческих исследованиях. Примером последнего выступает индекс концентрации.

Применение указанных методов было осуществлено в рамках институционально-территориального подхода к изучению конфессионального пространства регионов и стран. Суть его в том, что за основу хронологического исследования, объектно-предметная область которого связана с религиями, избираются составляющие церковно-административного деления разного ранга. Альтернатива территориального базиса — религиозный ландшафт. Но поскольку Народная церковь в Дании структурно оформлена и состоит из системы иерархически соподчиненных единиц, представляется уместным именно названный подход.

Степень изученности проблемы и обзор источников

Научно-исследовательский интерес к вопросам, обусловленным функционированием конфессионального пространства, и его характеристикам высок, что подтверждается содержанием научных публикаций отечественных и зарубежных авторов. В числе первых можно назвать С. А. Горохова, Р. В. Дмитриева, И. А. Захарова, М. М. Агафошина [4; 5], отметившихся в научном обороте в качестве авторского коллектива нескольких десятков солидных по содержанию тематических трудов, а также А. Г. Манакова [6; 7], Н. А. Мязина [8], В. С. Дементьева [9], А. А. Гравчикову [10] и др. Новейшие трансформационные тенденции, характеризующие конфессиональное пространство, нашли отражение в трудах Р. Н. Лункина и С. Б. Филатова [11] и др.

Зарубежные исследователи тоже активно обращаются к заявленной тематике, апеллируя к значимости религий и проявлениям деятельности образуемых их последователями организаций в достижении целей устойчивого развития [12], формировании социального капитала стран и регионов [13; 14], функционировании отдельных направлений экономической сферы [15; 16]. В этом аспекте лидером выступает туризм религиозной направленности [17; 18].

Активно ведется научный дискурс вокруг трансформации европейского конфессионального пространства, вызванной миграционными процессами [19—21].

Столь существенное внимание к заявленной тематике обусловлено цивилизационно образующей ролью религий и существенным проявлением социальной ответственности религиозных организаций, что неоднократно подчеркивалось исследователями [22—24].

Конфессиональное пространство Дании также попадало в фокус внимания исследователей — К. Ю. Эйдемиллера [25], Е. А. Степановой [26], Е. Ю. Талалаевой [27] и др. Но авторы либо сосредоточивали внимание на отдельных регионах страны [28], либо освещали конкретные вопросы, связанные с проявлениями религиозной жизни [29]. Следует отдельно отметить посвященные трансформациям конфессионального пространства Дании работы зарубежных авторов — Х. Р. Кристенсена [30], Х. М. Хаугена [31], Н. Ри [32], Т. Йенсена и А. В. Гирца [33].

Однако научных трудов, содержание которых отражало бы общую характеристику мажоритарной религиозной организации Дании на основе актуальных данных, в научном обороте обнаружить не удалось.

Результаты исследования

Доминантой конфессионального пространства Дании является ее мажоритарная религиозная организация, именуемая Народной церковью, или Церковью датского народа. Официально образованная в 1536 г., с 1849 г. по настоящее время она наделена конституционно закрепленным статусом государственной церкви, что налагает ряд обязательств и предоставляет некоторые привилегии.

Евангелическо-лютеранская церковь Дании (ЕЛЦД) находится в подчинении правящего монарха и датского парламента и не может оказывать влияние на государственную политику. Связующим звеном между мажоритарной религиозной организацией и правительством выступает Министерство церковных дел, выделенное в 1916 г. из состава структурных подразделений Министерства культуры и выполняющее контрольные функции.

Церковь Дании сплошным ареалом охватывает территорию страны, исключая Гренландию и Фарерские острова, где функционируют автономные евангелическо-лютеранские церкви. Внутреннее административно-территориальное деление мажоритарной религиозной организации Королевства носит иерархичный характер. На региональном уровне Народная церковь состоит из 10 диоцезов, управляемых епископами, при которых состоят епархиальные советы. «Первым среди равных» именуется глава столичной епископии, что не дает ему каких-либо привилегий.

Диоцезы подразделяются на пробства — церковно-административные единицы районного ранга, которых на начало 2023 г. насчитывалось 102. Низовой уровень территориального деления ЕЛЦД представлен 2159 приходами, находящимися под управлением приходского духовенства и приходских советов. С целью повышения эффективности реализации социальной деятельности приходы могут объединяться в пастораты.

Приходы ЕЛЦД сосредоточивают не только культово-богослужебную деятельность. Для членов религиозной организации здесь открывается возможность альтернативной формы регистрации актов гражданского состояния, а также общения к различным культурно-просветительским и социальным мероприятиям. Такие чаще всего доступны не только прихожанам, но и всем желающим, в том числе целевым группам, поэтому важно, насколько равномерно сеть пробств и приходов распределена по стране.

Объективное представление об этом дает значение индекса концентрации, рассчитанное по следующей формуле:

$$ИК = \frac{1}{2} \sum_{i=1}^n |O_i : O - S_i : S|,$$

где O_i — количественное выражение признака (число пробств и приходов ЕЛЦД) по i -й территориальной единице (диоцезу Церкви), O — суммарное число пробств и приходов по всем епархиям ЕЛЦД, S_i — площадь территории i -й территориальной единицы (епархии), S — общая площадь территории всех епархий ЕЛЦД.

Полученное значение ИК по первому и второму показателям приближено к наименьшему из допустимых, что подтверждает высокую степень равномерности распределения пробств и приходов ЕЛЦД по материковой Дании (табл. 1). Это означает, что все осуществляемые приходами функции, как делегированные государством, так и инициированные религиозной организацией, доступны населению страны.

Таблица 1

Индекс концентрации пробств и приходов Церкви Дании, 2023 г.

Диоцез	Площадь, км ²	Число пробств	ИК	Число приходов	ИК
Виборг	6474,8	11	0,043	271	0,025
Копенгаген	771,7	9	0,070	94	0,026
Лолланн-Фальстер	1787,3	4	0,002	94	0,002
Ольборг	6754,8	14	0,020	296	0,020
Орхус	5366,7	14	0,012	336	0,031
Рибе	6478,4	8	0,072	200	0,058
Роскилле	5439,1	12	0,009	313	0,018
Фюн	3481,2	10	0,017	234	0,027
Хадерслев	4601,6	7	0,038	173	0,027
Хельсингёр	1791,4	13	0,086	147	0,026
<i>Итого</i>	42947,0	102	0,185	2158	0,130

Источник: разработано на основе данных: Land use accounts, *Danmarks Statistik*, URL: <https://www.dst.dk/en/Statistik/emner/miljoe-og-energi/areal/arealopgoerelser> (дата обращения: 01.10.2023) ; Organisation, *Folkekirken.dk*, URL: <https://www.folkekirken.dk/om-folkekirken/organisation> (дата обращения: 01.10.2023).

Высокую степень востребованности мероприятий, проводимых усилиями духовенства и сотрудников приходских храмов, подтверждают данные о численности адептов ЕЛЦД и степени выраженности их религиозно обусловленного поведения. Так, невзирая на секулярные тенденции в обществе, добровольность членства в Народной церкви и налагаемые им налоговые обязательства, на начало 2023 г. в составе мажоритарной религиозной организации числятся почти 4,3 млн человек (72,1 % от численности населения страны).

Следует отметить факт территориальной дифференциации, отражающей диспропорции в доле адептов ЕЛЦД в структуре населения. Явными лидерами выступают периферийные диоцезы Виборга (83,1 %), Рибе (82,1 %) и Ольборга (81,9 %), а аутсайдером — епархия Копенгагена (55,5 %). Фактор столичного положения, подразумевающий приверженность секулярным ценностям, динамичный характер жизни, сосредоточенность в структуре населения мигрантов и представителей молодых возрастных групп, играет здесь ведущую роль.

Общая картина, отражающая в динамике изменения последних 15 лет по имеющимся данным, представлена в таблице 2.

Таблица 2

Доля членов Церкви Дании в структуре населения диоцезов, %

Диоцез	2007	2022	Изменение
Виборг	90,5	83,1	-8,18
Копенгаген	67,1	55,5	-17,29
Лолланн-Фальстер	86,1	79,7	-7,43
Ольборг	89,1	81,9	-8,08
Орхус	84,6	76,0	-10,17
Рибе	90,2	82,1	-8,98
Роскилле	84,8	76,8	-9,43
Фюн	85,8	78,1	-8,97
Хадерслев	87,3	78,3	-10,31
Хельсингёр	76,6	65,4	-14,62
<i>Среднее</i>	82,6	73,2	-11,38

Источник: разработано на основе данных: Folkekirkens medlemstal, *FUV*, URL: <https://www.fkuv.dk/folkekirken-i-tal/medlemstal> (дата обращения: 01.10.2023).

За рассмотренные 15 лет ЕЛЦД по естественным причинам и по причине добровольных выходов из состава религиозной организации потеряла более 11 % своих адептов, что в целом отражает общую для стран зарубежной Европы картину.

Интересные результаты дает обращение к этническому составу адептов ЕЛЦД. Значимость хотя бы формального членства в Народной церкви сохраняется у представителей коренного населения страны. Некоторой неожиданностью обернулась обнаруженная привлекательность религиозной организации для мигрантов из западных стран и их потомков, несмотря на отсутствие лютеранских традиций в большинстве стран исхода данных категорий населения (табл. 3). Относительная распространенность членства в Церкви среди мигрантов из западных стран и их потомков объясняется их этнической принадлежностью: 5,1 % мигрантов на начало 2022 г. составляют немцы, 2,4 % — норвежцы, 2,3 % — шведы, 1,2 % — исландцы, 0,6 % — финны¹.

Таблица 3

Происхождение членов Народной церкви, %

Категория населения	2008	2022
Коренное население	89,0	84,3
Мигранты из западных стран	32,3	13,6
Потомки мигрантов из западных стран	39,1	20,6
Мигранты из западных стран	3,3	3,1
Потомки мигрантов из западных стран	2,2	3,2

Источник: разработано авторами на основе данных: Population 1. January by deanary, ancestry and member of the National Church, *Danmarks Statistik*, URL: <https://www.statbank.dk/statbank5a/SelectTable/Omrade0.asp?SubjectCode=1&ShowNews=OFF&PLanguage=1> (дата обращения: 01.10.2023).

Все члены Народной церкви, обладающие налоговой дееспособностью, несут обязательства по ее содержанию путем целевых отчислений от общих доходов. Ставка церковного налога устанавливается муниципалитетом, выражается долей от 0,4 до 1,3 %, в среднем составляя 0,97 % при расчете среднего значения по диоцезам (табл. 4, рис. 1).

Таблица 4

Ставка церковного налога в диоцезах ЕЛЦД, 2022 г., %

Диоцез	Среднее	Максимум	Минимум
Виборг	1,07	1,27	0,93
Копенгаген	0,69	0,93	0,50
Лолланн-Фальстер	1,20	1,23	1,16
Ольборг	1,16	1,30	0,98
Орхус	0,96	1,22	0,81
Риббе	1,00	1,16	0,81
Роскилле	0,97	1,10	0,73
Фюн	0,99	1,14	0,68
Хадерслев	0,93	0,98	0,88
Хельсингёр	0,72	0,96	0,40
<i>Среднее</i>	0,97	1,30	0,40

Источник: разработано на основе данных: Kirkeskat, *By-, Land- og Kirkeministeriet*, URL: <https://www.km.dk/folkekirken/oekonomi/kirkeskat> (дата обращения: 01.10.2023).

¹ Population 1. January by sex, age, ancestry, country of origin and citizenship, *Danmarks Statistik*, URL: <https://www.statbank.dk/statbank5a/SelectTable/Omrade0.asp?SubjectCode=1&ShowNews=OFF&PLanguage=1> (дата обращения: 01.10.2023).

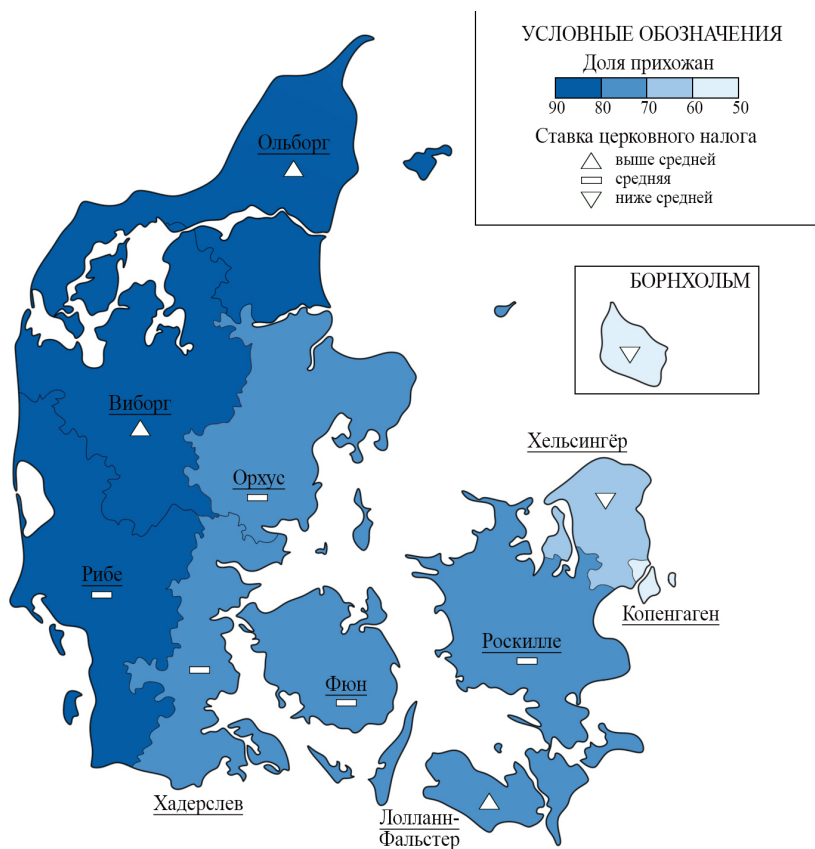


Рис. 1. Доля адептов ЕЛЦД в структуре населения диоцезов и размер ставки церковного налога 2022 г., %

Источник: разработано на основе данных: Kirkeskat, By-, Land- og Kirkeministeriet, URL: <https://www.km.dk/folkekirken/oekonomi/kirkeskat> (дата обращения: 01.10.2023).

Обращение к табличным данным позволяет прийти к выводу о том, что размер ставки церковного налога не оказывает видимого влияния на принятие решения о выходе из членства в ЕЛЦД. Наоборот, почти все максимальные значения ставки фиксируются в диоцезах-лидерах по доле адептов Народной церкви в структуре населения. Эти же диоцезы характеризуются невысокой людностью, поэтому финансовая нагрузка по обеспечению функционирования приходов несколько больше.

Собранные целевые налоговые средства распределяются Министерством церковных дел. Ему же приписывается ответственность за консолидированный бюджет ЕЛЦД.

Экономическая отчетность ЕЛЦД носит открытый характер опубликования, что позволяет представить обзор финансовых операций религиозной организации. Финансы, поступающие из разных источников, формируют местный бюджет, Общий фонд и государственные субсидии.

Структура доходов и расходов местного бюджета за 2019 г. (по последним имеющимся сведениям) представлена в таблицах 5 и 6, составленных на основе официальных отчетных данных.

Таблица 5

Доходы местного бюджета Церкви Дании за 2019 г., млн датских крон

Статья доходов	2011	2019
Церковный налог	5348	5850
Ритуальная деятельность	721	685
Субсидии	30	5
Прочие доходы	298	346
<i>Всего</i>	6328	6858

Источник: разработано на основе данных: Den lokale økonomi, *By-, Land- og Kirkemisteriet*, URL: <https://www.km.dk/folkekirken/oekonomi/lokaloekonomi> (дата обращения: 01.10.2023).

Таблица 6

Расходы местного бюджета Церкви Дании за 2019 г., млн датских крон

Статья расходов	2011	2019
Заработная плата персонала, в том числе ответственного за работу кладбищ	3233	3342
Прочие операционные расходы, в том числе связанные с работой кладбищ	2235	2231
Капитальные расходы, в том числе связанные с работой кладбищ	506	527
	1122	1156
<i>Всего</i>	6590	6729

Источник: разработано на основе данных: Den lokale økonomi, *By-, Land- og Kirkemisteriet*, URL: <https://www.km.dk/folkekirken/oekonomi/lokaloekonomi> (дата обращения: 01.10.2023).

Сальдо финансовых операций, относящихся к местному бюджету, составило 129 млн датских крон в 2019 г., а размер доходно-расходной части — 6,858 и 6,729 млрд датских крон соответственно. Подавляющую долю доходов местного бюджета формируют целевые налоговые поступления (85,3%), а обрядово-культурная деятельность приносит всего 10%. Причина такой диспропорции состоит в том, что для членов ЕЛЦД совершение обрядов и таинств на приписных приходах происходит на безвозмездной основе.

Функционирование Общего фонда осуществляется по принципу общей кассы, где почти все средства собираются за счет церковного налога. Доходы в 2019 г. составили 1202 млн датских крон, а расходы, где основная статья — заработная плата священнослужителей и сотрудников, — 1196 млн датских крон.

В 2019 г. Народная церковь получила государственные субсидии денежным объемом в 843 млн датских крон (9,5% всех доходов религиозной организации). Почти все они были распределены на выплату заработной платы и пенсии священнослужителям.

Кроме того, с 2007 г. действует Фонд развития Церкви, откуда на нужды ЕЛЦД выделяется около 2 млн датских крон ежегодно. С момента его учреждения по настоящее время 205 социально значимых проектов, реализуемых Народной церковью, получили финансовую поддержку названного источника. В 2022 г. приоритетными направлениями были объявлены переход церковных структур на ресурсосберегающие технологии и оказание помощи молодежи, пострадавшей от последствий пандемии COVID-19. В конкурсе заявок учитываются сотрудничество Церкви с местным сообществом, широта территориального охвата, инновационность и высокая степень вовлечения волонтеров.

Церковь Дании имеет ряд налоговых льгот в виде освобождения от уплаты корпоративного и поимущественного налогов. Не облагаются налогом и добровольные денежные взносы прихожан. Церковные средства во многом затрачиваются на реализацию социальной ответственности религиозной организации.

Одна из делегированных ЕЛЦД государством общественных задач — управление и осуществление ухода за кладбищенскими территориями. Ответственность Народной церкви в отношении данной функция полная. Но религиозная организация не облагается налогом на эти территории и на возмездной основе может выделять участки под захоронения лиц, не являющихся ее членами.

Еще одно полномочие, которое Народная церковь разделяет с государственными органами, — регистрация актов гражданского состояния. С 2002 г. она осуществляется на базе единой национальной электронной системы. Следует выделить право ЕЛЦД на легитимацию браков: около трети от их общего количества в Дании приходится на венчания.

Еще выше активность религиозно обусловленного поведения проявляется в совершении похоронных обрядов. Несмотря на несколько возросшую популярность погребальных процедур, проводимых без участия духовенства, и захоронений вне церковных кладбищенских территорий, на отпевания приходится более 80 % обрядов данного типа (табл. 7).

Таблица 7

Венчания и отпевания в ЕЛЦД на 2006 и 2019 гг.

Обряд	2006	2019
Венчания, % от всех заключенных браков	41,3	32,5
Похороны, в том числе	53 224	53 549
отпевания вне Церкви Дании	820	861
светская организация похорон	4801	8547

Источник: разработано на основе данных: Folkekirken i tal, *Folkekirken.dk*, URL: <https://www.folkekirken.dk/om-folkekirken/folkekirken-i-tal> (дата обращения: 01.10.2023).

Высокой остается доля крещений и конфирмаций. В 2020 г. около половины новорожденных были крещены и более половины лиц возраста 14—15 лет прошли конфирмацию. По степени проявления религиозной активности адептов лидируют удаленные от центра диоцезы. В Выборге фиксируется самая высокая доля крещенных младенцев от общего числа родившихся (69,9 %) и конфирмованных подростков (81,5 %). Ольборг характеризуется максимальными показателями в отношении лиц, прошедших в сознательном возрасте одновременно крещение и конфирмацию (27,8 %). В столичном диоцезе, где этнический состав населения характеризуется разнообразием, все показатели минимальны и выражены в значениях 31,9, 40,5 и 11,3 % соответственно.

Государственно-правовое положение ЕЛЦД открывает для нее возможность оказывать представителям иностранного духовенства содействие в получении разрешения на временное проживание и сертифицировать их деятельность.

ЕЛЦД активно участвует в образовательной деятельности. В ведении религиозной организации находятся три музыкальные школы в Лёгумкlostере, Вестервиге и Роскилле с филиалами еще в нескольких городах. Учебные заведения реализуют разнообразные курсы по обучению игре на музыкальных инструментах, дирижированию, пению. Особое внимание уделяется инклюзивному обучению.

С 2014 г. функционирует Центр пастырского образования и исследований, представленный организациями в Копенгагене, Орхусе и Лёгумкlostере. Его работой осуществляется обучение и повышение квалификации пасторов и обязательная дополнительная подготовка студентов-теологов, претендующих на принятие священного сана. Кроме того, там проводятся исследования об отношениях Церкви и общества, организуются тематические научные, практические и просветительские мероприятия. Очень активно Народная церковь участвует в оказании помощи нуждающимся (различным целевым группам), оперативно реагирует действиями на сложные общественные и политические ситуации, но формат представленной статьи не позволяет раскрыть данный аспект полностью.

За пределами материковой Дании лютеранство представлено Евангелическо-лютеранскими церквями Гренландии и Фарерских островов, родственными ЕЛЦД доктринально, но являющимися собой самостоятельные организации.

Христианство в Гренландию было впервые привнесено на рубеже I и II тыс., но не укоренилось среди населения острова. Начало институциональному оформлению лютеранства здесь было положено в 1905 г., когда в церковно-административном отношении островная территория вошла в состав позже упраздненного диоцеза Зеландии, чтобы в 1923 г. попасть в подчинение руководства епархии Копенгагена. Епископская кафедра Гренландии была воссоздана только 1980 г., а в 1993 г. диоцез получил автономию и был уравнен в правах с прочими епископиями.

С того времени политической и церковной элитой Гренландии стали предприниматься усилия для дальнейшего расширения самостоятельности, а главным аргументом служила социокультурная обособленность эскимосов и гренландских датчан, их самобытность, обусловленная историческим развитием и изолированностью от материковой части страны. В итоге выход Церкви Гренландии из-под юрисдикции ЕЛЦД совпал с наделением региона статусом автономии в составе Дании (2009). В финансовом и юридическом отношениях религиозная организация стала подчиняться парламенту Гренландии. Ее территориальная структура представлена тремя пробствами, образованными 17-ю приходами с кафедральным собором в Нууке.

В отличие от ЕЛЦД Церковь Гренландии не фиксирует на официальном уровне число адептов. Судить о конфессиональном составе населения острова можно только по результатам экспертных оценок. Так, согласно данным World Religion Database¹, по состоянию на 2020 г. до 96 % жителей Гренландии — христиане, из них две трети самоидентифицировались как протестанты.

Евангелическо-лютеранская церковь Фарерских островов имеет автономный статус. Начиная с периода, приходящегося на окончание X — начало XI в., и до 1538 г. архипелаг был католической епархией. После преобразования территория недолго просуществовала в качестве самостоятельного лютеранского диоцеза, а затем была включена в епископию Зеландии ЕЛЦД.

После получения независимости в 2007 г. Церковь Фарерских островов является самой маленькой в мире церковью, имеющей государственный статус. Ее территория состоит из 16 пробств, а кафедральный собор находится в Торсхавне (рис. 2).

¹ National profiles, *World Religion Database*, URL: <https://www.thearda.com/world-religion/national-profiles?u=94c> (дата обращения: 01.10.2023).

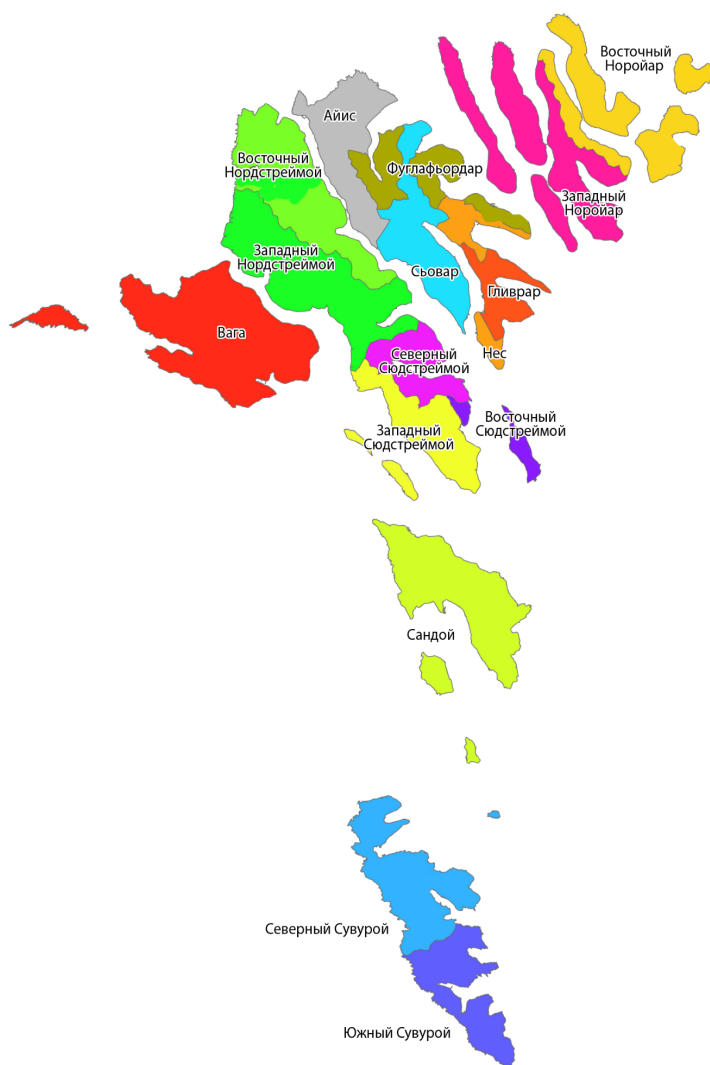


Рис. 2. Территориальное деление Церкви Фарерских островов

Учет количества храмов, адептов и представителей духовенства официально ведется Статистической службой Фарерских островов, сведения которой фиксируют сокращение числа прихожан. Их доля составляет 78 % от численности населения архипелага при количественном росте объектов культово-культурной инфраструктуры и представителей духовенства. Объем имеющейся в открытом доступе информации не так полон, как предоставляемый ЕЛЦД, но он дает возможность получить расчетные данные коэффициента территориальной концентрации диоцезов и храмов Церкви Фарерских островов. Результативное значение (для каждого из объектов 0,144 и 0,132 соответственно) подтверждает, что они размещены по территории региона с высокой степенью равномерности. Особую важность это обстоятельство обретает при принятии во внимание физико-географического положения островов и отсутствия соединяющей их системы транспортных коммуникаций. Но нужно учитывать и специфику размещения населения архипелага. Если допустить отсут-

ствие территориальной дифференциации по доле адептов национальной церкви, на один храм в регионе Стреймой приходится 1355 прихожан. В редконаселенном регионе Сандой — в 8 раз меньше.

Лютеранство, представленное несколькими религиозными организациями, наделенными особым статусом, безусловно, доминирует в конфессиональном пространстве Дании и играет существенную социальную роль в стране.

Выводы

В структуре конфессионального пространства Дании доминантой выступает национальная Евангелическая лютеранская церковь с ее островными автономными подразделениями. Все они объединены государственным статусом в пределах соответствующих территориальных образований Дании, наделены правами, функциями и привилегиями.

К первым принадлежит содержание кладбищенских территорий и управление ими, а также ведение статистического учета и регистрация актов гражданского состояния (ЕЛЦД). Основная привилегия — возможность финансирования путем распределения средств от целевого налогообложения. Кроме того, Церковь выполняет множество добровольных социально значимых функций.

Можно утверждать, что цивилизационное и историко-культурное значение лидирующей по численности адептов и прочим количественным показателям христианской конфессии лютеранства, а также широкая распространенность материальных объектов культовой инфраструктуры позволяют ее религиозным институциям позиционировать себя в качестве влиятельных и значимых. Представляющие их организации обладают авторитетом, ресурсами, способностями и полномочиями для содействия развитию общества и успешно реализуют таковые.

Следует отметить и тот факт, что в отличие от ЕЛЦД, деятельность которой носит выраженный социально-экономический характер, Церкви Гренландии и Фарерских островов, пытаясь калькировать опыт мажоритарной религиозной организации и видоизменяя его с учетом региональной и этнонациональной специфики, скорее имеют политический вес.

Дальнейшие перспективы в развитии данного направления исследований связаны с прочими составляющими конфессионального пространства Дании, представленными нетрадиционными для страны конфессиями и религиями. Этот аспект открывает возможности для продолжения исследований в заявленной объектно-предметной области.

Список литературы

1. Ribberink, E., Achtenberg, Houtman, D. 2017, A post-secular turn in attitudes towards religion? Anti-religiosity and anti-Muslim sentiment in Western Europe, *Rassegna Italiana di Sociologica*, vol. 58, №4, p. 803—830, <https://doi.org/10.1423/88795>
2. Queen, E. 2017, History, Hysteria, and Hype: Government Contracting with Faith-Based Social Service Agencies, *Religions*, vol. 8, №2, p. 22, <https://doi.org/10.3390/rel8020022>
3. Балабейкина, О. А., Дмитриев, А. Л., Янковская, А. А. 2021, Трансформация структурных элементов современного конфессионального пространства Европы, *Мир перемен*, №4, с. 177—189, https://doi.org/10.51905/2073-3038_2021_4_177
4. Горохов, С. А., Дмитриев, Р. В., Захаров, И. А. 2023, Христианство, ислам и традиционные религии: циклическое взаимодействие на Африканском континенте, *Вестник Томского государственного университета*, №486, с. 124—136, <https://doi.org/10.17223/15617793/486/13>
5. Горохов, С. А., Дмитриев, Р. В., Агафошин, М. М. 2022, Религия и государство: типы отношений на рынке религий, *Полития*, №3 (106), с. 65—79, <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2022-106-3-65-79>

6. Манаков, А. Г. 2019, Трансформация территориальной структуры конфессионального пространства России в XX — начале XXI в., *Географический вестник*, № 2 (49), с. 13—24, <https://doi.org/10.17072/2079-7877-2019-2-13-24>
7. Манаков, А. Г., Суворков, П. Э. 2018, Сдвиги в конфессиональном пространстве России в XVIII — начале XX В.: историко-географический анализ, *Известия Русского географического общества*, т. 150, № 2, с. 3—15.
8. Мязин, Н. А. 2022, Распространение пятидесятничества в странах Латинской Америки, *Латинская Америка*, № 9, с. 83—97, <https://doi.org/10.31857/S0044748X0017752-6>
9. Деметьев, В. С. 2021, Подходы к изучению структурных элементов конфессионального пространства Северо-Запада России на рубеже XIX—XX вв., *Псковский регионологический журнал*, № 2 (46), с. 117—131, <https://doi.org/10.37490/s221979310014074-4>
10. Гравчикова, А. А. 2022, Влияние религиозного разнообразия населения на социально-экономические показатели регионов Российской Федерации, *Регионология*, т. 30, № 1 (118), с. 55—75, <https://doi.org/10.15507/2413-1407.118.030.202201.055-075>
11. Лункин, Р., Филатов, С. 2021, Христианские церкви и антиидентистская революция, *Мировая экономика и международные отношения*, т. 65, № 8, с. 97—108, <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-8-97-108>
12. Karam, A. 2016, The Role of Religious Actors in Implementing the UN's Sustainable Development Goals, *The Ecumenical Review*, vol. 68, № 4, p. 365—377, <https://doi.org/10.1111/erev.12241>
13. Kettell, S. 2019, 'Social Capital and Religion in the United Kingdom' in Manuel, P., Glatzer, M. (eds.), *Faith-Based Organizations and Social Welfare*, London, Palgrave Studies in Religion, Politics, and Policy, p. 185—203, https://doi.org/10.1007/978-3-319-77297-4_8
14. Shapiro, E. A. 2022, Protective Canopy: Religious and Social Capital as Elements of a Theory of Religion and Health, *Journal of Religion and Health*, vol. 61, p. 4466—4480, <https://doi.org/10.1007/s10943-021-01207-8>
15. Rogers, M. 2018, Does religion always help the poor? Variations in religion and social class in the west and societies in the global south, *Palgrave Communications*, № 4, 73, <https://doi.org/10.1057/s41599-018-0135-3>
16. Campante, F., Yanagizawa-Drott, D. 2015, Does Religion Affect Economic: Growth and Happiness? Evidence from Ramadan, *Quarterly Journal of Economics*, vol. 130, p. 615—658, <https://doi.org/10.1093/qje/qjv002>
17. Bellia, C., Scavone, V., Ingrassia, M. 2021, Food and Religion in Sicily — A New Green Tourist Destination by an Ancient Route from the Past, *Sustainability*, vol. 13, 6686, <https://doi.org/10.3390/su13126686>
18. Aurel, G., Dumitrache, L., Giusca, M. 2018, Assessment of the religious-tourism potential in Romania, *Human Geographies*, vol. 12, № 2, p. 225—237, <https://doi.org/10.5719/hgeo.2018.122.6>
19. Aschauer, W. 2020, The Drivers of Prejudice with a Special Focus on Religion - Insights into anti-Muslim Sentiment in Austrian Society, *Österreichische Zeitschrift für Soziologie*, vol. 45, p. 183—212, <https://doi.org/10.1007/s11614-020-00414-z>
20. Kolb, J., Yildiz, E. 2019, Muslim Everyday Religious Practices in Austria. From Defensive to Open Religiosity, *Religions*, vol. 10, № 3, 161, <https://doi.org/10.3390/rel10030161>
21. Yang, J. A. 2011, A Christian Perspective on Immigrant Integration, *The Review of Faith and International Affairs*, vol. 9, № 1, p. 77—83, <https://doi.org/10.1080/15570274.2011.543623>
22. Балабейкина, О. А., Дмитриев, А. Л., Солодянкина, Е. И. 2022, Религиозный институт как составляющая социальной и экономической сферы, *Мировая экономика и международные отношения*, т. 66, № 9, с. 119—129, <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-9-119-129>
23. Хржановская, А. А. 2020, Религиозная неоднородность: барьер или фактор экономического развития регионов России? *Регион: Экономика и Социология*, № 4, с. 23—43, <https://doi.org/10.15372/REG20200402>
24. Galiatsatos, P., Sundar, S., Qureshi, A., Ooi, G., Teague, P., Hale, D. W. 2016, Health Promotion in the Community: Impact of Faith-Based Lay Health Educators in Urban Neighborhoods, *Journal of Religion and Health*, vol. 55, p. 1089—1096, <https://doi.org/10.1007/s10943-016-0206-y>

25. Эйдемиллер, К. Ю. 2018, Исламская диффузия в странах Северной Европы: процессы миграции и исламской революции, *Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Теория и практика управления*, № 20 (25), с. 231—244. EDN: VLJNGB

26. Степанова, Е. А. 2019, Секулярность в социально-культурном контексте: пример Дании, *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*, т. 35, № 1, с. 209—221, <https://doi.org/10.21638/spbu17.2019.117>

27. Талалаева, Е. Ю., Пронина, Т. С. 2020, Этноконфессиональные иммигрантские гетто как проблема национальной безопасности в современном общественно-политическом дискурсе Дании, *Балтийский регион*, т. 12, № 3, с. 55—71, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-3-4>

28. Балабейкина, О. А., Янковская, А. А., Коробущенко, В. Ю. 2022, Религиозная организация в устойчивом развитии регионов: кейс диоцеза Виборг Евангелическо-лютеранской церкви Дании, *Север и рынок: формирование экономического порядка*, № 1 (75), с. 84—95, <https://doi.org/10.37614/2220-802X.1.2022.75.007>

29. Зудов, Ю. В. 2011, Дискуссия о реформе государственно-церковных отношений в современной Дании, *Электронный научно-образовательный журнал «История»*, № 5, с. 6—7. EDN: PCSQYT

30. Christensen, H. R. 2019, Continuity with the Past and Uncertainty for the Future: Religion in Danish Newspapers 1750—2018, *Temenos — Nordic Journal for the Study of Religion*, vol. 55, № 2, p. 201—224, <https://doi.org/10.33356/temenos.87825>

31. Haugen, H. M. 2011, The Evangelical Lutheran Church in Denmark and the Multi-cultural Challenges, *Politics and Religion*, vol. 4, № 3, p. 476—502, <https://doi.org/10.1017/S1755048311000447>

32. Reeh, N. 2022, Dancing with Religion: Organized Atheism and Humanism in the Field of Religions in Denmark, *Numen*, vol. 69, № 5-6, p. 542—568, <https://doi.org/10.1163/15685276-12341667>

33. Jensen, T., Geertz, A. W. 2014, From the History of Religions to the Study of Religion in Denmark: An Essay on the Subject, Organizational History and Research Themes, *Temenos — Nordic Journal for the Study of Religion*, vol. 50, № 1, p. 79—114, <https://doi.org/10.33356/temenos.46252>

Об авторах

Ольга Александровна Балабейкина, кандидат географических наук, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Россия.

E-mail: olga8011@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9520-8880>

Валерия Юрьевна Коробущенко, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: parkkeva@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-3843-8465>

Владимир Михайлович Разумовский, доктор географических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Россия; Санкт-Петербургский государственный университет, Россия

E-mail: vmr-rgo@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0006-9122-6313>



EVANGELICAL LUTHERAN CHURCH OF DENMARK: SOCIO-ECONOMIC AND TERRITORIAL-ORGANIZATIONAL ASPECTS

O. A. Balabeikina¹ 

V. Yu. Korobushchenko² 

V. M. Razumovsky^{1, 2} 

¹ Saint Petersburg State University of Economics,
30–32 A. Griboyedov Canal Embankment,
Saint Petersburg, 191023, Russia

² Saint Petersburg State University,
7–9 Universitetskaya Embankment,
Saint Petersburg, 199034, Russia

Received 16 October 2023

Accepted 29 January 2024

doi: 10.5922/2079-8555-2024-1-6

© Balabeikina, O. A., Korobushchenko, V. Yu.,
Razumovsky, V. M., 2024

The study exemplifies the use of an institutional-territorial approach for a comprehensive description of a national denominational landscape. The article aims to provide such an account by analysing relevant official data and performing statistical processing using computational tools. The focus is on the Evangelical Lutheran Church of Denmark and its administrative-territorial structures. The study places emphasis on the financial aspect, one seldom discussed in academic discourse. The denominational landscape of Denmark is a multicomponent system, with the National Lutheran Church holding a distinctive legal status as a dominant entity. Its historical and social significance, along with the ability to preserve functions that mirror those of the state, allow the Church of Denmark to maintain its civilisational and culture-building role for the populace, especially the indigenous one. However, Denmark is not exempt from the secular trends prevalent in the Nordic countries. One notable tendency is the decline in adherents of the Evangelical Lutheran Church observed over recent decades. This decline is most evident in the capital region, where the proportion of migrants in the population is higher and daily life is more vibrant than in other areas. Territorial variations in religiously motivated behaviour are evident, with the highest percentages observed in the country's peripheral regions (despite the overall figures showing a negative trend). These areas also boast the most significant proportion of registered members of the Evangelical Lutheran Church. Exploring non-Christian religions in Denmark presents a promising avenue for future research.

Keywords:

religion in Denmark, denominational space, religious organization, Evangelical Lutheran Church

References

1. Ribberink, E., Achtenberg, Houtman, D. 2017, A post-secular turn in attitudes towards religion? Anti-religiosity and anti-Muslim sentiment in Western Europe, *Rassegna Italiana di Sociologia*, vol. 58, № 4, p. 803–830, <https://doi.org/10.1423/88795>
2. Queen, E. 2017, History, Hysteria, and Hype: Government Contracting with Faith-Based Social Service Agencies, *Religions*, vol. 8, № 2, p. 22, <https://doi.org/10.3390/rel8020022>
3. Balabeykina, O. A., Dmitriev, A. L., Yankovskaya, A. A. 2021, Transformation of the Structural Elements of the Modern Confessional Space of Europe, *The World of Transformations*, № 4, p. 177–189, https://doi.org/10.51905/2073-3038_2021_4_177 (in Russ.).

To cite this article: Balabeikina, O. A., Korobushchenko, V. Yu., Razumovsky, V. M. 2024, Evangelical Lutheran church of Denmark: socio-economic and territorial-organizational aspects, *Baltic region*, vol. 16, № 1, p. 100–116. doi: 10.5922/2079-8555-2024-1-6

4. Gorokhov, S. A., Dmitriev, R. V., Zakharov, I. A. 2023, Christianity, Islam and traditional religions: Cyclical interaction in Africa, *Tomsk State University Journal*, № 486, p. 124—136, <https://doi.org/10.17223/15617793/486/13> (in Russ.).
5. Gorokhov, S. A., Dmitriev, R. V., Agafosnin, M. M. 2022, Religion and the state: Types of relations in the religious market, *Politeia*, № 3 (106), p. 65—79, <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2022-106-3-65-79> (in Russ.).
6. Manakov, A. G. 2019, Transformation of the territorial structure of the confessional space of Russia in the XX — the beginning of the XXI century, *Geographical bulletin*, № 2 (49), p. 13—24, <https://doi.org/10.17072/2079-7877-2019-2-13-24> (in Russ.).
7. Manakov, A. G., Suvorkov, P. E. 2018, Shifts in the confessional space of Russia in the XVI—II — beginning of the XX centuries: the historical-geographical analysis, *Proceedings of the Russian Geographical Society*, vol. 150, № 2, p. 3—15 (in Russ.).
8. Myazin, N. A. 2022, The spread of Pentecostalism in Latin America, *Latinskaya Amerika*, № 9, p. 83—97, <https://doi.org/10.31857/S0044748X0017752-6> (in Russ.).
9. Dementiev, V. S. 2021, Approaches to the study of the state of structural elements of the confessional space of the north-west of Russia at the turn of the XIX—XX centuries, *Pskov Journal of Regional Studies*, № 2 (46), p. 117—131, <https://doi.org/10.37490/s221979310014074-4> (in Russ.).
10. Gravchikova, A. A. 2022, Influence of the Population Religious Diversity on the Socio-Economic Indicators of the Russian Federation Regions, *Regionology = Russian Journal of Regional Studies*, vol. 30, № 1, p. 55—75, <https://doi.org/10.15507/2413-1407.118.030.202201.055-075> (in Russ.).
11. Lunkin, R., Filatov, S. 2021, Christian Churches and the Antiidestist Revolution, *World Economy and International Relations*, № 8, p. 97—108, <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-8-97-108> (in Russ.).
12. Karam, A. 2016, The Role of Religious Actors in Implementing the UN's Sustainable Development Goals, *The Ecumenical Review*, vol. 68, № 4, p. 365—377, <https://doi.org/10.1111/erev.12241>
13. Kettell, S. 2019, 'Social Capital and Religion in the United Kingdom' in Manuel, P., Glatzer, M. (eds.), *Faith-Based Organizations and Social Welfare*, London, Palgrave Studies in Religion, Politics, and Policy, p. 185—203, https://doi.org/10.1007/978-3-319-77297-4_8
14. Shapiro, E. A. 2022, Protective Canopy: Religious and Social Capital as Elements of a Theory of Religion and Health, *Journal of Religion and Health*, vol. 61, p. 4466—4480, <https://doi.org/10.1007/s10943-021-01207-8>
15. Rogers, M. 2018, Does religion always help the poor? Variations in religion and social class in the west and societies in the global south, *Palgrave Communications*, № 4, 73, <https://doi.org/10.1057/s41599-018-0135-3>
16. Campante, F., Yanagizawa-Drott, D. 2015, Does Religion Affect Economic: Growth and Happiness? Evidence from Ramadan, *Quarterly Journal of Economics*, vol. 130, p. 615—658, <https://doi.org/10.1093/qje/qjv002>
17. Bellia, C., Scavone, V., Ingrassia, M. 2021, Food and Religion in Sicily — A New Green Tourist Destination by an Ancient Route from the Past, *Sustainability*, vol. 13, 6686, <https://doi.org/10.3390/su13126686>
18. Aurel, G., Dumitrache, L., Giusca, M. 2018, Assessment of the religious-tourism potential in Romania, *Human Geographies*, vol. 12, № 2, p. 225—237, <https://doi.org/10.5719/hgeo.2018.122.6>
19. Aschauer, W. 2020, The Drivers of Prejudice with a Special Focus on Religion — Insights into anti-Muslim Sentiment in Austrian Society, *Österreichische Zeitschrift für Soziologie*, vol. 45, p. 183—212, <https://doi.org/10.1007/s11614-020-00414-z>
20. Kolb, J., Yildiz, E. 2019, Muslim Everyday Religious Practices in Austria. From Defensive to Open Religiosity, *Religions*, vol. 10, № 3, 161, <https://doi.org/10.3390/rel10030161>
21. Yang, J. A. 2011, A Christian Perspective on Immigrant Integration, *The Review of Faith and International Affairs*, vol. 9, № 1, p. 77—83, <https://doi.org/10.1080/15570274.2011.543623>
22. Balabeikina, O. A., Dmitriev, A. L., Solodyankina, E. I. 2022, Religious institution as part of social and economic sphere, *World Economy and International Relations*, vol. 66, № 9, p. 119—129, <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-9-119-129> (in Russ.).

23. Khrzhanovskaya, A. A. 2020, Religious heterogeneity: a barrier or a factor of economic development in Russia? *Region: Economics and Sociology*, № 4, p. 23–43, <https://doi.org/10.15372/REG20200402> (in Russ.).

24. Galiatsatos, P., Sundar, S., Qureshi, A., Ooi, G., Teague, P., Hale, D. W. 2016, Health Promotion in the Community: Impact of Faith-Based Lay Health Educators in Urban Neighborhoods, *Journal of Religion and Health*, vol. 55, p. 1089–1096, <https://doi.org/10.1007/s10943-016-0206-y>

25. Eidemiller, K. Yu. 2018, Islamic diffusion in the Nordic Countries: migration processes and the Islamic revolution, *Bulletin of the Komi Republican Academy of Public Administration and Management. Series: Theory and Practice of Management*, № 20 (25), p. 231–244 (in Russ.).

26. Stepanova, E. A. 2019, Secularity in socio-cultural context: the case of Denmark, *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta, Filosofiia i Konfliktologiya*, vol. 35, № 1, p. 209–221, <https://doi.org/10.21638/spbu17.2019.117> (in Russ.).

27. Talalaeva, E. Yu., Pronina, T. S. 2020, Ethno-confessional immigrant ghettos as a national security problem in Denmark's social and political discourse, *Baltic region*, vol. 12, № 3, p. 55–71, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-3-4> (in Russ.).

28. Balabeikina, O. A., Yankovskaya, A. A., Korobushchenko, V. Yu. 2022, Religious organization in sustainable development of regions: the case of Diocese Viborg of the Evangelic Lutheran Church of Denmark, *The North and the Market: Forming the Economic Order*, № 1, p. 84–95, <https://doi.org/10.37614/2220-802X.1.2022.75.007>

29. Zudov, Yu. V. 2011, Debates about the reform of church in modern Denmark, *Istoriya*, № 5, p. 6–7. EDN: PCSQYT (in Russ.).

30. Christensen, H. R. 2019, Continuity with the Past and Uncertainty for the Future: Religion in Danish Newspapers 1750–2018, *Temenos — Nordic Journal for the Study of Religion*, vol. 55, № 2, p. 201–224, <https://doi.org/10.33356/temenos.87825>

31. Haugen, H. M. 2011, The Evangelical Lutheran Church in Denmark and the Multi-cultural Challenges, *Politics and Religion*, vol. 4, № 3, p. 476–502, <https://doi.org/10.1017/S1755048311000447>

32. Reeh, N. 2022, Dancing with Religion: Organized Atheism and Humanism in the Field of Religions in Denmark, *Numen*, vol. 69, № 5-6, p. 542–568, <https://doi.org/10.1163/15685276-12341667>

33. Jensen, T., Geertz, A. W. 2014, From the History of Religions to the Study of Religion in Denmark: An Essay on the Subject, Organizational History and Research Themes, *Temenos — Nordic Journal for the Study of Religion*, vol. 50, № 1, p. 79–114, <https://doi.org/10.33356/temenos.46252>

The authors

Dr Olga A. Balabeikina, Saint Petersburg State University of Economics, Russia.

E-mail: olga8011@yandex.ru

<https://ORCID.org/0000-0001-9520-8880>

Valeria Yu. Korobushchenko, Saint Petersburg State University, Russia.

E-mail: parkkeva@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-3843-8465>

Prof Vladimir M. Razumovsky, Saint Petersburg State University of Economics, Russia; Saint Petersburg State University, Russia.

E-mail: vmr-rgo@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0006-9122-6313>



ВЗАИМОСВЯЗЬ РАЗВИТИЯ РЕГИОНА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ВУЗОВ (НА ПРИМЕРЕ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА)

О. В. Котомина¹ 

Е. А. Третьякова^{1, 2, 3} 

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Пермский филиал), 614000, Россия, Пермь, ул. Студенческая, 38

² Пермский национальный исследовательский политехнический университет, 614000, Россия, Пермь, ул. Комсомольский просп., 29

³ ООО «Кайрос Инжиниринг», 614000, Россия, Пермь, ул. М. Горького, 34

Поступила в редакцию 11.09.2022 г.

Принята к публикации 15.12.2023 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2024-1-7

© Котомина О. В., Третьякова Е. А., 2024

Регионы Северо-Западного федерального округа при общей тенденции роста ВРП демонстрируют снижение доли образования в ВРП и доли занятых в образовании в общей занятости населения, одновременно отмечается сокращение числа вузов и количества обучающихся в них студентов. Данные тенденции могут стать серьезным препятствием для развития регионов в контексте четвертой промышленной революции и экономики знаний. Недостаточное внимание к сфере образования может объясняться тем, что его вклад в региональное развитие недооценивается. Вузы играют особую роль в региональной социально-экономической системе и, реализуя «третью миссию», влияют на экономику, политику, социальную сферу региона своего присутствия. Для более точного понимания роли вузов в региональном развитии актуальной является задача комплексной оценки их функционирования. В этой связи целью работы стала оценка уровня реализации функций региональными вузами и выявление взаимосвязи их функционирования с основными социально-экономическими показателями региона. В работе описана методика оценки уровня функционирования региональных вузов и представлены результаты ее апробации на примере регионов Северо-Западного федерального округа. Высокий уровень функционирования вузов отмечен в Архангельской области и Санкт-Петербурге. Наихудшие показатели реализации функций вузами наблюдались в Ленинградской области. Корреляционный анализ показал наличие значимой связи между функционированием вузов и основными социально-экономическими показателями регионального развития. При этом отмечается существенная диспропорциональность в уровне реализации функций вузами во всех регионах округа. Полученные результаты могут быть интересны исследователям проблем регионального развития, руководителям вузов, ориентированных на реализацию «третьей миссии» университета, а также могут быть использованы для проработки решений по развитию высшего образования на региональном уровне в Северо-Западном федеральном округе.

Ключевые слова:

регион, региональная экономика, развитие региона, Северо-Западный федеральный округ, высшее образование, функционирование вузов

Для цитирования: Котомина О. В., Третьякова Е. А. Взаимосвязь развития региона и функционирования вузов (на примере Северо-Западного федерального округа) // Балтийский регион. 2024. Т. 16, № 1. С. 117–140. doi: 10.5922/2079-8555-2024-1-7

Введение

Северо-Западный федеральный округ (СЗФО) считается одним из «локомотивов» экономического развития России. В силу географического положения Балтийская и Арктическая части региона представляют собой зону активных внешних контактов, транспортно-логистический узел, центр развития высокотехнологичных производств. Поэтому в системе территориальной организации высшего образования округ занимает особое место [1]. Данный факт определил выбор регионов данного округа для исследования.

Динамика вклада образования в ВРП регионов СЗФО отражена в таблице 1. Как следует из таблицы 1, если в 2015 г. доля образования составляла от 2,2 до 4,4 %, то в 2021 г. — от 1,9 до 3,9 %. Снижение вклада образования в экономику наблюдалось в восьми регионах СЗФО.

Таблица 1

Образование в структуре ВРП регионов СЗФО, %

Регион	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	Динамика за период
Архангельская область	3,4	3,9	3,7	3,7	3,9	4,0	3,9	0,5
Вологодская область	2,2	2,0	2,2	2,2	2,2	2,7	1,9	-0,3
Санкт-Петербург	4,3	3,3	3,6	3,7	3,7	3,8	2,4	-1,9
Калининградская область	3,4	2,9	2,9	2,9	3,0	2,9	2,7	-0,7
Ленинградская область	2,4	1,9	2,1	2,1	2,1	2,2	2,1	-0,3
Мурманская область	3,2	2,9	3,1	3,2	3,1	2,5	2,1	-1,1
Новгородская область	2,9	2,9	2,8	3,2	3,1	3,0	2,5	-0,4
Псковская область	4,4	3,5	3,6	3,9	3,8	3,8	3,8	-0,6
Республика Карелия	3,6	3,6	3,7	3,9	4,0	3,9	3,2	-0,4
Республика Коми	2,6	3,1	3,0	3,0	3,0	3,6	2,7	0,1

Составлено на основе данных Росстата¹.

Следует отметить, что рост ВРП в регионах СЗФО с 2015 г. был обеспечен преимущественно такими отраслями, как обрабатывающее производство (Вологодская, Мурманская, Ленинградская, Новгородская области), добыча полезных ископаемых (Республика Карелия), оптовая и розничная торговля (Санкт-Петербург)². Не вызывает сомнений, что большой вклад в обеспечение экономического роста вносит человеческий капитал, формирование и развитие которого зависит от функционирования высшего образования. Именно поэтому оценка функционирования вузов выступает нетривиальной задачей для регионального развития.

Полноценная реализация человеческого капитала является базовым условием для экономики знаний. Как правило, человеческий капитал региона оценивается по показателям доли занятых с высшим образованием в численности занятых региона, среднего числа лет обучения занятых, числа студентов на 1000 человек населения и др. Вклад человеческого капитала в региональное развитие варьируется в разных исследованиях от 10 [2] до 26 % [3]. Это подтверждает важную роль высшего образования и служит основанием для учета данного фактора в процессе принятия управленческих решений, нацеленных на региональное развитие.

В последнее время широко обсуждается вопрос о том, что вуз перестает быть исключительно образовательным и научным центром региона. Наряду с образова-

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели, *Росстат*, URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 01.09.2023).

² Валовой региональный продукт в основных ценах (ОКВЭД 2), 2023, *ЕМИСС*, URL: <https://fedstat.ru/indicator/61497> (дата обращения: 01.09.2023).

нием и научными исследованиями задачей вузов становятся социально-экономические инициативы, преобразующие общество [4]. «Третья миссия» университета «связана с подготовкой студентов к жизни в гражданском обществе, умением оказывать влияние на экономическую, общественную и политическую жизнь, совмещением обучения и общественно-полезной деятельности, получением знаний через экономическую практику, приобретением партнеров и полезного жизненного опыта» [5]. То есть вузы активно влияют на экономику, политику, социальную сферу региона своего присутствия. Они становятся важными центрами управления социальными процессами и мощным социальным ресурсом [6].

Осуществляя подготовку и поддержание на должном профессиональном уровне интеллектуальных ресурсов, вузы напрямую влияют на уровень и качество развития регионов [7—9]. Так, образование позволяет индивиду получать определенную экономическую выгоду в виде личных доходов; работодателю, использующему профессиональные знания и навыки работника в хозяйственной деятельности, — прибыль; обществу в целом — положительные внешние эффекты от применения в производственной и непроизводственной сфере интеллектуального богатства национального человеческого капитала [10].

Деятельность вузов реализуется через выполнение ими социально значимых функций, поэтому за основу в данном исследовании был взят функциональный подход, дающий возможность глубокого анализа изучаемого объекта для понимания особенностей его поведения и влияния на социально-экономические системы. Этот подход широко применяется авторами смежных исследований как для анализа систем высшего образования в целом [9; 11], так и для оценки факторов, влияющих на развитие региона [12—14].

В работе раскрывается содержание функционального подхода и характеризуются основные функции вузов, представляется авторская методика оценки функционирования вузов в регионе, описываются полученные результаты исследования, а также приводятся итоги корреляционного анализа реализации функций региональными вузами во взаимосвязи с основными социально-экономическими показателями развития регионов. В заключительной части статьи отражены основные выводы.

Функциональный подход к оценке региональных вузов

Функциональный подход предполагает, что рассматриваемый объект можно охарактеризовать через изучение сути и особенностей реализации его важнейших функций, так как качество выполнения каждой функции определяет качество функционирования объекта в целом.

Функциональный подход в исследованиях систем высшего образования применялся в работах разных авторов. Так, например, А. А. Фирсова и Г. Ю. Чернышова [11] с помощью анализа трех функций — образовательной, научной и функции инноваций и партнерства — оценивали на основе математических методов эффективность функционирования систем высшего образования регионов. Однако из-за сложности проведения расчетов и интерпретации полученных результатов данный подход не нашел широкого применения. В исследовании Е. В. Огурцовой и О. Ю. Челноковой [9] были выделены три основные функции университета — образовательная, научная и социальная. Каждая функция оценивалась по динамике от одного до трех показателей. Авторы отмечают, что «оценка функциональной динамики, структуры и объема реализации базовых функций региональных систем высшего образования позволяет сделать выводы о сбалансированности региональных систем высшего образования и их корреляции с развитием экономической системы региона» [9, с. 171]. Однако сформулированные выводы не были количественны

но подтверждены результатами корреляционного анализа, а комплексная оценка функционирования системы высшего образования в работе не была представлена. Эти результаты дают основания предполагать, что необходима новая комплексная модель оценки функционирования вузов в российских регионах.

Обзор научной литературы показал, что авторы выделяют разные функции вузов и по-разному их называют. Поэтому необходима прежде всего конкретизация этих функций. Основополагающими функциями высших учебных заведений исторически являются образовательная и научно-исследовательская. Именно они закреплены в миссиях большинства как российских, так и зарубежных вузов [15]. Образовательная функция предполагает интеграцию вуза в международную среду, поэтому важно оценивать ее еще и с позиций международной кооперации (обмен студентами и профессорами), что способствует обмену опытом и знаниями, расширяет образовательные и научно-исследовательские возможности.

Широкое распространение сегодня также получило обсуждение «третьей миссии» вуза, что обусловлено сменой парадигмы и переходом к модели «Университет 3.0», где к традиционным функциям добавляется функция служения региональному сообществу [16—18]. Все большее число исследователей склоняются к мнению, что вуз становится активным участником социально-экономической жизни на территории своего присутствия. Поэтому особую значимость приобретает социально-культурная функция университета. Кроме того, учитывая развивающуюся концепцию образования на протяжении всей жизни, следует отметить особенность высшего образования, которая заключается в широком охвате аудитории обучающихся разных возрастов. В связи с этим ряд авторов выделяет функцию переподготовки и повышения квалификации работников (напр., [19; 20]). Необходимость дополнительного рассмотрения управленческой функции, в свою очередь, объясняется зависимостью развития вуза от определяемых руководством приоритетов (исследовательский университет, предпринимательский университет и т.д.), от своевременности и качества принимаемых управленческих решений. Кроме того, управленческой функции большое внимание уделяет ESG-повестка, активно развивающаяся сегодня как логичное практико-ориентированное направление общемировой концепции устойчивого развития. Таким образом, совокупность пяти основных функций — образовательной, научно-исследовательской, переподготовки и повышения квалификации кадров, социально-культурной и управленческой — достаточно полно характеризует функционирование вузов.

Таким образом, в формировании ответов на глобальные вызовы современности регионы ищут возможности привлечения и эффективного использования различных ресурсов, в том числе человеческих и интеллектуальных. Реализация «третьей миссии» делает вузы важной движущей силой региона, для чего необходимо качественное исполнение всех функций и сбалансированность между ними.

Методика оценки функционирования вузов в регионе

Методика оценки, как уже было сказано выше, базируется на функциональном подходе и включает в себя ряд этапов. На первом этапе формируется система показателей для оценки уровня реализации функций вузов в регионе. Учитывая критерии содержательной ценности (выбранные показатели должны характеризовать функции системы высшего образования), доступности (наличие исходных данных в открытых статистических базах), непрерывности (наличие исходных данных за рассматриваемый период), для каждой из пяти функций были определены показатели для их оценки (табл. 2).

Таблица 2

**Показатели выполнения функций вузов
для устойчивого развития региона**

Функция	Показатели
Образовательная	<p>k1 — численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, на 1000 чел. населения</p> <p>k2 — численность профессорско-преподавательского состава (ППС) в расчете на 100 студентов</p> <p>k3 — удельный вес научно-педагогических работников (НПР), имеющих ученую степень кандидата и доктора наук, в общей численности НПР</p> <p>k4 — численность иностранных студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, в расчете на 100 студентов</p> <p>k5 — количество программ двойных дипломов в расчете на 1000 студентов</p> <p>k6 — число зарубежных ведущих профессоров и преподавателей в расчете на 1000 студентов</p> <p>k7 — удельный вес численности студентов, обучающихся по очной форме обучения по образовательным программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, прошедших обучение за рубежом не менее семестра (триместра), в общей численности студентов</p>
Научно-исследовательская	<p>k8 — численность аспирантов в расчете на 1000 студентов</p> <p>k9 — численность докторантов в расчете на 1000 студентов</p> <p>k10 — численность научных работников в расчете на 100 НПР</p> <p>k11 — количество лицензионных соглашений в расчете на 1000 НПР</p> <p>k12 — число статей, подготовленных совместно с зарубежными организациями, в расчете на 1000 НПР</p> <p>k13 — число публикаций на 100 НПР</p> <p>k14 — доля НИОКР в доходах организации</p>
Переподготовка и повышение квалификации	<p>k15 — общая численность слушателей дополнительного профессионального образования (ДПО) в расчете на 1000 студентов</p> <p>k16 — число предприятий, с которыми заключены договоры на подготовку специалистов, в расчете на 1000 студентов</p> <p>k17 — число предприятий, являющихся базами практики, с которыми оформлены договорные отношения, в расчете на 1000 студентов</p>
Социально-культурная	<p>k18 — количество персональных компьютеров на 1 студента</p> <p>k19 — количество экземпляров печатных изданий на 1 студента</p>
Управленческая	<p>k20 — доходы из всех источников на 1 студента</p> <p>k21 — общая численность работников образовательной организации на 100 студентов</p> <p>k22 — общая площадь зданий (помещений) на 1 студента</p> <p>k23 — средний балл ЕГЭ поступивших на бюджетные места</p> <p>k24 — средний балл ЕГЭ поступивших на коммерческие места</p>

Важно отметить, что при формировании системы показателей особую сложность составил их подбор по социально-культурной функции, которая связана с формированием у обучающихся высоких нравственных качеств и ценностей. «В широком смысле цель высшего образования состоит в создании условий для становления специалистов, понимающих новые явления и процессы общественной жизни, владеющих системой ценностей, культурных и этических принципов, норм поведения, готовых к социально-ответственной профессиональной деятельности и

непрерывному образованию в динамично меняющемся мире» [21, с. 7]. Установить ценности и принципы можно только через масштабные опросы населения, поэтому в открытых базах данных по регионам отсутствуют прямые показатели. Это выступает ограничением исследования. Однако вследствие высокой значимости социально-культурной функции в системе высшего образования ее не исключили из анализа. В предлагаемой авторской методике эта функция оценивается через косвенные показатели условий ее реализации, а именно через уровень доступности в вузе для обучающихся и преподавателей культурных и интеллектуальных ценностей в виде доступа к печатным и электронным изданиям.

Таким образом, пять функций системы высшего образования предлагается оценивать по 24 частным показателям, что позволяет получить комплексную оценку уровня функционирования вузов в регионах их присутствия.

Информационная база исследования включала в себя данные Мониторинга деятельности образовательных организаций высшего образования¹ и Мониторинга качества приема в вузы². В Мониторинге деятельности образовательных организаций высшего образования данные представлены в разрезе отдельных вузов, что потребовало их агрегирования по региону путем суммирования (в случае абсолютных показателей) или расчета на основе средней взвешенной (в случае относительных показателей).

С учетом того, что каждая из функций характеризуется показателями с разной размерностью, была проведена процедура нормализации их значений:

$$K_{ij} = \frac{k_{ij} - k_{min}}{k_{max} - k_{min}},$$

где K_{ij} — нормированное значение i -го показателя по j -му региону;

k_{ij} — значение i -го показателя по j -му региону;

k_{min} и k_{max} — соответственно минимальное и максимальное значение i -го показателя по всем рассматриваемым регионам.

В результате нормирования значения показателей переводятся в шкалу от 0 (наихудшее значение показателя) до 1 (наилучшее значение показателя). В таком виде они характеризуют уровень достижения результата по каждому из исследуемых параметров в сравнении с наилучшим достигнутым результатом в анализируемой выборке регионов.

На втором этапе производится расчет групповых индексов по каждой функции на основе средней арифметической из нормированных значений всех характеризующих ее показателей, а также интегрального индекса на основе средней геометрической из пяти функциональных групповых индексов, позволяющего комплексно оценить уровень реализации вузами всех функций в совокупности. Значения групповых (по отдельным функциям) и интегрального (по всем функциям в совокупности) индексов также находятся в диапазоне от 0 до 1.

При формировании методики расчета нормированных значений показателей, групповых и интегрального индексов был учтен опыт других исследователей (в частности [12; 22—24]), что дает определенную уверенность в надежности такого подхода и применимости его для оценки уровня функционирования вузов.

¹ Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга деятельности образовательных организаций высшего образования, 2021, *Главный информационно-вычислительный центр*, URL: <https://monitoring.miccedu.ru/?m=vpo&year=2021> (дата обращения: 10.07.2023).

² Мониторинг качества приема в вузы, 2022, *Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики*, URL: <https://ege.hse.ru> (дата обращения: 10.07.2023).

Для качественной интерпретации количественных значений групповых и интегральных индексов функционирования региональных вузов были определены их критериальные границы (табл. 3). При этом также был учтен существующий опыт расчета специализированных индексов, в том числе опыт составления рейтингов в области устойчивого развития¹.

Таблица 3

Критериальные границы групповых и интегральных индексов

Критериальные границы	0,00—0,24	0,25—0,49	0,5—0,74	0,75—1,00
Обозначение	С	В	А	А+
Характеристика уровня	Низкий	Недостаточный	Высокий	Лидирующий

Низкое значение индекса говорит о том, что необходимо всестороннее интенсивное воздействие, направленное на повышение уровня функционирования вузов в регионе. Недостаточный уровень свидетельствует о необходимости комплексного воздействия на отдельные функции или на отдельные разбалансированные показатели. Высокий уровень индекса говорит о важности дальнейшего развития функционирования региональных вузов и достижения сбалансированности в уровне реализации всех функций. Лидирующий — о максимально высоком уровне функционирования, о необходимости использования различных методов и инструментов по его поддержанию и транслированию в другие регионы.

Таким образом, использование предложенного методического инструментария позволяет оценить реализацию каждой из функций, комплексно оценить совокупный уровень функционирования вузов в регионе, провести сравнительный межфункциональный и межрегиональный анализ, выявить и оценить наличие взаимосвязей между групповыми и интегральными индексами.

Результаты исследования

Предложенный методический инструментарий был апробирован на примере регионов Северо-Западного федерального округа (СЗФО). В выборку вошли десять из одиннадцати входящих в него регионов (Ненецкий автономный округ был исключен из анализа из-за отсутствия большинства необходимых данных).

На первом этапе исследования была сформирована база данных по показателям функционирования вузов (перечень которых представлен в таблице 2). Данные были собраны за семь лет: с 2015 по 2021 г.²

Проведенный анализ показал, что в восьми из десяти регионов СЗФО прослеживается снижение количества студентов, приходящегося на 1000 жителей региона. Исключение составили Санкт-Петербург и Псковская область (рис. 1). Данная негативная тенденция в округе была отмечена и в исследованиях С. В. Горохова и Е. В. Савенковой [25], а также Е. В. Ерохиной и Г. Ю. Гагариной [7]. В целом это говорит о снижении доступности высшего образования в регионах СЗФО.

Тенденцию к снижению в девяти из десяти регионов демонстрирует и показатель количества ППС на 100 студентов, исключение составила лишь Ленинградская область, где показатель вырос (с 3,55 до 4,14).

¹ Индексы РСПП в области устойчивого развития. Москва, 2021, *Российский союз промышленников и предпринимателей*, URL: <http://media.rspp.ru/document/1/4/7/47655a38f-9c7740514c3eab59958cee1.pdf> (дата обращения: 05.05.2022) ; ESG-рэнкинг субъектов РФ, 2021, *RAEX Rating Review*, URL: https://raex-rr.com/esg/ESG_rating_regions (дата обращения: 05.05.2022).

² Более ранние и более поздние периоды не были включены из-за отсутствия необходимых данных.

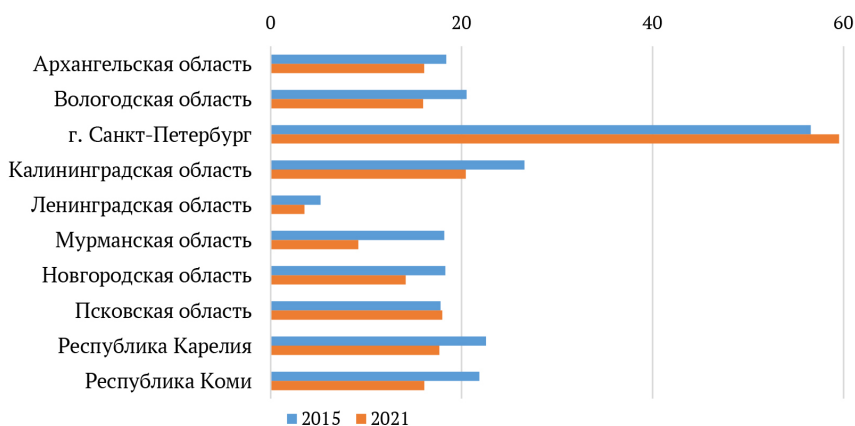


Рис. 1. Динамика численности студентов на 1000 жителей региона

Удельный вес НПП с ученой степенью в Санкт-Петербурге оставался относительно стабильным весь анализируемый период (превышая 73%). В семи регионах СЗФО наблюдался рост показателя. Лишь Ленинградская и Новгородская области при достаточно высоком начальном уровне (выше, чем в Санкт-Петербурге) демонстрировали тенденцию к его снижению (рис. 2).

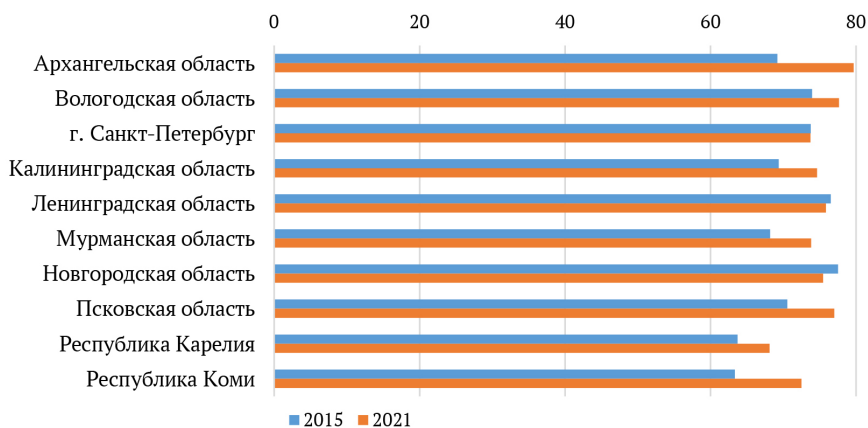


Рис. 2. Динамика удельного веса НПП с ученой степенью

Доля иностранных студентов выросла в вузах восьми из десяти регионов округа. Исключение составляют Ленинградская и Псковская области, где она снизилась (с 7,02 до 6,93 % и с 9,11 до 8,68 % соответственно). В свою очередь, доля студентов, обучающихся не менее семестра (триместра) за рубежом, снизилась везде, кроме Вологодской и Новгородской областей, где она выросла с 0 до 0,02 % и с 0,13 до 0,38 % соответственно.

Количество зарубежных профессоров в расчете на 1000 студентов за анализируемый период увеличилось в пяти регионах СЗФО (рис. 3). Однако в 2021 г. их количество повсеместно снизилось по сравнению с 2020 г. (вероятнее всего, из-за влияния внешнеполитических факторов), в том числе до нуля в четырех регионах СЗФО.

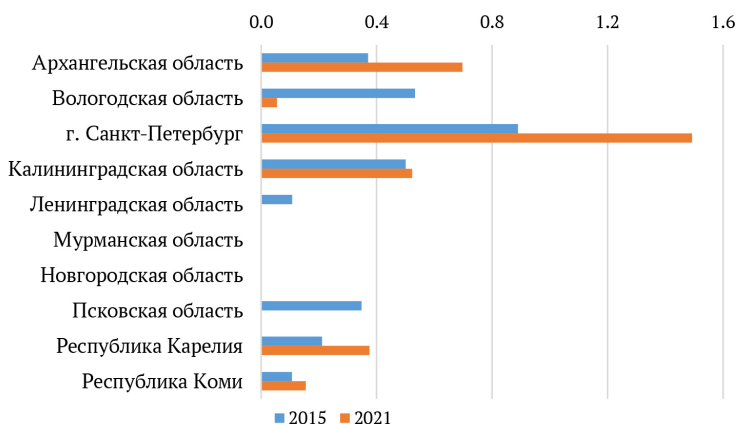


Рис. 3. Динамика количества зарубежных профессоров на 1000 студентов

Количество аспирантов на 1000 студентов возросло в Архангельской, Калининградской, Мурманской и Псковской областях, в других регионах округа данный показатель снизился. В 2021 г. он варьировался от 3,25 в Ленинградской области до 45,71 в Санкт-Петербурге.

Критически упало в 2021 г. количество докторантов на 1000 студентов: до нуля в вузах семи из десяти регионов при максимальном значении показателя в 0,28 (Санкт-Петербург). Отрицательная динамика числа аспирантов и докторантов подрывает будущий научный потенциал регионов СЗФО.

Доля НИОКР в доходах вузов выросла в четырех регионах СЗФО (Архангельская, Калининградская, Мурманская и Псковская области) и снизилась во всех остальных (рис. 4).

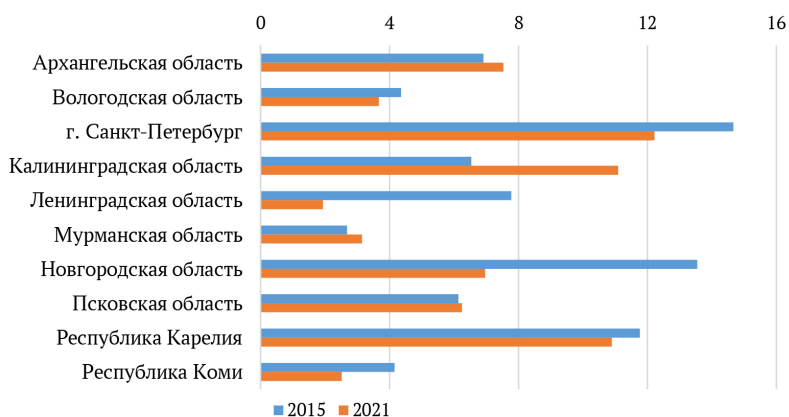


Рис. 4. Динамика доли НИОКР в доходах вузов

Количество публикаций на 100 НПР возросло во всех регионах за исключением Архангельской области (рис. 5). Выросло и количество статей, подготовленных совместно с зарубежными организациями, в расчете на 1000 НПР во всех регионах СЗФО (рис. 6). По мнению специалистов, мощным стимулом для повышения публикационной активности стало введение в вузах системы эффективных контрактов [26].

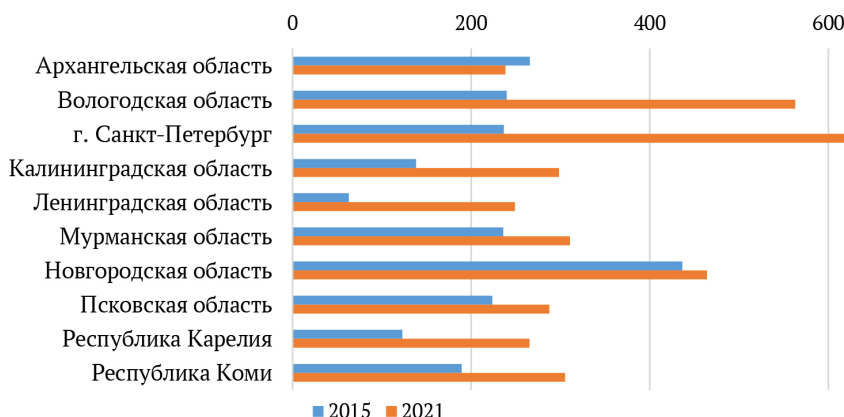


Рис. 5. Динамика количества публикаций на 100 НПП

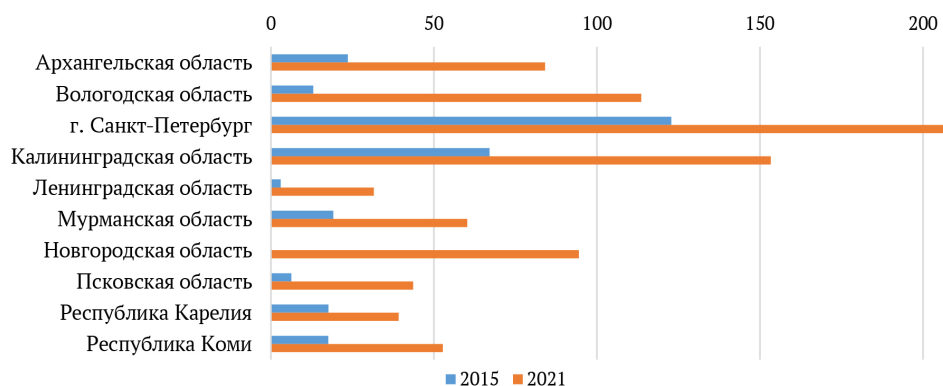


Рис. 6. Динамика количества статей, подготовленных совместно с зарубежными организациями, в расчете на 1000 НПП

В девяти из десяти регионов СЗФО увеличилось количество слушателей программ дополнительного профессионального образования в расчете на 1000 студентов. Исключение составила Республика Карелия, где показатель упал с 282,58 в 2015 г. до 219,64 в 2021 г.

В семи регионах выросло число предприятий, с которыми заключены договоры на подготовку специалистов в расчете на 1000 студентов (рис. 7). Тесное сотрудничество вузов с работодателями положительно сказывается на экономике регионов, поскольку предприятия получают столь необходимые им молодые кадры, а выпускники — перспективное место трудоустройства. Как показывают исследования других авторов, выпускники, работающие по специальности, имеют более высокий заработок и более высокий уровень удовлетворенности трудом [27].

Число компьютеров на одного студента росло в рассматриваемом периоде в девяти регионах, за исключением Вологодской области, где показатель увеличивался до 2019 г. и потом снизился в 2021 г. до уровня 0,25, что является минимальным значением в округе (при максимальном значении 0,42 в Мурманской области). Более широкое использование систем электронных ресурсов привело к сокращению

количества печатных учебных изданий на одного студента в восьми регионах из десяти, кроме Республики Коми и Мурманской области, где показатель за анализируемый период вырос до 258,76 и 226,22 соответственно, что представляет собой максимальные значения среди регионов округа (при минимальном значении 110,25 в Калининградской области).

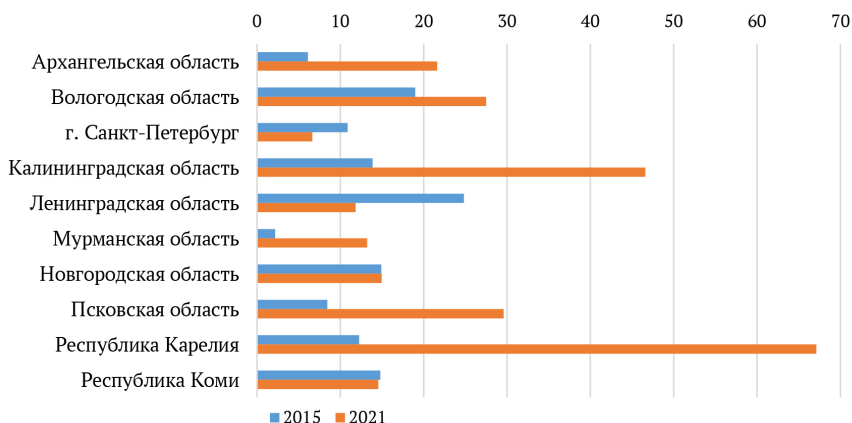


Рис. 7. Динамика числа предприятий, с которыми заключены договоры на подготовку специалистов, в расчете на 1000 студентов

Порочная практика интенсификации преподавательского труда и повсеместной «оптимизации» деятельности вузов сопровождалась негативной тенденцией к падению общего количества работников образовательных организаций, приходящихся на 100 студентов в девяти регионах СЗФО (рис. 8). Данный тренд противоречит заявляемым целям повышения качества образования и индивидуализации образовательных траекторий студентов.

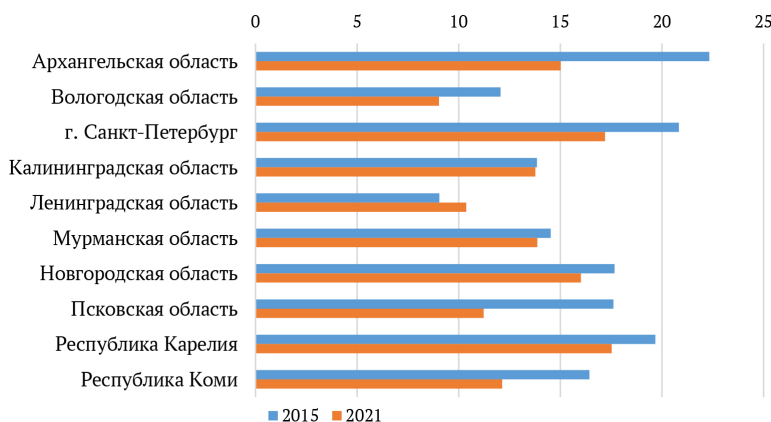


Рис. 8. Динамика количества работников на 100 студентов

В динамике повсеместно отмечается рост доходов из всех источников в расчете на одного студента, в восьми регионах выросла площадь зданий (помещений), приходящихся на одного студента (исключение составляют Санкт-Петербург и Псковская область, где показатель снизился с 18,14 до 17,43 м² и с 18,26 до 17,94 м² соответственно).

Средний балл ЕГЭ зачисленных на бюджет демонстрировал рост во всех регионах СЗФО, кроме Псковской области, где он упал с 64,1 до 63,3. Минимальный уровень этого показателя в течение всего анализируемого периода отмечался в Вологодской области: от 59,0 в 2015 г. до 62,7 в 2021 г. Средний балл ЕГЭ зачисленных на места по договору об образовании за анализируемый период вырос в восьми регионах из десяти за исключением Вологодской области и Республики Коми, где он снизился с 62,9 до 62,7 и с 58,8 до 58,3 соответственно.

Таким образом, анализ динамики отдельных показателей, включенных в систему оценки функционирования вузов, показал наличие ряда положительных тенденций в большинстве регионов (в частности, рост публикационной активности, увеличение количества слушателей программ дополнительного профессионального образования, рост доходов на одного студента, повышение среднего балла ЕГЭ и т. д.), что обуславливает положительное влияние вузов на региональное развитие. Однако наряду с этим был отмечен и ряд общих негативных тенденций (таких как снижение количества студентов, численности ППС и общего количества работников образовательных организаций и т. д.), что может оказать существенное негативное влияние на будущий интеллектуальный и научный потенциал регионов СЗФО.

Агрегирование отдельных данных в групповые индексы позволяет охарактеризовать уровень реализации каждой функции вузов. В таблице 4 отображены значения групповых индексов на начало и конец исследуемого периода, а также их динамика.

Таблица 4

Динамика групповых индексов функционирования вузов регионов СЗФО

Регион		Архангельская область	Вологодская область	Санкт-Петербург	Калининградская область	Ленинградская область	Мурманская область	Новгородская область	Псковская область	Республика Карелия	Республика Коми
Образовательная функция	2015	0,47 В	0,29 В	0,74 А	0,33 В	0,27 В	0,15 С	0,35 В	0,42 В	0,40 В	0,16 С
	2021	0,67 А	0,17 С	0,86 А+	0,37 В	0,21 С	0,13 С	0,51 А	0,30 В	0,38 В	0,15 С
	Изменение за период	0,2	-0,12	0,12	0,04	-0,06	-0,02	0,16	-0,12	-0,02	-0,01
Научно-исследовательская функция	2015	0,37 В	0,15 С	0,76 А+	0,44 В	0,07 С	0,20 С	0,57 А	0,17 С	0,45 В	0,16 С
	2021	0,37 В	0,43 В	0,86 А+	0,50 А	0,02 С	0,20 С	0,33 В	0,15 С	0,29 В	0,08 С
	Изменение за период	0,00	0,28	0,10	0,06	-0,05	0,00	-0,24	-0,02	-0,16	-0,08
Функция переподготовки и повышения квалификации	2015	0,40 В	0,63 А	0,39 В	0,69 А	0,52 А	0,14 С	0,27 В	0,13 С	0,28 В	0,47 В
	2021	0,48 В	0,47 В	0,20 С	0,73 А	0,33 В	0,26 В	0,21 С	0,31 В	0,52 А	0,39 В
	Изменение за период	0,08	-0,16	-0,19	0,04	-0,19	0,12	-0,06	0,18	0,24	-0,08

Окончание табл. 4

Регион		Архангельская область	Вологодская область	Санкт-Петербург	Калининградская область	Ленинградская область	Мурманская область	Новгородская область	Псковская область	Республика Карелия	Республика Коми
Социально-культурная функция	2015	0,99 A+	0,77 A+	0,61 A	0,34 B	0,14 C	0,32 B	0,31 B	0,70 A	0,92 A+	0,43 B
	2021	0,72 A	0,23 C	0,36 B	0,25 B	0,10 C	0,89 A+	0,42 B	0,52 A	0,46 B	0,70 A
	Изменение за период	-0,27	-0,54	-0,25	-0,09	-0,04	0,57	0,11	-0,18	-0,46	0,27
Управленческая функция	2015	0,60 A	0,30 B	0,95 A+	0,41 B	0,45 B	0,21 C	0,38 B	0,39 B	0,49 B	0,48 B
	2021	0,48 B	0,11 C	0,82 A+	0,50 A	0,49 B	0,41 B	0,45 B	0,20 C	0,48 B	0,38 B
	Изменение за период	-0,12	-0,19	-0,13	0,09	0,04	0,20	0,07	-0,19	-0,01	-0,10

Примечание: * фоном выделен низкий уровень (C) групповых индексов функций вузов регионов; жирным шрифтом — лидирующий уровень (A+) групповых индексов функций вузов регионов.

Источник: рассчитано на основе данных Мониторинга деятельности образовательных организаций высшего образования¹ и Мониторинга качества приема в вузы².

Как следует из таблицы 4, лидирующий уровень (A+) реализации образовательной функции был отмечен в 2021 г. только у вузов Санкт-Петербурга. Это может объясняться тем, что данный регион лидирует в сравнении с другими регионами СЗФО по трем из семи показателей оценки данной функции (численность студентов на 1000 жителей, количество программ двойных дипломов на 1000 студентов, количество зарубежных профессоров на 1000 студентов), а по остальным четырем из семи показателей имеет высокие значения.

Архангельская область за анализируемый период улучшила позиции с уровня В до уровня А за счет увеличения удельного веса НПР, имеющих ученую степень кандидата и доктора наук, доли иностранных студентов в общей численности студентов и высокого удельного веса студентов, прошедших обучение за рубежом не менее семестра (триместра), в общей численности студентов.

Улучшение позиций Новгородской области до уровня А произошло за счет увеличения доли иностранных студентов в общей численности студентов и количества программ двойных дипломов на 1000 студентов, а также высокого значения удельного веса НПР, имеющих ученую степень кандидата и доктора наук.

Следует отметить, что в групповой индекс образовательной функции включены показатели международного студенческого обмена. Т. И. Яськова объясняет их вы-

¹ Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга деятельности образовательных организаций высшего образования, 2021, *Главный информационно-вычислительный центр*, URL: <https://monitoring.miccedu.ru/?m=vpo&year=2021> (дата обращения: 10.07.2023).

² Мониторинг качества приема в вузы, 2022, *Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики*, URL: <https://ege.hse.ru> (дата обращения: 10.07.2023).

сокие значения в данных регионах наличием длительного опыта международного сотрудничества и партнерских отношений с учебными заведениями стран Северной Европы и Балтии, что обусловлено в том числе и особым географическим положением [1].

Низкий уровень (С) реализации образовательной функции наблюдался в течение всего исследуемого периода в Республике Коми и Мурманской области. В данных регионах не реализуются программы двойных дипломов, низка доля иностранных студентов и оставляет желать лучшего количество зарубежных профессоров в расчете на 1000 студентов. В Ленинградской области групповой индекс образовательной функции за рассматриваемый период снизился с уровня В до уровня С. Это объясняется уменьшением количества студентов на 1000 жителей региона, числа зарубежных профессоров на 1000 студентов и удельного веса НПР, имеющих ученую степень. Аналогичное снижение до уровня С наблюдалось в Вологодской области, что было обусловлено значительным сокращением количества студентов на 1000 жителей региона, числа ППС на 100 студентов и зарубежных профессоров на 1000 студентов. Нельзя не согласиться с мнением и других авторов о том, что негативные тенденции в сфере подготовки кадров ослабляют экономику регионов и девальвируют ее конкурентные преимущества [7].

Лидирующий уровень (А+) в реализации научно-исследовательской функции среди регионов СЗФО в анализируемом периоде также сохранялся у Санкт-Петербурга. Калининградская область в 2021 г. вышла на нижнюю границу уровня А. Это связано с ростом количества аспирантов на 1000 студентов, количества публикаций на 100 НПР и роста доли от НИОКР в доходах образовательных организаций. Вологодская область продемонстрировала самый большой прирост в значении группового индекса научно-исследовательской функции, что было обусловлено увеличением числа научных работников на 100 НПР, ростом публикационной активности и количества лицензионных соглашений в расчете на 1000 НПР.

Самое большое снижение индекса за рассматриваемый период наблюдалось у Новгородской области, что объясняется сокращением количества аспирантов и докторантов в расчете на 1000 студентов, а также числа научных работников на 100 НПР и лицензионных соглашений на 1000 НПР. Низкий уровень (С) реализации научно-исследовательской функции наблюдался в течение всего исследуемого периода в Республике Коми, а также в Ленинградской и Псковской областях. Негативные тенденции в научной и инновационной сферах в данных регионах, такие как снижение численности исследователей с учеными степенями, падение числа организаций, ведущих подготовку аспирантов, и т. п. отмечают и другие исследователи (напр., [25]).

Высокий уровень (А) реализации функции переподготовки и повышения квалификации за анализируемый период наблюдался в Калининградской области. Рост индекса отмечен в Архангельской, Мурманской и Псковской областях, а также в Республике Карелия, где в 2021 г. индекс достиг уровня А. Снижение индекса продемонстрировали Вологодская, Новгородская, Ленинградская области, Республика Коми, а также лидер двух предыдущих функций — Санкт-Петербург.

Групповой индекс социально-культурной функции в 2021 г. был на лидирующем уровне (А+) у Мурманской области и на высоком уровне (А) у Архангельской и Псковской областей и Республики Коми за счет высоких значений всех показателей, используемых для оценки данной функции. При этом Вологодская область и Республика Карелия продемонстрировали экстремальное снижение индекса (на две позиции), что обусловлено снижением всех показателей, используемых для оценки данной функции. У Ленинградской области низкий уровень (С) группового индекса данной функции отмечался на протяжении всего анализируемого периода.

Лидирующий уровень (А+) реализации управленческой функции на протяжении всего анализируемого периода демонстрирует Санкт-Петербург. В данном регионе по сравнению со всеми остальными наблюдались наивысшие значения по четырем из пяти показателей, кроме площади зданий (помещений), приходящейся на одного студента. В Мурманской области за анализируемый период индекс демонстрировал максимальный прирост в 0,2, что было обусловлено ростом доходов и площади в расчете на одного студента и менее интенсивным по сравнению с другими регионами снижением показателей количества работников на 100 студентов. Рост группового индекса с уровня В до уровня А наблюдался в Калининградской области, что объясняется преимущественно ростом показателей средних баллов ЕГЭ у абитуриентов, поступающих на бюджетные места и на места по договору об образовании. По мнению Т.И. Яськовой, данный регион помимо физико-географических и историко-культурных особенностей привлекает студентов режимом приграничного сотрудничества с европейскими государствами [1].

Вологодская и Псковская области демонстрировали максимальное снижение данного индекса за анализируемый период. В обоих регионах снижение обусловлено сокращением количества работников вузов на 100 студентов и более медленным ростом по сравнению с другими регионами округа среднего балла ЕГЭ у абитуриентов, поступающих в вуз на бюджетное место, а также размера доходов из всех источников в расчете на 1 студента.

Анализ групповых индексов анализируемых пяти функций вузов в разрезе регионов позволил выявить межфункциональную разбалансировку во всех регионах СЗФО. Максимальная разница между групповыми индексами отдельных функций в 2021 г. была у Мурманской области и составила 0,76. Критически высокие значения наблюдались также в Санкт-Петербурге и Республике Коми (0,66 и 0,62 соответственно).

Сравнение групповых индексов функций вузов между регионами также показывает высокий уровень их разнородности, о чем свидетельствуют описательные статистики (табл. 5).

Таблица 5

**Описательные статистики групповых индексов
анализируемых функций высших учебных заведений регионов СЗФО**

Описательные статистики	Функция				
	Образовательная	Научно-исследовательская	Переподготовки и повышения квалификации	Социально-культурная	Управленческая
Среднее	0,371	0,333	0,334	0,499	0,441
Медиана	0,348	0,334	0,324	0,494	0,426
Минимум	0,113	0,013	0,010	0,011	0,056
Максимум	0,860	0,859	0,821	0,994	0,950
Стандартное отклонение	0,192	0,210	0,191	0,242	0,192
Вариация	0,517	0,631	0,575	0,485	0,435
Асимметрия	0,821	0,684	0,478	0,023	0,697
Эксцесс	-0,136	0,0537	-0,188	-0,750	0,827

Высокий коэффициент вариации групповых индексов анализируемых функций свидетельствует о значительной степени их дифференциации внутри группы анализируемых регионов. Положительная асимметрия говорит о том, что в распределении чаще встречаются значения меньше среднего. Это является следствием упо-

мянутого ранее эффекта моноцентризма Санкт-Петербурга. Показатели данного региона в большой степени увеличивают среднее значение, в то время как значения признака в других регионах округа оказываются более низкими.

Анализ парных корреляций между групповыми индексами отдельных функций вузов регионов СЗФО (табл. 6) показал, что групповые индексы образовательной и научно-исследовательской функций имеют сильную статистически значимую связь между собой. Кроме того, каждый из этих индексов положительно и статистически значимо связан с групповым индексом управленческой функции.

Таблица 6

Парные корреляции переменных

Групповые индексы	ГИОФ	ГИНИФ	ГИФППК	ГИСКФ	ГИУФ
Групповой индекс образовательной функции (ГИОФ)	1,000	0,777*	0,001	0,039	0,734*
Групповой индекс научно-исследовательской функции (ГИНИФ)	0,777*	1,000	0,058	0,086	0,669*
Групповой индекс функции переподготовки и повышения квалификации (ГИФППК)	0,001	0,058	1,000	0,081	0,00
Групповой индекс социально-культурной функции (ГИСКФ)	0,039	0,086	0,081	1,000	0,025
Групповой индекс управленческой функции (ГИУФ)	0,734*	0,669*	0,00	0,025	1,000

Примечание: * корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

Анализ динамики интегральных индексов функционирования вузов регионов (табл. 7) показал, что высокий уровень (А) наблюдался у двух регионов — Архангельской области и Санкт-Петербурга. И если у первого региона показатель за анализируемый период был относительно стабильным, то у второго, несмотря на лидерство по трем из пяти анализируемых функций, выявлен существенный спад.

Таблица 7

Интегральные индексы функционирования вузов регионов СЗФО

Регион	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	Изменение за период
Архангельская область	0,53 А	0,53 А	0,48 В	0,52 А	0,50 А	0,55 А	0,53 А	0,00
Вологодская область	0,36 В	0,36 В	0,32 В	0,33 В	0,30 В	0,20 С	0,24 С	-0,12
Санкт-Петербург	0,66 А	0,59 А	0,62 А	0,52 А	0,50 А	0,50 А	0,54 А	-0,12
Калининградская область	0,42 В	0,37 В	0,36 В	0,49 В	0,46 В	0,43 В	0,44 В	0,02
Ленинградская область	0,23 С	0,14 С	0,17 С	0,12 С	0,06 С	0,14 С	0,15 С	-0,08
Мурманская область	0,19 С	0,26 В	0,35 В	0,33 В	0,39 В	0,37 В	0,30 В	0,11
Новгородская область	0,36 В	0,29 В	0,39 В	0,36 В	0,27 В	0,33 В	0,37 В	0,01
Псковская область	0,30 В	0,15 С	0,16 С	0,19 С	0,26 В	0,27 В	0,27 В	-0,03
Республика Карелия	0,47 В	0,44 В	0,40 В	0,42 В	0,44 В	0,42 В	0,42 В	-0,05
Республика Коми	0,30 В	0,29 В	0,23 С	0,21 С	0,22 С	0,25 В	0,26 В	-0,04

Примечание: фоном выделен низкий уровень (С) интегральных индексов функционирования вузов регионов.

Недостаточный уровень функционирования был стабильно присущ вузам Калининградской и Новгородской областей (с положительной динамикой), а также Республики Карелия (с отрицательной динамикой). Вырос уровень функционирования с категории С до категории В у Мурманской области. Находились в переходном состоянии между этими двумя уровнями вузы Псковской области и Республики Коми. Понижение уровня функционирования с категории В до категории С отмечалось в Вологодской области.

Следует также отметить низкий уровень реализации функций с отрицательной динамикой в Ленинградской области. Выявленная нами динамика согласуется с результатами исследований других авторов, объясняющих ее феноменом «столицентризма», который предполагает, что вузы города федерального значения Санкт-Петербурга более привлекательны, чем вузы Ленинградской области, как для абитуриентов, так и для научно-педагогических работников [28].

Для того чтобы охарактеризовать влияние функционирования вузов на региональное развитие, был проведен анализ корреляционной связи между функционированием вузов и основными показателями социально-экономического состояния региона. Источниками данных для этих показателей были Росстат¹, ЕМИСС² и Рейтинг регионов РФ по качеству жизни, регулярно публикуемый рейтинговым агентством «РИА Рейтинг»³. С учетом разной размерности показателей была проведена процедура нормализации их значений в соответствии с формулой (см. с. 122). Затем были рассчитаны парные корреляции между групповыми индексами каждой функции и нормированными значениями социально-экономических показателей региона. Значения рассчитанных коэффициентов корреляции приведены в таблице 8.

Таблица 8

**Результаты корреляционного анализа показателей регионального развития
и групповых индексов функций вузов**

Показатель	Групповой индекс				
	ГИОФ	ГИНИФ	ГИФППК	ГИСКФ	ГИУФ
ВРП на душу населения, руб.	0,06	0,26	-0,08	0,02	0,53
Доля инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, работ, услуг	0,51	0,37	-0,01	0,25	0,46
Уровень инновационной активности организаций, отношение числа организаций, осуществлявших инновационную деятельность, к общему числу обследованных в отчетном году организаций	0,38	0,50	-0,40	-0,10	0,49
Уровень занятости населения, %	0,19	0,41	-0,03	-0,23	0,60
Количество высокопроизводительных рабочих мест на 1000 человек занятого населения	0,35	0,36	-0,09	0,13	0,51
Соотношение среднедушевых доходов и прожиточного минимума	0,50	0,53	-0,07	-0,22	0,70
Качество жизни (рейтинг)	0,22	0,29	0,10	-0,53	0,50

Примечание: жирным шрифтом обозначены значимые положительные корреляции ($p = 0,05$), фоном — значимые отрицательные корреляции ($p = 0,05$).

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели, *Росстат*, URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 01.07.2023).

² Официальные статистические показатели, *ЕМИСС*, URL: <https://fedstat.ru/> (дата обращения: 28.08.2023).

³ Рейтинг российских регионов по качеству жизни — 2021, 2022, *РИА Новости*, URL: https://ria.ru/20220214/kachestvo_zhizni-1772505597.html (дата обращения: 01.07.2023).

Корреляционный анализ показал положительную и статистически значимую связь четырех из семи анализируемых показателей с групповым индексом образовательной функции, а также пяти из семи рассматриваемых показателей социально-экономического развития региона с реализацией научно-исследовательской функции. Последняя взаимосвязь прослеживалась ранее и в других исследованиях. Так, А. А. Носков делает вывод, что научная деятельность вузов влияет на инновационное развитие регионов и является значимым фактором их экономического роста [29].

Отрицательная корреляция между социально-культурной функцией и качеством жизни населения региона может говорить о проблемах в реализации этой функции, о том, что она не оказывает ожидаемого влияния на региональное развитие. Как было указано ранее, в семи из десяти регионов СЗФО групповой индекс социально-культурной функции за анализируемый период снизился. Возможно, результат связан с ее оценкой на основе косвенных показателей, осуществленной в данном исследовании. Поэтому считается целесообразным проведение дополнительных исследований социально-культурной функции университета, способов оценки ее реализации и влияния на региональное развитие. Отрицательная корреляция инновационной активности компаний с групповым индексом функции переподготовки и повышения квалификации может объясняться тем, что инновационные компании могут снижать свою открытость к взаимодействию со студентами в целях сохранения коммерческой тайны инновационного производства. Также это дает основание предположить, что влияние этой функции имеет отложенный во времени эффект: пока сотрудники повышают свою квалификацию и проходят переподготовку, инновационный потенциал компании не может быть использован полностью.

Наличие положительной статистически значимой корреляции между реализацией управленческой функции и основными региональными социально-экономическими показателями дает основание предположить, что синхронизация политики развития региона и региональных вузов посредством обозначения общих целей и направлений развития может привести к наилучшим результатам в интересах устойчивого развития регионов СЗФО.

Таким образом, можно сделать вывод, что функционирование вузов оказывает значимое воздействие на социально-экономическое развитие регионов их присутствия. Применение предлагаемой методики оценки функционирования вузов поможет определить дополнительные возможности для социально-экономического развития регионов или выявить проблемные области, ему препятствующие. Так, например, регионам СЗФО следует обратить внимание на значительный дисбаланс между реализацией основных функций вузов, поскольку общий результат воздействия высшего образования на регион ограничен «самым слабым звеном системы» и является сдерживающим фактором в достижении наилучших результатов.

Заключение

Сегодня развитию регионов уделяется большое внимание. В целом развитие (производительность региональной экономики) определяется естественными условиями: выгодное географическое положение, сырьевые и агроклиматические ресурсы, но реализация этого потенциала зависит и от эффективности политики властей, в том числе по использованию человеческого капитала [2]. Человеческий капитал становится ключевым ресурсом в экономике знаний, и на его формирование значительное влияние оказывает высшее образование.

В данном исследовании была проведена оценка уровня функционирования вузов в регионах СЗФО. Необходимость проведения такой оценки обусловлена важной ролью высшего образования в региональном социально-экономическом развитии. Авторы работы присоединяются к мнению своих коллег о том, что проведение

диагностики эффективности функционирования региональных вузов и поиск подходящих инструментов управления ими является актуальной задачей в современных условиях [30].

Предложенная в статье методика позволяет на основе открытых статистических данных получить комплексную оценку уровня функционирования вузов, отследить динамику отдельных индикаторов, групповых и интегрального индекса, обнаружить узкие места в реализации функций региональных вузов, провести межфункциональные и межрегиональные сравнения и разработать рекомендации по совершенствованию функционирования вузов в интересах регионального развития.

Апробация методики на примере регионов Северо-Западного федерального округа показала, что регионы в значительной степени дифференцированы по уровню функционирования вузов. Корреляционный анализ показал наличие статистически значимой связи между степенью реализации отдельных функций вузов и основными социально-экономическими показателями регионов. Поскольку во всех регионах округа была отмечена несбалансированность в реализации функций, то это ограничивает возможности воздействия высшего образования на региональное развитие. Результаты нашего исследования могут быть учтены представителями региональных, федеральных органов власти, а также руководством самих вузов при разработке конкретных мероприятий по совершенствованию функционирования вузов для благоприятного воздействия на социально-экономическое развитие регионов Северо-Западного федерального округа.

Теоретико-методологическая значимость работы заключается в обобщении результатов предыдущих эмпирических исследований, выявлении основных функций вузов, разработке методики оценки функционирования вузов в контексте социально-экономического развития регионов. В качестве дальнейшего направления исследования рассматривается проведение оценки влияния функционирования вузов на устойчивое развитие регионов их присутствия. Результаты могут стать основой разработки системы рекомендаций по оптимизации функционирования вузов региона в интересах его устойчивого развития.

Список литературы

1. Яськова, Т. И. 2020, Современное состояние научно-образовательной системы СЗФО в контексте развития человеческого капитала, *Балтийский регион — регион сотрудничества. Регионы в условиях глобальных изменений*, т. 4, ч. 1, с. 245—253. EDN: PUMBWI
2. Земцов, С. П., Смелов, Ю. А. 2018, Факторы регионального развития в России: география, человеческий капитал или политика регионов, *Журнал Новой экономической ассоциации*, т. 4, № 40, с. 84—108, <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2018-40-4-4>
3. Комарова, А. В., Крицына, Е. А. 2012, О вкладе человеческого капитала в рост ВРП регионов России, *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Социально-экономические науки*, т. 12, № 3, с. 5—14. EDN: PUANIT
4. Карпов, А. О. 2017, Современный университет как драйвер экономического роста: модели и миссии, *Вопросы экономики*, № 3, с. 58—76, <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2017-3-58-76>
5. Мальковец, Н. В. 2019, Третья функция университета: потребность или обязанность, *Society and Security Insights*, т. 2, № 3, с. 177—184, [https://doi.org/10.14258/ssi\(2019\)3-6282](https://doi.org/10.14258/ssi(2019)3-6282)
6. Продиблох, Н. Е. 2018, Социальная роль университета в современном трансформирующемся обществе, *Вестник Майковского государственного технологического университета*, № 1, с. 87—92. EDN: XUNRTV
7. Ерохина, Е. В., Гагарина, Г. Ю. 2019, Особенности развития цифровой экономики в Северо-Западном федеральном округе: проблемы и перспективы, *Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова*, № 3, с. 49—68, <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2019-3-49-68>
8. Ранде, Ю. П. 2019, Особенности формирования интеллектуального ресурса в российской экономике, В: Золотухина, В. М., Михайлова, В. Г. (ред.), *Проблемы экономики и*

управления: социокультурные, правовые и организационные аспекты, сборник статей магистрантов и преподавателей КузГТУ, Кемерово, Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачева, с. 271—281. EDN: IUBCUY

9. Огурцова, Е. В., Челнокова, О. Ю. 2018, Оценка реализации базовых функций региональных систем высшего образования, *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право*, т. 18, № 2, с. 169—175. EDN: UOQNKA

10. Соловьева, Л. В., Соловьева, В. И. 2016, Образование как фактор социально-экономического развития России и ее регионов, *Экономика. Информатика*, т. 40, № 23 (244), с. 22—29. EDN: XRZZCH

11. Firsova, A. A., Chernyshova, G. Yu. 2019, Mathematical Models for Evaluation of the Higher Education System Functions with DEA Approach, *Изв. Сарат. ун-та. Новая серия. Серия: Математика. Механика. Информатика*, т. 19, № 3, с. 351—362, <https://doi.org/10.18500/1816-9791-2019-19-3-351-362>

12. Фрейман, Е. Н., Третьякова, Е. А. 2020, Трансакционный сектор региона и его влияние на экономику субъектов РФ: структурно-функциональный подход, М., МНФРА-М, <https://doi.org/10.12737/1027398>

13. Носков, А. А. 2018, Методические направления оценки инновационного развития регионов и научно-инновационной деятельности вузов, *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки*, № 4, с. 363—372, <https://doi.org/10.15593/2224-9354/2018.4.30>

14. Сумарокова, М. А., Гущенко, Н. Д. 2019, Методические подходы к формированию интегральной оценки потенциала развития территории, *Казанский экономический вестник*, № 4, с. 84—94. EDN: GXLGUT

15. Емельянова, И. Н., Волосникова, Л. М. 2018, Функции современных университетов: сравнительный анализ миссий отечественных и зарубежных вузов, *Университетское управление: практика и анализ*, т. 22, № 1, с. 83—92, <https://doi.org/10.15826/umpra.2018.01.008>

16. Giesenbauer, B., Müller-Christ, G. 2020, University 4.0: Promoting the Transformation of Higher Education Institutions toward Sustainable Development, *Sustainability*, vol. 12, № 8, 3371, <https://doi.org/10.3390/su12083371>

17. Уланова, Г. В. 2018, Университет как драйвер экономического и социального развития региона (на примере Республики Калмыкия), *Новые технологии*, № 1, с. 194—200. EDN: XNRSZF

18. Карпов, А. О. 2017, Университет 3.0-социальные миссии и реальность, *Социологические исследования*, № 9, с. 114—124. EDN: ZFTRPD

19. Серякова, С., Кравченко, В. 2016, *Дополнительное профессиональное образование в России и странах Западной Европы: сопоставительный анализ*, М., Прометей. EDN: YSFVNN

20. Ибрагимов, И. О. 2015, Профессиональная компетентность специалиста в непрерывном образовании, *Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки*, т. 30, № 4, с. 187—192. EDN: UDJULB

21. Худин, А. Н. 2018, Управленческие механизмы устойчивого развития образовательного процесса в университете, *Педагогическое образование и наука*, № 1, с. 7—11. EDN: XOZVRB

22. Ускова, Т. В. 2009, *Управление устойчивым развитием региона*, Вологда, ИСЭРТ РАН. EDN: QDFWAD

23. Данилова, И. В., Килина, И. П. 2019, Инновационное пространство: теоретические и методические аспекты, *Управление экономическими системами: электронный научный журнал*, № 7 (125), с. 4—15. EDN: WFNIAN

24. Курганов, М. А. 2021, Механизм управления устойчивым развитием региона на основе ценностного подхода, *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки*, № 1, с. 194—208, <https://doi.org/10.15593/2224-9354/2021.1.15>

25. Горохов, С. А., Савенкова, Е. В. 2021, Основные проблемы и перспективы кадровой обеспеченности системы образования региона (на примере северо-западного федерального округа), *Преподаватель XXI век*, № 4-1, с. 25—36, <https://doi.org/10.31862/2073-9613-2021-4-25-36>

26. Кузнецова, А. Р., Махмутов, А. Х. 2020, Развитие инноваций в системе образования Российской Федерации, *Наука о данных*, с. 161—164. EDN: TRYBQK

27. Кочерга, С. Ю. 2022, Трудоустройство выпускников ВУЗов и формат целевого обучения, *Вестник экспертного совета*, № 3 (30), с. 27—35. EDN: ULGETW

28. Латова, Н. В., Латов, Ю. В. 2012, «Столицентризм» как причина социального неравенства в российской системе высшего образования, *Общественные науки и современность*, № 2, с. 21—37. EDN: OXMERJ

29. Носков, А. А., Третьякова, Е. А. 2020, *Влияние научно-инновационной деятельности вузов на инновационное развитие регионов (пример Приволжского федерального округа)*, Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет, 239 с. EDN: YLMXAO

30. Firsova, A. A., Makarova, E. L., Tugusheva, R. R. 2020, Institutional Management Elaboration through Cognitive Modeling of the Balanced Sustainable Development of Regional Innovation Systems, *Journal of open innovation: Technology, Market and Complexity*, vol. 6, № 2, 32, <https://doi.org/10.3390/joitmc6020032>

Об авторах

Ольга Викторовна Котомина, старший преподаватель департамента менеджмента, национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Пермский филиал), Россия.

E-mail: kotominaov@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-0809-1712>

Елена Андреевна Третьякова, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, ООО «Кайрос Инжиниринг», Россия; профессор кафедры охраны окружающей среды, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Россия; профессор департамента менеджмента, национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Пермский филиал), Россия.

E-mail: e.a.t.pnrpu@yandex.ru



ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

UNIVERSITY PERFORMANCE AND REGIONAL DEVELOPMENT: THE CASE OF RUSSIA'S NORTH-WEST

O. V. Kotomina¹

E. A. Tretiakova^{1, 2, 3}

¹ Higher School of Economics National Research University (Perm branch), 38 Studencheskaya St., Perm, 614000, Russia

² Perm National Research Polytechnic University, 29 Komsomolsky Prospect, Perm, 614000, Russia

³ Kairos Engineering LLC, 34 M. Gorky St., Perm, 614000, Russia

Received 11 September 2023

Accepted 15 December 2023

doi: 10.5922/2079-8555-2024-1-7

© Kotomina, O. V., Tretiakova, E. A., 2024

The role of universities in regional socio-economic systems is pivotal. However, despite the overall trend of GRP growth, regions of Russia's Northwestern Federal District underperform on education-related measures. These include the share of education in GRP, the percentage

To cite this article: Kotomina, O. V., Tretiakova, E. A. 2024, University performance and regional development: the case of Russia's North-West, *Baltic region*, vol. 16, № 1, p. 117–140. doi: 10.5922/2079-8555-2024-1-7

of individuals employed in the education sector and the number of universities and students. These trends pose a substantial challenge to regional development, especially in the context of the fourth industrial revolution and the rise of the knowledge economy. The lack of attention to the education sector may stem from the gross underestimation of its contribution to regional development. By implementing their 'third mission', universities exert influence on the economy, politics and socially responsible industries in their home region. A better understanding of the role of universities in regional development requires a comprehensive evaluation of their performance. This study aims to evaluate the performance of regional universities and examine its impact on regional socio-economic indicators. The paper proposes a methodology for evaluating the performance of regional universities and presents the results of its application in the regions of Russia's Northwestern Federal District. The universities of the Arkhangelsk region and St Petersburg demonstrated the highest performance levels, whilst those of the Leningrad region were the lowest. Correlation analysis showed a significant connection between universities' performance levels and the key socio-economic indicators of regional development. Universities' performance levels vary significantly across Russia's Northwestern regions. The findings may interest researchers studying regional development issues and administrators of universities prioritising the implementation of the third mission. Additionally, the results can inform decisions regarding the advancement of higher education at the regional level within the Northwestern Federal District.

Keywords:

region, regional economy, regional development, Northwestern Federal District, higher education, universities' performance

References

1. Iaskova, T.I. 2020, The current state of the scientific and educational system of the NWFD in the context of the development of human capital, In: *Baltic region — the region of cooperation regions in the era of global change*, vol. 4, part 1, p. 245 — 253 (in Russ.).
2. Zemtsov, S.P., Smelov, Y.A. 2018, Factors of Regional Development in Russia: Geography, Human Capital and Regional Policies, *Journal of the New Economic Association*, vol. 4, № 40, p. 84 — 108, <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2018-40-4-4> (in Russ.).
3. Komarova, A. V., Kritsyna, E. A. 2012, On the proportion human capital in GRP of Russian regions, *Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: Socio-economic sciences*, vol. 12, № 3, p. 5 — 14. EDN: PUAHIT (in Russ.).
4. Karpov, A. 2017, Modern university as an economic growth driver: Models & missions, *Voprosy Ekonomiki*, № 3, p. 58 — 76, <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2017-3-58-76> (in Russ.).
5. Malkovets, N. V. 2019, The third function of the university: the need or the duty, *Society and Security Insights*, vol. 2, № 3, p. 177 — 184, [https://doi.org/10.14258/ssi\(2019\)3-6282](https://doi.org/10.14258/ssi(2019)3-6282) (in Russ.).
6. Prodyblokh, N. E. 2018, Social role of a university in the modern transforming society, *Bulletin of Maikop State Technological University*, № 1, p. 87 — 93. EDN: XUNRTV (in Russ.).
7. Erohina, E. V., Gagarina, G. Y. 2019, Specific features of developing digital economy in the North-west federal district: challenges and prospects, *Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics*, № 3, p. 49 — 68, <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2019-3-49-68> (in Russ.).
8. Rande, Y.P. 2019, Features of formation of intellektual resource in Russian economy. In: Zolitukhina, V.M., Mikhailova, V.G. (eds.), *Problems of economics and management: socio-cultural, legal and organizational aspects*, Kemerovo, T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, p. 271 — 281. EDN: IUBCUY (in Russ.).
9. Ogurtsova, E. V., Chelnokova, O. Yu. 2018, Evaluation of Realization of Basic Functions of Regional Systems of Higher Education, *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Series: Economics. Management. Law*, vol. 18, № 2, p. 169 — 175. EDN: UOQNKA (in Russ.).
10. Solovyeva, L. V., Solovyeva, V.I. 2016, Education as a factor of social and economic development of the Russia and regions, *Economics. Information Technologies*, vol. 40, № 23 (244), p. 22 — 29. EDN: XRZZCH (in Russ.).
11. Firsova, A.A., Chernyshova, G. Yu. 2019, Mathematical Models for Evaluation of the Higher Education System Functions with DEA Approach, *Izvestiya of Saratov University. Series: Mathematics. Mechanics. Informatics*, vol. 19, № 3, p. 351 — 362, <https://doi.org/10.18500/1816-9791-2019-19-3-351-362>

12. Freiman, E. N., Tretiakova, E. A. 2020, *Transaction sector of the region and its impact on the economy of constituent entities of the Russian Federation: structural-functional approach*, М., INFRA-M, <https://doi.org/10.12737/1027398> (in Russ.).
13. Noskov, A. A. 2018, Methodical directions of assessing innovative development of regions and innovative research activities of universities, *PNRPU sociology and economics bulletin*, № 4, p. 363—372, <https://doi.org/10.15593/2224-9354/2018.4.30> (in Russ.).
14. Sumarokova, M. A., Guschenskaya, N. D. 2019, Methodological approaches to the formation of an integrated assessment of the development potential of the territory, *Kazan economic bulletin*, № 4, p. 84—94. EDN: GXLGUT (in Russ.).
15. Emelyanova, I. N., Volosnikova, L. M. 2018, Functions of Modern Universities: Comparative Analysis of Missions of International and National Institutions, *University Management: Practice and Analysis*, vol. 22, № 1, p. 83—92, <https://doi.org/10.15826/umpa.2018.01.008>
16. Giesenbauer, B., Müller-Christ, G. 2020, University 4.0: Promoting the Transformation of Higher Education Institutions toward Sustainable Development, *Sustainability*, vol. 12, № 8, 3371, <https://doi.org/10.3390/su12083371>
17. Ulanova, G. V. 2018, University as a driver for economic and social development of a region (on the example of the Republic of Kalmykia), *New technologies*, № 1, p. 194—200. EDN: XNRSZF (in Russ.).
18. Karpov, A. O. 2017, University 3.0 — social mission and reality, *Sotsiologicheskie issledovaniya*, № 9, p. 114—124. EDN: ZFTRPD (in Russ.).
19. Seryakova, S., Kravchenko, V. 2016, *Additional professional education in Russia and Western Europe: a comparative analysis*, М., PROMETEY. EDN: YSFVNN (in Russ.).
20. Ibragimov, I. O. 2015, The professional competence of the expert in continuing education, *Herald of Dagestan State University. Series 2. The Humanities*, vol. 30, № 4, p. 187—192. EDN: UDJULB (in Russ.).
21. Hudin, A. N. 2018, Management mechanisms of sustainable development of the educational process at the university, *Pedagogical education and science*, № 1, p. 7—11. EDN: XOVZRB (in Russ.).
22. Uskova, T. V. 2009, *Management of the region sustainable development*, Vologda, ISERT RAN. EDN: QDFWAD (in Russ.).
23. Danilova, I. V., Kilina, I. P. 2019, Theoretical and methodological aspects of innovative space, *Management of economic systems: electronic scientific journal*, № 7 (125), p. 4—15. EDN: WFNIAN (in Russ.).
24. Kurganov, M. A. 2021, A mechanism for managing regional sustainable development based on value-driven approach, *PNRPU sociology and economics bulletin*, № 1, p. 194—208, <https://doi.org/10.15593/2224-9354/2021.1.15> (in Russ.).
25. Gorokhov, S. A., Savenkova, E. V. 2021, Basic Problems and Prospects for the Staffing the Regional Education System (On the Example of the North-West Federal District), *Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education*, № 4-1, p. 25—36, <https://doi.org/10.31862/2073-9613-2021-4-25-36> (in Russ.).
26. Kuznetsova, A. R., Makhmutov, A. Kh. 2020, Development of innovations in the education system of the Russian Federation, In: *Data Science*, p. 161—164. EDN: TRYBQK (in Russ.).
27. Kocherga, S. 2022, Employment of university graduates and format of targeted training, *Bulletin of the Expert Council*, № 3 (30), p. 27—35. EDN: ULGETW (in Russ.).
28. Latova, N. V., Latov, Yu. V. 2012, «Capital-centrism» as a cause of social inequality in the Russian system of higher education, *Social sciences and contemporary world*, № 2, p. 21—37. EDN: OXMERJ (in Russ.).
29. Noskov, A. A., Tretiakova, E. A. 2020, *The influence of scientific and innovative activities of universities on the innovative development of regions (example of the Volga Federal district)*, Perm, Perm State University, 239 p. EDN: YLMXAO (in Russ.).
30. Firsova, A. A., Makarova, E. L., Tugusheva, R. R. 2020, Institutional Management Elaboration through Cognitive Modeling of the Balanced Sustainable Development of Regional Innovation Systems, *Journal of open innovation: Technology, Market and Complexity*, vol. 6, № 2, 32, <https://doi.org/10.3390/joitmc6020032>

The authors

Olga V. Kotomina, National Research University Higher School of Economics (Perm branch), Russia.

E-mail: kotominaov@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-0809-1712>

Prof. Elena A. Tretiakova, Kairos Engineering LLC, Russia; Perm National Research Polytechnic University, Russia; National Research University Higher School of Economics (Perm branch), Russia

E-mail: e.a.t.pnrpu@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9345-1040>



SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ БАЛТИКИ: СОДЕРЖАНИЕ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА

Н. В. Каледин¹ 

А. Б. Елацков² 

¹ Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7—9

² Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС
при Президенте РФ,
199178 Россия, Санкт-Петербург, Средний просп. В. О., 57/43

Поступила в редакцию 06.11.2023 г.

Принята к публикации 15.01.2024 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2024-1-8

© Каледин Н. В., Елацков А. Б., 2024

Рассматриваются теоретические основы исследования процессов регионализации и геополитической регионализации. В качестве теоретических объектов предстают системообразующие (регионообразующие) общественно-геоадаптационные и геополитические отношения. Рассматриваются основные разновидности трансграничной и транснациональной геополитической регионализации как проявления специфических геополитических отношений. Они типологизированы по масштабу, функциональной сфере, историко-географическим особенностям, по качеству, по правовому статусу и по геопространственным характеристикам, в том числе применительно к Балтийскому региону. Важным вопросом для исследования какого-либо региона является его выделение и определение пространственных пределов. До сих пор нет однозначного ответа на вопрос о границах Балтийского региона. Авторы обсуждают основные имеющиеся подходы к его решению, отмечая их достоинства и недостатки, особенно применительно к геополитическим исследованиям. В заключительной части статьи рассматриваются исторические геополитические эпохи эволюции Балтийского региона, на протяжении нескольких веков кардинально менявшего свое геополитическое содержание. Особо обращается внимание на современное состояние Балтийской региональной геополитической общности, классифицируемой в качестве одного из конфликтных (конфронтационных) геополитических регионов в «Евразийской дуге нестабильности» как геополитическом макрорегионе.

Ключевые слова:

политическая география, геополитика, геополитический регион, геополитические эпохи, Балтийский регион, границы регионов

Введение

В географических и обществоведческих науках (регионоведении, политологии и др.) понятия «регион» и «регионализация» активно применяются, но имеют разную трактовку. Они стали междисциплинарными, обозначающими особый тип территориально-общественных процессов и их результатов. При этом утвердилось собственные определения этих явлений и производная от них терминология,

Для цитирования: Каледин Н. В., Елацков А. Б. Геополитическая регионализация Балтики: содержание и историческая динамика // Балтийский регион. 2024. Т. 16, № 1. С. 141—158. doi: 10.5922/2079-8555-2024-1-8

иногда противоречащая ранее принятой. Так, в общественной географии одновременно употребляются «регион, региональный» и «район, районный». Но, на наш взгляд, именно методологический и теоретический потенциал общественной географии позволяет обеспечить единое теоретическое понимание процесса регионализации общества и его результатов — регионов.

Более трех десятилетий постоянный исследовательский интерес как в России, так и за рубежом вызывает Балтийский регион, интегрирующий в себе множество функциональных и исторических «слоев»: геоэкологический, этнокультурологический, социальный, геоэкономический, геостратегический, геополитический. В различных исследованиях проявился ряд дискуссионных вопросов, в частности принципы выделения Балтийского региона и определение его пространственных границ. В данной статье мы отметим основные из них, а также рассмотрим ключевые теоретические аспекты изучения регионализации вообще и геополитической в частности, вопросы содержания и делимитации Балтийского региона, а также ключевые особенности его исторического геополитического развития и современного состояния. Предмет настоящего исследования — геополитическая регионализация в Балтийском регионе, цель исследования — выявление геопространственных особенностей этой регионализации с позиций деятельностно-геопространственного подхода. Соответственно, задачами исследования являются интерпретация названного подхода применительно к процессам регионализации, типологизация на этой основе трансграничных регионов, в том числе применительно к Балтийскому пространству, определение содержания и границ Балтийского региона и историческая периодизация его геополитического развития.

Геополитическая регионализация общества: теоретический аспект

Политико-географические исследования очень разнообразны как по тематике, так и по методологии. Они отражают сложное, многомерное содержание политико-географического и геополитического пространства. В отечественной политической географии сложились несколько теоретических подходов или концепций, пытающихся решить задачу теоретического обобщения обширного эмпирического материала.

Прежде всего это концепция территориально-политической организации общества [1, с. 289—290], которая выросла из конкретизации более общей концепции территориальной организации общества вообще. С этой точки зрения предметом политической географии является процесс территориально-политической организации общества и его результаты — территориально-политические системы де-юре и де-факто, а их элементарной единицей — «политико-географическое место». Эта концепция наиболее популярна и операциональна, поскольку приближает предмет науки к наблюдаемому геопространству (территории), которое интерпретируется через мозаику взаимосвязанных политико-географических мест («место» можно увидеть, «потрогать», изучить).

Существуют и альтернативные точки зрения. В частности, авторы в данной работе будут опираться на концепцию геополитической самоорганизации общества [2] на основе деятельностно-геопространственного подхода. Этот подход интегрирует представления об обществе как самоорганизующейся системе и о геопространстве (земном пространстве — системе природных, антропогенных и гуманитарных подпространств), между которыми в ходе информационного, энергетического и вещественного взаимодействия устанавливаются отношения взаимной адаптации — общественно-геоадаптационные отношения. Геопространство, являясь одним из неотъемлемых «измерений», необходимым условием и средой различных

видов общественной деятельности, равно как и природных процессов, придает им через геоадаптационные отношения геопространственные (географические) формы [3, с. 56—65].

В процессе геопространственной самоорганизации общества и под влиянием совокупности локализованных в определенных частях геопространства конкретно-исторических условий и факторов внутристранового и международного характера развивается особый процесс взаимоадаптации общества и геопространства, в результате чего формируются специфические системы общественно-геоадаптационных отношений — происходит региональная самоорганизация общества, или «регионализация». Ее содержание составляют устойчивые регионообразующие геоадаптационные отношения, складывающиеся между субъектами-акторами различных видов деятельности (государствами, административными единицами, международными организациями, корпорациями и др.) и формирующие регионы как общественно-геопространственные системы.

В политической географии исследуется частный случай геоадаптационных отношений, а именно — геополитические отношения, складывающиеся между условиями геопространства и политической деятельностью общества или отдельных политических субъектов. Причем в качестве основного элементарного объекта своего исследования такие отношения могут рассматриваться как политической географией, так и геополитикой, выступающей комплексной междисциплинарной областью знания и управления [2; 3, с. 47]. Каждому такому отношению имманентно присущи географическое и политическое отношение. Данный подход позволяет выделить наиболее абстрактное теоретическое основание, благодаря чему имеет преимущество с точки зрения обобщения явлений. В частности, понятие политико-географического места может быть представлено через комплекс геополитических отношений, так же как географическое место образуется географическими отношениями. Вся совокупность геополитических отношений представляет собой геополитическое пространство. Соответственно, устойчивые локализованные отношения такого типа могут служить системообразующими для образования геополитических регионов разного типа.

В теоретическом плане необходимо отметить неоднозначность научно-познавательной ситуации, сложившейся с понятиями «геополитическая регионализация» и «геополитический регион» в рамках как геополитики, так и общественной географии. В недавних исследованиях петербургские географы-обществоведы предложили решать эту проблему с позиций деятельностно-геопространственного подхода [4; 5]. Ими были показаны десять наиболее часто используемых типов регионообразующих связей, признаков (природных, экономических, культурных, политических и др.), по которым зарубежными и российскими авторами выделяются геополитические регионы. Многие из них представляют собой ту или иную интерпретацию взглядов С. Коэна в рамках разных схем его геополитического районирования мира. Незавершенность с позиций геополитики общего теоретического понимания геополитических регионов привела к разнообразию не только трактовок этого явления, но и схем конкретных геополитических регионов (см., напр., [6—12]).

С позиций деятельностно-геопространственного подхода к политической географии как науке о геополитической самоорганизации общества мы исходим из теоретического понимания геополитического региона как разномасштабной региональной геополитической системы, региональной общности субъектов-акторов политической деятельности, включенных в регионообразующие геополитические (геоадаптационные) отношения, различные по форме (геополитические проблемы,

интересы, цели, деятельность), функциональному типу и геопространственному масштабу. Такой подход позволяет провести типологизацию процессов регионализации в целом, геополитической регионализации и геополитических регионов.

Функциональные различия деятельности субъектов и свойств геопространства служат основаниями для типологии регионализации общества посредством выделения различных типов регионообразующих отношений, регионализации и регионов. Особый интерес представляют трансграничные регионы и, соответственно, трансграничные геоадаптационные и геополитические отношения [5]. Интересующий нас Балтийский регион может служить ярким примером-«полигоном» такой типологизации, рассматриваемой нами далее.

По статусу политических субъектов и границ явно выделяются два типа регионов: межгосударственный и внутригосударственный. Второй из них редко бывает геополитическим. Однако в большом трансграничном регионе могут формироваться небольшие внутригосударственные субрегионы, обычно социально-экономического или геокультурного характера. Это, например, депрессивные приграничные районы (так называемый «краевой эффект»). Много подобных исследований проводилось по Северо-Западу России, часто включаемому в Балтийский регион.

По масштабам охваченного регионообразующими отношениями геопространства можно выделить несколько уровней регионализации. Причем есть два способа ранжирования: первый — по физическим (метрическим) размерам территории (макро-, мезо-, микро-), второй — по его политической топологии. Макрорегионы (общественно-географические, цивилизационные, межгосударственные международные организации, санкционные, во внутригосударственном масштабе — федеральные округа и экономические районы в РФ, США и др.), мезорегионы (субрегионы Европы, Азии, административные единицы стран, субъекты РФ и др.), микрорегионы («еврорегионы», ТОРы в РФ, низовые административные единицы государств — графства, коммуны и др.). По политической же топологии трансграничных регионов можно выделить транснациональный масштаб (охватывают две или более страны целиком, причем не важно, какого они размера; сюда можно отнести и Балтийский регион), трансграничный масштаб в узком смысле (охватывает только части соседних стран) и на локальном уровне — территории приграничного взаимодействия (например, режим местного приграничного передвижения, который одно время действовал между Польшей и Калининградской областью) [5; 13].

По функциональной сфере (видам деятельности общественных субъектов) очевидны следующие различия регионов:

1. Монофункциональные (отраслевые): экономико-геопространственные, или геоэкономические, представленные, например, международными региональными организациями — ОЭСР, ЕАЭС, VASAB (Vision and Strategies Around the Baltic Sea) и др.; социально-геопространственные — МОТ, ЮНЕСКО, Совет Европы, научно-образовательная программа «Балтийский университет» и др.; политико-геопространственные или геополитические: НАТО, ОДКБ, духсторонние договоры и др.; геоэкологические — ХЕЛКОМ (Хельсинкская комиссия по защите морской среды Балтийского моря) и др., касающиеся преимущественно водных проблем; духовно-геопространственные: цивилизации, культурно-исторические регионы мира и стран и др.

2. Полифункциональные (комплексные): ЕС, СНГ, СГБМ (Совет государств Балтийского моря) и др.

По правовому статусу и управляемости: регионы де-юре (международные региональные организации, олицетворяющие собой охватываемый регион — ЕС) и де-факто (историко-географические, цивилизационные, физико-географические, фактические экономические и др.) Но на самом деле соотношение понятий более

сложное: юридически может быть декларировано создание структуры, которая в реальности не заработала или была заморожена, как и наоборот. Или же юридически может быть определен историко-культурный регион, но без какого-либо органа управления (см.: [5, с. 67, 71]).

По качеству регионообразующих отношений можно выделить два противоположных типа регионов:

1. Кооперационные (регионы сотрудничества или интеграции — ЕС, ЕАЭС, Балтийский регион до 2014 г.).

2. Конфликтные (или конфликтогенные). Это трансграничные «серые зоны», санкционные, конфронтационные и миротворческие регионы, трансграничный Курдистан и т.д. Здесь, правда, возникает дискуссия, поскольку не все авторы готовы признавать за охваченными конфликтом территориями системность и региональность. Однако зачастую именно конфликтные отношения оказываются системообразующими, пусть и в негативном понимании [3, с. 108; 14]. Вместе с тем в конфликтном регионе могут продолжать существовать кооперационные субрегионы меньшего масштаба, например объединяющие союзников в рамках противостоящих политических блоков. Тогда регион поляризуется, что и происходит с Балтийским регионом сегодня. Это положение не означает смешения двух названных типов, поскольку они реализуются на разных структурных уровнях сложносоставных регионов.

По историко-географическим особенностям и тенденциям выделяются:

1. Интеграционные (воплощают инициативную интеграцию ранее разобщенных территорий — ЕАЭС, МЕРКОСУР, еврорегионы, СГБМ до 2014 г.). Частный случай — интеграция для противопоставления общим конкурентам. Можно говорить и о постинтеграционной регионализации, когда внутри региона складывается другой, еще более связный («Европа двух скоростей»).

2. Дезинтеграционные (они либо сохраняются на развалинах распавшихся политических систем, как раннее Британское содружество, либо идут по пути распада, иногда через ряд вооруженных конфликтов).

3. Постконфликтные (возникают по итогам войн и конфликтов, часто вынужденно. Так, европейская интеграция начиналась как интеграционная, но на «послевоенных руинах»).

Возможные типы регионализации и регионов по геопространственным особенностям могут быть представлены следующими формами:

1. По геопространственной структуре: здесь целесообразно выделять не отдельные типы, а несколько полярных (оппозиционных) шкал, на которых можно разместить тот или иной регион [5, с. 71]. Такая шкала задается двумя противоположными типами (понятиями), но реальные регионы редко принимают предельные значения. Среди таких шкал ряд «моноцентричный — биполярный — полицентричный». Например, Балтийский регион за время существования несколько раз менял свое положение на этой шкале. Другая шкала располагает регион на линии «симметричный — асимметричный». Например, по уровню экономического развития в Балтийском регионе, как и по транспортным потокам, явно лидирует Германия. С геополитической точки зрения весьма интересна шкала «коридоры/секторы — пояса/зоны». С ее помощью описываются, например, районы прохождения транспортных коридоров, энергетических проектов, степени соседства стран и их частей. В Балтийском регионе можно выделить зоны удаленности от моря (об этом см. ниже). Шкала «центр — периферия» является, наверное, самой популярной у исследователей общественно-географических явлений вообще и регионализации в частности. Моделируются, например, пограничные стыки типов «периферия — периферия», «центр — центр» или «центр — периферия». И наконец, упомянем

важную шкалу «сплошные/площадные — дисперсные/сетевые». Это сплошные экономические зоны и зоны тяготения; сетевые трансграничные интернет-сообщества, партийные структуры. В целом надо отметить, что развитие трансграничной регионализации формирует и новые для региона формы пространственного развития: появляются новые коридоры, новые ядра, треугольники роста и т. д. [13].

2. По специфике материальных свойств геопространства: территориальные, субтерриториальные, акваториальные, аэротериальные, космотериальные, интегрально-геопространственные (территориально-акваториальные и др.). Подавляющее большинство трансграничных регионов реализуется на суше. Балтийский же регион стал одним из немногих, которые сложились вокруг центральной акватории.

Балтийский регион: дискуссионные вопросы

Балтийский регион начал складываться как специфическая региональная общность вокруг одноименного моря еще в период Средневековья. Этому способствовали особые физико-географические условия, включая само море, речную сеть его водосборного бассейна, схожий климат, равнинные побережья, особенно в южной части. С физико-географической точки зрения можно говорить и о циркумбалтийском пространстве как субстрате для развития различных форм общественной жизни и самоорганизации. То есть допустимо в принципе говорить о таком пространстве в период до заселения берегов Балтики человеком и до формирования некоей общественной целостности. Хотя первоначально этот термин был предложен в 1980-х гг. Г. С. Лебедевым применительно к культурно-историческим и цивилизационным особенностям средневековья [15, с. 122].

Ряд авторов, в частности представители отечественной скандинавистики, говорят о формировании к VIII в. «Балтийской (морской) цивилизации» [см.: 15, с. 122, 129]. На самом деле это довольно дискуссионный вопрос, особенно исходя из современных представлений о характере локальных цивилизаций. И если подобный вывод в какой-то мере еще применим к связанным морем средневековым местным прибрежным сообществам и городам (отчасти, Ганзейский союз городов с XIV в. и т. п.), то в современном мире территориальный фактор в цивилизационных связях уже не преобладает. Балтийская региональная общность и идентичность, которые, безусловно, сохраняются, находятся в подчиненном положении к более масштабным и значимым феноменам: на побережье Балтийского моря выходят как минимум две локальные цивилизации, по модели С. Хантингтона, при этом здесь доминируют именно политические идентичности: государственная (страновая) и общеевропейская (в контексте ЕС). Кроме того, вряд ли мы можем рассматривать как однопорядковые Балтийскую и современную Западную цивилизации в целом. В таком контексте современная балтийская региональная общность представляется межцивилизационным территориальным феноменом или цивилизацией «второго уровня», субцивилизацией. Но, может быть, авторы-историки и культурологи просто не принимали во внимание теоретико-географический контекст, и речь должна идти как раз о формировании геокультурного, геоэкономического и геополитического региона, а не цивилизации. Регион с точки зрения общественной географии — это не просто некоторое ограниченное пространство, он как раз и представляет собой связную или однородную целостность, которая может быть и трансграничной [5], и, наверное, трансквилизационной. Более того, именно геополитический регион может быть связан в единое целое не только кооперационными, но и конфликтными отношениями, что не раз проявлялось в истории на берегах Балтики.

Балтийский регион со времени своей научной актуализации в начале 1990-х гг. вызывает дискуссии об определении его пространственных границ. Высказывалось

несколько точек зрения на основании различных подходов, и это неудивительно. Чем исследовательская задача ближе к физико-географическому, геоэкологическому подходу, тем более четко мы можем обозначить границы региона по естественно-географическим критериям. Бесспорной точкой отсчета для любого районирования является береговая линия Балтийского моря, которое служит главным регионообразующим фактором. Но и здесь не обходится без дискуссионного момента: где заканчиваются воды и, соответственно, берег моря в районе Датских проливов? «...С позиций определения состава Балтийского региона целесообразно границу Балтийского моря провести между проливами Каттегат и Скагеррак», при этом «иногда в состав Балтийского моря включают даже Скагеррак» [16, с. 8—9]. С геополитической точки зрения Скагеррак как раз логично включать в состав региона. Запирая вместе с соседними проливами вход в Балтийское море, он составляет с ним единую геополитическую целостность. Такое запирающее значение Балтийских и Черноморских проливов для геополитического районирования Евразии отмечал еще Х. Маккиндер в модели «стратегического хартленда». В соответствии с Хельсинкской конвенцией по Балтийскому морю от 1992 г. граница ее действия проходит по параллели $57^{\circ} 44,43'$ с. ш. (ст. 1).

В том же ряду находится обсуждение многими авторами границ водосборного бассейна в качестве границ региона [15—17]. Этот параметр столь же объективен, как и береговая линия, однако его регионообразующая роль невелика, поскольку имеет преимущественно геоэкологическое значение, а сам бассейн мог бы охватывать необитаемые территории. Для геополитики, как и для общественной жизни региона вообще, он стал играть роль лишь в последние десятилетия, и то лишь в вопросах международной координации охраны природной среды. Тем не менее объективность бассейновой границы оказалась удобной для однозначной формализации некоторых региональных программ и проектов. Таким образом, водосборный бассейн, не являясь сам по себе регионообразующим фактором, становится таковым благодаря его вторичной, административной и общественной актуализации. В эти рамки попадают Санкт-Петербург, Псковская, Калининградская, Новгородская области, часть Карелии, небольшие части Архангельской, Мурманской и Тверской областей. В регион целиком входят Литва, Латвия, Эстония, почти вся Польша, большие части Швеции и Финляндии, свыше половины территории Дании и почти половина Белоруссии, северо-восток Германии, небольшие участки Норвегии, Украины, Чехии и Словакии (см. картосхему в [16, с. 10]). Примерно в таких пределах Балтийский регион был выделен в инициированной на волне эйфории 1991 г. университетом Уппсалы (Швеция) программе «Балтийский университет», в которой одно время участвовали вузы из 14 стран [17, с. 17] (сегодня — из 10). Вместе с тем водосборный бассейн любого моря неоднороден, и реально значимую геополитическую роль в нем играют наиболее полноводные реки. До такой степени, что Л. И. Мечников (1888) связывал возникновение первых цивилизаций именно с великими историческими реками (на Ближнем Востоке, в Южной и Восточной Азии) [18].

При этом почти все авторы, размышляющие о границах региона, упускают из виду, что играл непосредственную геополитическую и геоэкономическую роль с древнейших времен не сам водосборный бассейн моря, а его ключевой геополитический компонент — сеть судоходных рек и, позже, каналов. Бассейн внутренних водных путей меньше и разреженнее водосборного и находится почти исключительно на юге региона¹. Например, водосборный бассейн охватывает даже часть

¹ Where to navigate? The network of inland waterways in Europe and its parameters. 1996, UNECE, URL: <https://unece.org/where-navigate-network-inland-waterways-europe-and-its-parameters> (дата обращения: 01.05.2023).

Северной Норвегии, однако из Балтийского моря судоходных путей туда нет. Сеть эта, конечно, менялась со временем: те маловодные реки, которые в древности считались судоходными, сегодня могут пропускать разве что катера, зато по полноводным рекам теперь ходят суда со значительно большей грузоподъемностью, чем сотни лет назад. Значительная часть Финляндии охватывается водосборным бассейном, однако внутреннее судоходство связано с морем лишь через ныне закрытый Сайменский канал, построенный к тому же лишь в середине XIX в. Конечно, современный сухопутный транспорт может с лихвой компенсировать нехватку полноводных речных путей, однако он по своей сути уже не привязан к морскому региону как таковому. С тем же успехом мы могли бы рассматривать транспортную связность, например, региона Центральной Европы.

Вместе с тем несколько судоходных каналов связывают Балтийское море с рекой Эльбой, которая в своем течении проходит по территориям, приближенным к побережью Балтийского моря, и забирает на себя речной грузопоток региона. Но по чисто бассейновому принципу Эльба в Балтийский регион не включается. Для Средневековья, когда каналы отсутствовали, это было существенно. Нынче же через Эльбу и Одер Балтийский регион связан с промышленно развитыми районами Германии.

Морские и речные пути в Средневековье были ключевыми и безальтернативными коммуникационными линиями для дальних расстояний. С тех пор сменились эпохи, изменилась и роль видов транспорта. Морской и речной транспорт, особенно в каботажном варианте, уже не играет столь же важной роли с периода расцвета железных дорог, а позже — автомобильного и авиатранспорта. Современные исследования транспортной связности Балтийского региона уделяют больше внимания именно трем последним, например в рамках программы VASAB¹. Неслучайно возникли и проекты кольцевых автомобильной и железной дорог. Тем не менее в пределах Европейского союза в целом около 40 % грузов по-прежнему перевозятся по морю. Что осталось почти нетронутым со времен Средневековья, так это статус Балтийского моря как свободного для торгового мореплавания, а такой же статус Датских проливов был подтвержден международным договором (1857).

Итак, главная функция Балтийского моря как основы Балтийского региона — возможность связи любого прибрежного государства или города с любым другим прибрежным государством или городом без пересечения транзитных территорий. Неслучайно еще в 1915 г. В. П. Семенов-Тянь-Шанский среди пространственных форм геополитических систем выделил «кольцеобразную» (или «средиземноморскую») [19]. На Балтике ее пытались воплотить в жизнь Дания и Швеция, а в современном мире — Европейский союз. Такая структура создает не только экономические преимущества, но и стимулирует психологическое восприятие Балтийского пространства как социальной целостности («мы связаны морем»). Поэтому именно зона наилучшей доступности к морским и речным коммуникациям является системообразующим ядром Балтийского региона.

Эта зона в реальном выражении имеет, конечно, сложную пространственную форму, зависящую от сети дорог, рек, портов. Однако часто для упрощения расчетов в качестве таковой принимается прибрежная полоса шириной 50 или, при меньшей значимости, 200 км [16, с. 12]. Вся такая зона вокруг моря может считаться одним из измерений Балтийского региона. Только не следует считать этот подход

¹ Accessibility of the Baltic Sea Region: Past and future dynamics, 2018, VASAB, URL: https://vasab.org/wp-content/uploads/2019/07/VASAB_Accessibility_Report_2018.pdf (дата обращения: 01.05.2023).

физико-географическим, как предлагают некоторые авторы. Да, одна сторона такой зоны привязана к берегу, но 50 км взяты условно на основе обобщения интенсивности экономических процессов.

Но чем дальше мы отходим от физико-географической основы, тем более многовариантным становится и определение границ Балтийского региона. В качестве факторов начинают играть роль исторические, экономические, культурные, социологические, политические особенности территорий (пространств). На них накладываются юридические критерии, которые лишь косвенно связаны с этими особенностями. Отдельно стоит и геополитический подход, который, с одной стороны, интегрирует все вышеназванные факторы, а с другой — пропускает их через призму геополитических интересов и проектов.

Самый простой подход — считать, что Балтийский регион составляют страны и части стран, расположенные на побережье Балтийского моря и зависящие от него в своей хозяйственной деятельности [17, с. 16]. Здесь мы при учете любых факторов сразу выходим на политическую карту: в регион включаются либо страны целиком, либо их административные единицы. Это, конечно, эффективно с точки зрения управления и администрирования, однако задает и большую долю условности. Кроме того, не всегда бесспорно включение или невключение тех или иных частей стран или этих стран целиком. Так, в анализе возможностей исторически сложившихся потенциальных геополитических подходов к исследованию современной проблематики Балтийского региона К. Энгелбрект определяет его состав без специального обоснования девятью прибрежными государствами (без Норвегии) [20]. Такой же «прибрежный» вариант состава региона можно увидеть и в публикациях других зарубежных исследователей, но уже с включением Норвегии (см., напр., [21—23]).

Более широкий подход — включать страны и регионы, непосредственно к Балтийскому морю не выходящие, но на которые распространяется международное сотрудничество в рамках развития Балтийского региона. Прежде всего имеются в виду программы VASAB и Interreg. Предыдущий и данный вариант могут рассматриваться соответственно как Балтийский регион в узком и широком смыслах (см. картосхему в [16, с.17]). Здесь мы наблюдаем превалирование юридического критерия: формально сообщество стран региона может включить в свои программы любую соседнюю страну, отнеся ее тем самым к Балтийскому региону. Может случиться и парадокс: страна, непосредственно выходящая к Балтийскому морю, выходит из программы сотрудничества и... перестает быть частью приморского региона. «Избирательный» подход к пониманию состава Балтийского региона характерен и для Евросоюза в рамках его Стратегии для Балтийского региона, где в качестве его государств рассматриваются только члены ЕС, а как «желательные партнеры» — Норвегия и Исландия¹.

И наконец, в самом широком смысле мы можем рассматривать не просто Балтийский регион как таковой, а Балтийскую региональную геополитическую систему. Она охватывает не только понимаемый в том или ином смысле сам Балтийский регион, но и геополитические отношения с внешними акторами, имеющими геополитические интересы в регионе и значительно вовлеченными в них [3, с. 84—85]. Также в региональную геополитическую систему включаются отношения с внерегиональными частями крупных стран региона (России, Германии). Оценки здесь оказываются еще более размытыми, однако в качестве индикатора можно использовать, например, участие в региональных международных организациях в качестве наблюдателя. Так, в Совете государств Балтийского моря такой статус имеют или

¹ EU Strategy for the Baltic Sea Region, URL: <https://www.eusbsr.eu/> (дата обращения: 10.09.2023).

имели 11 стран: Белоруссия (до 2022 г.), Великобритания, Венгрия, Испания, Италия, Нидерланды, Румыния, Словакия, США, Украина, Франция (подала заявку на полноправное членство), а также Исландия как полноправный участник.

С геополитической точки зрения все описанные варианты выделения Балтийского региона не исключают друг друга. Каждый из них всего лишь акцентирует внимание на том или ином типе геополитических отношений, выделяя его в сложной многомерной структуре геополитического пространства. Обобщая названные подходы, можно говорить не о разных вариантах делимитации региона, а о его нескольких геополитических контурах в качестве принципов районирования (рис.).

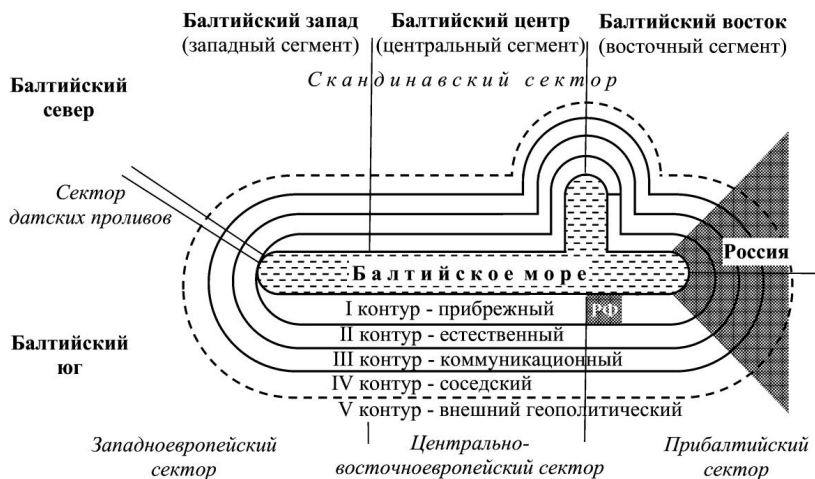


Рис. Идеализированная модель Балтийского региона

I. Приморский или прибрежный контур. Включает 50- и 200-километровые прибрежные зоны, части стран или целые небольшие страны, выходящие к морю, а также территориальные воды и исключительные экономические зоны.

II. Естественно-географический контур. Обычно включает само море, его водосборный бассейн, но могут быть использованы и другие параметры, например влияние моря на местный климат или особенности рельефа.

III. Коммуникационный контур. Включает прежде всего внутренние водные пути и сеть морских и речных портов, причем допустимо в него включать реки, относящиеся к бассейну соседнего моря, но обслуживающие приморский контур и связанные с данным морем судоходными каналами. Важны и наиболее загруженные морские пути. В современных условиях здесь же рассматриваются и другие формы коммуникаций: автомобильные, железнодорожные и авиационные, если они носят именно региональный характер, поэтому проявляется особый интерес к кольцевым дорогам и путям вдоль побережий. Здесь же следует рассматривать пояс реального экономического влияния приморского положения в отличие от выделения полосы неизменной ширины в контуре I.

IV. Соседский контур. Включает части стран или страны целиком, которые не имеют выхода к морю, но либо соседствуют с прибрежными странами, либо их территорию частично захватывают II и III контуры.

V. Геополитический контур или региональная геополитическая система с максимально широкими регионообразующими геополитическими отношениями. Обширный регион, включающий все вышеназванные контуры, а также отношения с внерегиональными игроками, реализующими в регионе свои интересы.

Историческая динамика Балтийской региональной геополитической системы

О специфике геополитической регионализации в пределах системы в разное историческое время логичнее говорить с позиций представлений об исторической динамике глобальной геополитической системы, неотъемлемой региональной составляющей которой является балтийская региональная общность. Опираясь при этом следует на знание специфики исторических типов геополитических отношений (геополитических процессов и их результатов) в крупные историко-геополитические периоды развития этой системы. Для оценки современной ситуации особенно актуальны понимание специфики этих геополитических отношений в капиталистический и современный периоды (в исторической терминологии — в Новое и Новейшее время), особенно в их конкретно-исторические геополитические эпохи, различавшиеся по типу и соотношению геополитических процессов, роли их акторов и складывавшейся региональной геополитической структуре.

В Вестфальскую эпоху (1648—1815) по итогам Тридцатилетней войны и реализации Вестфальского договора активизируется геополитический тренд суверенизации государств на основе религиозно- и этногеополитических процессов, формируются четыре геополитических субрегиона центр-периферического типа, геополитическими полюсами которых были Швеция, Польша, Пруссия и Россия (Московское государство и Российская империя). Вестфальская эпоха, как и другие, имела внутреннюю структуру. Конечно, нами будут названы лишь общеевропейские геополитические эпохи в рамках соответствующих систем международных отношений. Для региона Балтики внутри них можно выделить по несколько этапов, которые будут отличаться от этапов геополитического развития в других регионах Европы. В частности, выделяется этап расширения участия России в Балтийской геополитической системе (начало XVIII в.) и финальный переходный этап геополитической нестабильности — период Наполеоновских войн.

В Венскую эпоху (1815—1914) по итогам Наполеоновских войн и решений Венского конгресса под воздействием имперско-государственно-геополитических и этногеополитических процессов постепенно оформляются два геополитических субрегиона, полюсами которых были Пруссия (с 1871 г. — Германия) и Россия.

В Версальскую эпоху (1920-е — 1930-е гг.) по итогам Первой мировой войны и Версальской системы мирных договоров в ходе формационно-, государственно- и этногеополитических процессов формируется биполярная балтийская региональная структура с двумя геополитическими субрегионами формационного типа — западным (капиталистическим) и восточным (социалистическим), геополитическим полюсом первого была Германия, а второй был представлен СССР.

В Потсдамскую эпоху (1945 г. — начало 1990-х гг.) по итогам Второй мировой войны и решений Потсдамской конференции в Европе доминирует тренд формационно-геополитических процессов в форме конфронтации капиталистической и социалистической систем и складывается биполярная структура с двумя центропериферическими конфронтационными геополитическими субрегионами формационного типа — западно-балтийским (капиталистическим) и восточно-балтийским (социалистическим). Их геополитическими полюсами-интеграторами в Балтийском пространстве были ФРГ (при поддержке западных союзников) и СССР. Происходит военно-политический (НАТО — ОВД) и геоэкономический (ЕС — СЭВ) раскол Балтийского пространства. Для СССР в этот период Балтийский регион играл существенную геоэкономическую роль. Доля всех стран региона в его внешней торговле составляла 29%. Правда, основная часть приходилась на Польшу и ГДР, хотя большое значение имели также ФРГ и Финляндия [17, с. 19].

Беловежская эпоха (с конца 1980-х — начала 1990-х гг. до настоящего времени) характеризуется геополитическим трендом фрагментации пространства Балтийского региона на геополитические региональные общности различного типа (государственные, межгосударственные, этнические и др.) и масштаба. Первоначально доминировали формационно-геополитические и этно-геополитические процессы в форме распада социалистической системы и ее структур в Европе, распада СССР и образования в Балтийском пространстве этноцентричных постсоциалистических государств, переживающих «разноскоростной» процесс «вестернизации» (реформирования на основе западных политических, экономических и гуманитарных технологий). Впервые, несмотря на сохраняющуюся разную геополитическую ориентацию государств ранее сложившихся субрегионов, активно развиваются интеграционные процессы в экономической, социальной и гуманитарной сферах, формирующие разномасштабные региональные общности нового типа — «регионы трансграничного сотрудничества» («еврорегионы», регионы программы Interreg, Совет государств Балтийского моря, Хельсинкская комиссия, VASAB и др.). Результатом такого развития в течение полутора десятилетий стало появление самого успешного в Европе кооперационного «Балтийского региона сотрудничества», опыт которого активно изучался и пропагандировался как модель для трансграничного сотрудничества в других приграничных регионах (см., напр., [21; 24—29]). Тем не менее относительное значение региона для России постепенно снижалось за счет развития других направлений торговли. Так, к 2014 г. его доля во внешнеторговом обороте снизилась до 18,5 %, из которых 8,9 % приходилось на ФПГ [17, с. 19]. Можно сказать, что с точки зрения России в регионе сформировался трансбалтийский геоэкономический коридор «Россия — Германия», наглядным выражением которого стал запуск газопровода «Северный поток» (2012). Но в то же время регион все меньше упоминался в каждой новой редакции Концепции внешней политики России.

С позиций сложившейся на этой геоэкономической основе стабильности геополитических отношений, обеспечивавшей успешность региона, можно было констатировать появление в Европе новой региональной кооперационной геополитической общности де-факто — Балтийского геополитического региона, контрастного своими устойчивыми геополитическими отношениями сотрудничества на обширном пространстве «Евразийской дуги нестабильности» с цепью разнотипных конфликтных регионов на постсоветском пространстве [14].

Однако процесс конфликтогенной экспансии НАТО с конца 1990-х гг., а позже как ее результат геополитический раскол Украины в 2014 г., сопровождавшийся интеграцией в состав России Крыма, а с 2022 г. специальной военной операцией, привели к негативным геополитическим и геоэкономическим последствиям для развития как региона, так и всей коллективной Европы. Первоначально (в 2014—2021 гг.) это были ограничения и сокращение взаимовыгодного трансграничного взаимодействия в результате мер «санкционной геополитики» стран Запада и ответных мер России и Белоруссии, а с 2022 г. — его полное прекращение с ликвидацией ранее сложившихся форм сотрудничества, обеспечивавших региональную общность. К этому добавились новые «коллективные» инструменты раскола Балтийского региона антироссийской и антибелорусской направленности: демонстративный выход России из СГБМ, поскольку участники организации перестали быть равноправными¹; «Крымская платформа»; «недружественные государства»; расширение НАТО на Балтике в 2023 г.; «формат “Рамштайн”» (международная

¹ Россия решила выйти из Совета государств Балтийского моря, 17 мая 2022. ТАСС, URL: <https://tass.ru/politika/14647127> (дата обращения: 11.05.2023).

коалиция более 50 государств по оказанию военной помощи киевскому режиму) и др. В этот же ряд можно поставить уничтожение с молчаливого согласия Германии обоих «Северных потоков». На Балтийский регион со стороны коллективного Запада опустился новый «железный занавес», более жесткий, чем в Версальскую и Потсдамскую эпохи. Политическое значение Балтийского региона для России резко упало, чему способствует и ее ускорившийся «поворот на Восток». В принятой в 2023 г. новой Концепции внешней политики России Балтийский регион впервые не упоминается вовсе, зато больше внимания уделено Латинской Америке и Африке.

Закономерным результатом этих дезинтеграционных региональных и поддерживающих их глобальных геополитических процессов на пространстве формировавшегося кооперационного Балтийского геополитического региона стала новая региональная геополитическая общность, но теперь на основе конфронтационных геополитических отношений и с двумя противоположными геополитическими и геоэкономическими векторами развития — балтийско-евроатлантическим (прибалтийские страны — члены ЕС и НАТО, Украина; причем основным политическим координатором здесь выступает внерегиональный актор — США [30]) и балтийско-евразийским (прибалтийская Россия и Белоруссия, интегрированные в СНГ, Союзное государство, ОДКБ, ЕАЭС).

Каково же место этой новой, трансформирующейся балтийской региональной геополитической общности в евразийской геополитической реальности в условиях крушения доминировавших ранее этно-, государственно- и интеграционно-геополитических процессов, систем и утверждения многополярной глобальной геополитической системы с приоритетом цивилизационно-геополитических процессов?

Попробуем ответить на этот вопрос в контексте иерархии современных конфликтных геополитических региональных общностей в Евразии. Если рассматривать «Евразийскую дугу нестабильности» (протянувшуюся от Атлантики до Тихого океана, в том числе по периметру постсоветского пространства, и имеющую неоднозначную интерпретацию) как многоочаговый геополитический макрорегион¹ конфликтных геополитических отношений, то внутри него можно выделить две крупные геополитические подсистемы де-факто — цивилизационно-геополитические регионы: «Евроатлантический» (пространство НАТО, ЕС, других евроструктур западной цивилизации) и «Евразийский» (Россия и интегрированные с ней государства «незападных» цивилизаций постсоветского пространства), а внутри них — ряд конфликтных геополитических регионов с разнотипными конфликтными отношениями между двумя и более акторами-государствами (их союзами и другими структурами) [14]. С этих позиций балтийские и некоторые сопредельные с ними (Белоруссия, Украина) страны, расположенные на стыке, в балтийской контактной зоне Евроатлантического и Евразийского регионов можно рассматривать как конфронтационный Балтийский геополитический регион де-факто биполярного типа со сложной, мозаичной геополитической структурой конфликтных отношений (своеобразных «геополитических разломов») как между составляющими его государствами, так и между каждым из них и международными организациями. Это позволяет выделить в Балтийском геополитическом регионе в соответствии с обозначенными геополитическими векторами развития его участников два субрегиона: балтийско-евроатлантический и балтийско-евразийский, связанных между собой конфронтационными геополитическими отношениями.

¹ Иногда в отечественной географической литературе специфицированные многоочаговые пространства именуют зонами. Однако они ближе к однородным районам, чем к зонам, которые обычно подразумевают общий количественный признак (зона удаленности и т. д.). Так, многоочаговый макрорегион «Латинская Америка» вряд ли можно назвать зоной.

Выводы

Таким образом, нами рассмотрено несколько связанных вопросов, важных для понимания содержательных и географических характеристик Балтийского региона. Для этого был использован деятельностно-геопространственный подход к исследованию геополитических процессов и систем в политической географии и геополитике. На этой базе предложена типология трансграничных и транснациональных регионов, примененная к исследованию Балтийского региона. На современном этапе наиболее актуальна типология по признаку качества регионообразующих отношений или их комплиментарности (регионы сотрудничества или конфликта).

Далее рассмотрено циркумбалтийское пространство с точки зрения определения границ Балтийского региона. Сделан вывод, что с геополитической точки зрения разные версии его делимитации не противоречат друг другу, а представляют лишь разные грани единой региональной геополитической системы. На этом основании предложено рассматривать в единстве четыре «геополитических контура», определяемых с помощью разных методологических принципов.

Показана специфика геополитической регионализации в пределах Балтийской региональной геополитической системы в разное историческое время, отражающая динамику глобальной геополитической системы и рассмотренная на уровне пяти ее геополитических эпох и геополитических процессов двух последних десятилетий. В частности, показана историческая трансформация геополитических процессов, систем и структур в Балтийском регионе от этно- и религиозно-геополитических в Вестфальскую эпоху к имперско-геополитическим — в Венскую и к формационно-геополитическим — в Версальскую и Потсдамскую эпохи с устойчивой в XVIII—XX вв. биполярной структурой региона и двумя центропериферическими геополитическими субрегионами, полюсами которых были Пруссия (Германия) и Россия (СССР).

В Беловежскую эпоху доминирование формационно-геополитических и этногеополитических процессов (в форме распада социалистической системы и ее структур, распада СССР, образования этноцентричных постсоциалистических государств, процесса их вестернизации) впервые приводит благодаря интеграционным процессам к формированию новой региональной кооперационной геополитической общности де-факто — Балтийского геополитического региона — с устойчивыми геополитическими отношениями сотрудничества. Однако с 2014 г. нарастание конфронтационных цивилизационно-геополитических процессов между странами региона привело к появлению нового «железного занавеса» и современной биполярной геополитической общности — конфронтационного Балтийского геополитического региона де-факто с разными геополитическими векторами развития его участников, разделивших регион на два геополитических субрегиона — «балтийско-евроатлантический» и «балтийско-евразийский».

Список литературы

1. Колосов, В. А., Мироненко, Н. С. 2001, Геополитика и политическая география, М., Аспект-Пресс. EDN: QQJUUN
2. Каледин, Н. В. 1996, Политическая география: истоки, проблемы, принципы научной концепции, СПб., Изд-во СПбГУ. EDN: TUYZXN
3. Елацков, А. Б. 2017, Общая геополитика: вопросы теории и методологии в географической интерпретации, М., ИНФА-М. EDN: XVFNFNH
4. Каледин, Н. В., Каледин, В. Н., Гресь, Р. А. 2018, Геополитические регионы и геополитическая регионализация общества, В кн.: Быков, Н. И. (ред.), Современные тенденции пространственного развития и приоритеты общественной географии, Барнаул, Алтайский государственный университет, с. 152—157. EDN: XWSPOX
5. Каледин, Н. В., Елацков, А. Б. 2020, Трансграничная регионализация: геополитический аспект, *Региональные исследования*, № 1, с. 65—75. EDN: FLWYUV

6. Cohen, S. B. 1973, *Geography and Politics in a World Divided*, N. Y., Oxford University Press.
7. Cohen, S. B. 2003, *Geopolitics of the world system*, Lanham, Rowman & Littlefield Publishers.
8. Diehl, P. F. 1999, *A road map to war: territorial dimensions of international conflict*, Nashville, L., Vanderbilt University Press.
9. Fisher, C. A. 1968, *Essays in Political Geography*, L., Routledge, <https://doi.org/10.4324/9781315748276>
10. Oakleaf, J. R., Kennedy, C. M., Baruch-Mordo, S. et al. 2015, A world at risk: aggregating development trends to forecast global habitat conversion, *PLOS ONE*, vol. 10, № 10, <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0138334>
11. Рябцев, В. Н. 2018, Геополитическое пространство современного мира в региональном измерении (опыт морфологического анализа), Ростов-на-Дону, Фонд науки и образования. EDN: ORWMRE
12. Ballesteros, M. A. 2015, Método para el Análisis de Regiones Geopolíticas (MARG), *Revista del Instituto Español de Análisis Estratégicos (IEEE)*, № 6, p. 1—47.
13. Корнеевец, В. С. 2010, Международная регионализация на Балтике, СПб., Изд-во СПбГУ. EDN: QUKLVV
14. Каледин, Н. В. 2021, Конфликтогенные регионы постсоветского пространства: опыт политико-географической типологии, В кн.: Дружинин, А. Г., Сидоров, В. П. (ред.), *Настоящее и будущее России в меняющемся мире: общественно-географический анализ и прогноз*, Ижевск, Удмуртский гос. ун-т, с. 94—100. EDN: VMSXMS
15. Монастырская, М. Е. 2023, «Циркумбалтийское пространство»: исторические предпосылки и теоретико-методологические основы делимитации, *Градостроительство и архитектура*, т. 13, № 1, с. 121—134, <https://doi.org/10.17673/Vestnik.2023.01.16>.
16. Клемешев, А. П., Корнеевец, В. С., Пальмовский, Т., Студжиницки Т., Федоров, Г. М. 2017, Подходы к определению понятия «Балтийский регион», *Балтийский регион*, т. 9, № 4, с. 7—28, <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2017-4-1>
17. Межевич, Н. М., Кретинин, Г. В., Федоров, Г. М. 2016, К вопросу об экономико-географической структуризации Балтийского региона, *Балтийский регион*, т. 8, № 3, с. 15—29, <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2016-3-1>.
18. Мечников, Л. И. 2008, Цивилизация и великие исторические реки (географическая теория прогресса и социального развития), *Среднерусский вестник общественных наук*, № 2 (7), с. 122—124. EDN: MSMVLF
19. Семенов-Тянь-Шанский, В. П. 1915, О могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк по политической географии, *Изв. Имп. Рус. геогр. о-ва*, вып. 8, <https://elibrigo.ru/handle/123456789/219184>
20. Engelbrekt, K. 2018, A brief intellectual history of geopolitical thought and its relevance to the Baltic Sea region, *Global Affairs*, <https://doi.org/10.1080/23340460.2018.1535256>
21. Koch, K. 2015, Region-Building and Security: The Multiple Borders of the Baltic Sea Region After EU Enlargement, *Geopolitics*, vol. 20, № 3, p. 535—558, <https://doi.org/10.1080/14650045.2015.1026964>
22. Ekengren, M. 2018, A return to geopolitics? The future of the security community in the Baltic Sea Region, *Global Affairs*, vol. 4, № 4-5, p. 503—519, <https://doi.org/10.1080/23340460.2018.1535250>
23. Haldén, P. 2018, Geopolitics in the changing geography of the Baltic Sea Region: the challenges of climate change, *Global Affairs*, vol. 4, № 4-5, p. 537—549, <https://doi.org/10.1080/23340460.2018.1502621>
24. Федоров, Г. М., Корнеевец, В. С. 2010, Трансграничная регионализация в условиях глобализации, *Балтийский регион*, № 4, с. 103—114, <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2010-4-10>
25. Федоров, Г. М. 2016, Возможные направления развития трансграничных связей субъектов Российской Федерации и стран Европейского Союза на Балтике, В кн.: Клемешев, А. П., Межевич, Н. М., Федоров, Г. М. (ред.), *Прибалтийские исследования в России*, Калининград, Изд-во БФУ им. И. Канта, 2016, с. 82—84, <https://doi.org/10.1080/23340460.2018.150262184>, EDN: XAPLOL
26. Федоров, Г. М., Зверев, Ю. М., Корнеевец, В. С. 2013, *Россия на Балтике: 1990—2012 годы : монография*, Калининград, Изд-во БФУ им. И. Канта, 252 с. EDN: SWPSQZ

27. Осмоловская, Л. Г. 2016, Механизм формирования трансграничных регионов с участием субъектов Российской Федерации и стран-членов Европейского союза, В кн.: Клемешев, А. П., Межевич, Н. М., Федоров, Г. М. (ред.), Прибалтийские исследования в России, Калининград, Изд-во БФУ им. И. Канта, с. 68—72. EDN: XAPLLJ

28. Sebentsov, A. B., Zotova, M. V. 2018, The Kaliningrad Region: Challenges of the exclave position and ways to offset them, *Baltic region*, vol. 10, № 1, p. 89—106, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-1-6>

29. Sebentsov, A. B. 2020, Cross-border cooperation on the EU-Russian borders: results of the program approach, *Geography, Environment, Sustainability*, vol. 13, № 1, p. 74—83, <https://doi.org/10.24057/2071-9388-2019-136>

30. Смирнов, П. Е. 2020, Эволюция политических приоритетов США в регионе Балтийского моря во втором десятилетии XXI века, *Балтийский регион*, т. 12, № 3, с. 4—25, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-3-1>

Об авторах

Николай Владимирович Каледин, кандидат географических наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: n.kaledin@spbu.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1436-7527>

Алексей Борисович Елацков, кандидат географических наук, Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Россия.

E-mail: elatskov@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6942-4950>



ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

GEOPOLITICAL REGIONALISATION OF THE BALTIC AREA: THE ESSENCE AND HISTORICAL DYNAMICS

N. V. Kaledin¹

A. B. Elatskov²

¹ Saint Petersburg State University,
7–9 Universitetskaya Nab., St. Petersburg, 199034, Russia

² North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
57/43 Sredny Prospekt, Vasilyevksy Island,
St. Petersburg, 199178, Russia

Received 06 November 2023

Accepted 15 January 2024

doi: 10.5922/2079-8555-2024-1-8

© Kaledin, N. V., Elatskov, A. V., 2024

The article discusses a theoretical framework for investigating regionalisation and geopolitical regionalisation, employing the activity-geospatial approach. The main theoretical foci of this study are system-forming, or region-building, socio-geo-adaptation and geopolitical

To cite this article: Kaledin, N. V., Elatskov, A. V. 2024, Geopolitical regionalisation of the Baltic area: the essence and historical dynamics, *Baltic region*, vol. 16, № 1, p. 141—158. doi: 10.5922/2079-8555-2024-1-8

relations. The article examines various types of transboundary and transnational geopolitical regionalisation as manifestos of geopolitical relations. These types are categorised based on scale, functional area, historical and geographical characteristics, quality, legal status and geospatial features, placing particular emphasis on the Baltic region. An essential aspect of studying a region involves identifying and defining its spatial boundaries. Since determining the exact limits of the Baltic region remains problematic, this article examines various approaches to address this issue, highlighting their strengths and weaknesses, particularly in the context of geopolitical analysis. The concluding part of the article explores several centuries of the evolution of the Baltic Sea region, divided into historical geopolitical stages. It is highlighted that the geopolitical essence of the Baltic region was changing radically over time. Particular attention is paid to the current state of the Baltic regional geopolitical entity, which is classified as a conflict-ridden or confrontational geopolitical region in the 'Eurasian arc of instability' interpreted as a geopolitical macroregion.

Keywords:

political geography, geopolitics, geopolitical region, geopolitical epochs, Baltic region, regional boundaries

References

1. Kolosov, V.A., Mironenko, N.S. 2001, Geopolitics and political geography, M., Aspect-Press. EDN: QQJUUN (in Russ.).
2. Kaledin, N. V. 1996, Political geography: origins, problems, principles of scientific conception, SPb., SPbSU Publ. EDN: TUYZXN (in Russ.).
3. Elatskov, A. B. 2017, General geopolitics: theoretical and methodological issues in geographical interpretation. M., INFRA-M. EDN: XVFNFH (in Russ.).
4. Kaledin, N. V., Kaledin, V.N., Gres, V.A. 2018, Geopolitical region and geopolitical regionalization of society, In: Bykov, N.I. (ed.), Modern trends in spatial development and priorities of social geography, Barnaul, Altai State University, p. 152—157. EDN: XWSPOX (in Russ.).
5. Kaledin, N. V., Elatskov, A. B. 2020, Geopolitical region and geopolitical regionalization of society, Regional Studies, № 1, p. 65—75. EDN: FLWYUV (in Russ.).
6. Cohen, S. B. 1973, Geography and Politics in a World Divided, N. Y., Oxford University Press.
7. Cohen, S. B. 2003, Geopolitics of the world system, Lanham, Rowman & Littlefield Publishers.
8. Diehl, P.F. 1999, A road map to war: territorial dimensions of international conflict, Nashville, L., Vanderbilt University Press.
9. Fisher, C.A. 1968, Essays in Political Geography, L., Routledge, <https://doi.org/10.4324/9781315748276>
10. Oakleaf, J. R., Kennedy, C. M., Baruch-Mordo, S. et al. 2015, A world at risk: aggregating development trends to forecast global habitat conversion, *PLOS ONE*, vol. 10, № 10, <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0138334>
11. Ryabtsev, V.N. 2018, Geopolitical space of the modern world in the regional dimension (experience of morphological analysis), Rostov-na-Donu. EDN: ORWMRE (in Russ.).
12. Ballesteros, M. A. 2015, Método para el Análisis de Regiones Geopolíticas (MARG), *Revista del Instituto Español de Análisis Estratégicos (IEEE)*, № 6, p. 1—47.
13. Korneevets, V.S. 2010, International regionalization in the Baltic, St. Petersburg. EDN: QUKLVV (in Russ.).
14. Kaledin, N. V. 2021, Conflict-prone regions of the post-soviet space: the experience of political-geographical typology, In: Druzhinin, A. G., Sidorov, V.P. (eds.), The Present and Future of Russia in a Changing World: SocioGeographical Analysis and Forecast, Izhevsk, Publishing Center "Udmurt University", p. 94—100. EDN: VMSXMS (in Russ.).
15. Monastyrskaya, M. Y. 2023, "Circumbaltian space": methodological priorities and regulatory grounds for delimitation, *Urban construction and architecture*, vol. 13, № 1, p. 121—134, <https://doi.org/10.17673/Vestnik.2023.01.16> (in Russ.).
16. Klemeshev, A. P., Korneevets, V. S., Palmowski, T., Studzieniecki, T., Fedorov, G.M. 2017, Approaches to the Definition of the Baltic Sea Region, *Baltic region*, vol. 9, № 4, p. 7—28, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2017-4-1>

17. Mezhevich, N. M., Kretinin, G. V., Fedorov, G. M. 2016, Economic and geographical structure of the Baltic sea region, *Baltic region*, vol. 8, № 3, p. 15—29, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2016-3-1>
18. Mechnikov, L. I. 2008, Civilization and great historical rivers (the geographical theory of progress and social development), *Central Russian Journal of Social Sciences*, № 2 (7), p. 122—124. EDN: MSMVLF (in Russ.).
19. Semyonov-Tyan-Shanskij, V. P. 1915, About powerful territorial possession in relation to Russia. An essay on political geography, *Izvestiya of the Imperial Russian Geographical Society*, LI (VIII), p. 425—457, <https://elib.rgo.ru/handle/123456789/219184> (in Russ.).
20. Engelbrekt, K. 2018, A brief intellectual history of geopolitical thought and its relevance to the Baltic Sea region, *Global Affairs*, <https://doi.org/10.1080/23340460.2018.1535256>
21. Koch, K. 2015, Region-Building and Security: The Multiple Borders of the Baltic Sea Region After EU Enlargement, *Geopolitics*, vol. 20, № 3, p. 535—558, <https://doi.org/10.1080/14650045.2015.1026964>
22. Ekengren, M. 2018, A return to geopolitics? The future of the security community in the Baltic Sea Region, *Global Affairs*, vol. 4, № 4-5, p. 503—519, <https://doi.org/10.1080/23340460.2018.1535250>
23. Haldén, P. 2018, Geopolitics in the changing geography of the Baltic Sea Region: the challenges of climate change, *Global Affairs*, vol. 4, № 4-5, p. 537—549, <https://doi.org/10.1080/23340460.2018.1502621>
24. Fedorov, G. M., Korneevets, B. C. 2010, Transborder regionalisation in the conditions of globalization, *Baltic region*, № 4, p. 103—114, <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2010-4-10>
25. Fedorov, G. M. 2016, Vozmozhnye napravleniya razvitiya transgranichnykh svyazey subjektov Rossijskoj Federacii i stran Evropejskogo Sojuza na Baltike, In.: Klemeshev, A. P., Mezhevich, N. M., Fedorov, G. M. (eds.), *Pribaltijskie issledovaniya v Rossii*, p. 82—84. EDN: XAPLOL (in Russ.).
26. Fedorov, G. M., Zverev, Yu. M., Korneevets, V. S. 2013, Rossiya na Baltike: 1990—2012 gody : monografiya [Russia in the Baltic: 1990—2012: monograph], Kaliningrad, 252 p. EDN: SWPSQZ (in Russ.).
27. Osmolovskaya, L. G. 2016, Mehanizm formirovaniya transgranichnykh regionov s uchastiem subjektov Rossijskoj Federacii i stran-chlenov Evropejskogo sojuza, In.: Klemeshev, A. P., Mezhevich, N. M., Fedorov, G. M. (eds.), *Pribaltijskie issledovaniya v Rossii*, Kaliningrad, p. 68—72. EDN: XAPLLJ (in Russ.).
28. Sebentsov, A. B., Zotova, M. V. 2018, The Kaliningrad Region: Challenges of the exclave position and ways to offset them, *Baltic region*, vol. 10, № 1, p. 89—106, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-1-6>
29. Sebentsov, A. B. 2020, Cross-border cooperation on the EU-Russian borders: results of the program approach, *Geography, Environment, Sustainability*, vol. 13, № 1, p. 74—83, <https://doi.org/10.24057/2071-9388-2019-136>
30. Smirnov, P. E. 2020, The evolution of US political priorities in the Baltic sea region in the 2010s, *Baltic region*, vol. 12, № 3, p. 4—25, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-3-1>

The authors

Dr Nikolai V. Kaledin, Saint Petersburg State University, Russia.

E-mail: n.kaledin@spbu.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1436-7527>

Dr Aleksei B. Elatskov, The North-West Institute of management of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia.

E-mail: elatskov@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6942-4950>



ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН»



Правила публикации статей в журнале

1. При подаче рукописи в журнал авторы подтверждают, что

- работа не была опубликована ранее в другом журнале;
- не находится на рассмотрении в другом журнале;
- все соавторы одобрили текст рукописи и согласны с ее публикацией в журнале «Балтийский регион».

Выявленные нарушения могут стать причиной снятия рукописи с рассмотрения. В случае если факт нарушения будет обнаружен после публикации статьи, редакция оставляет за собой право отзыва (ретракции) публикации.

2. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы.

3. Все присланные в редакцию работы проходят двойное «слепое» рецензирование, а также проверку системой «Антиплагиат», по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал.

4. Плата за публикацию рукописей не взимается.

5. Статьи на рассмотрение принимаются в режиме онлайн: <https://balticregioneditorial.kantiana.ru/jour/index>.

6. Решение о публикации (или отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

Комплектность и форма представления авторских материалов

Рекомендованный объем статьи — 40—50 тыс. знаков с пробелами.

Статья должна содержать следующие элементы:

1) название статьи на русском и английском языках (до 12 слов);

2) аннотацию на русском и английском языках (150—250 слов), оформленную в соответствии с международными стандартами и включающую:

- актуальность исследования;
- цель научного исследования;
- описание методологии исследования;
- основные результаты, выводы исследовательской работы.

В аннотации не должен повторяться текст самой статьи (нельзя брать предложения из статьи и переносить их в аннотацию), а также ее название. В ней не должно быть цифр, таблиц, внутритекстовых сносок и т. д.;

3) ключевые слова на русском и английском языках (4—8 слов);

4) список литературы должен составлять не менее 30 источников, не менее 50 % которых должны представлять современные (не старше 10 лет) публикации в международных изданиях. Оптимальный уровень самоцитирования автора — не выше 10 % от списка использованных источников.;

5) приставейные библиографические списки оформляются на языке оригинала и на латинице в соответствии с Harvard System of Referencing Guide;

6) сведения об авторах на русском и английском языках (Ф. И. О. полностью, ученые степени, звания, должность, место работы (организация, город, страна), почтовый адрес, e-mail, ORCID);

7) сведения о языке текста, с которого переведен публикуемый материал.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены в электронной форме в формате листа А4 (210 × 297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате doc и docx (Microsoft Office).

Подробная информация о правилах оформления текста, в том числе таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы, размещена на сайте <https://balticregion.kantiana.ru/jour/rules/>

BALTIC REGION

2024
Volume 16
№ 1

Kaliningrad :
I. Kant Baltic Federal
University Press, 2024.
162 p.

The journal
was established in 2009

Frequency:

quarterly
in the Russian and English
languages per year

Founders

Immanuel Kant Baltic
Federal University

Saint Petersburg
State University

Editorial Office

Address:
14 A. Nevskogo St.,
Kaliningrad, Russia, 236041

Managing editor:

Tatyana Kuznetsova
tikuznetsova@kantiana.ru

Tel.: +7 4012 59-55-43
Fax: +7 4012 46-63-13

www.journals.kantiana.ru

© I. Kant Baltic Federal
University, 2024

Editorial council

Prof **Andrei P. Klemeshev**, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia (Editor in Chief); Prof **Gennady M. Fedorov**, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia (Deputy Chief Editor); Dr **Tatyana Yu. Kuznetsova**, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia (Deputy Chief Editor); Prof Dr **Joachim von Braun**, University of Bonn, Germany; Prof **Irina M. Busygina**, Saint Petersburg Branch of the Higher School of Economic Research University, Russia; Prof **Aleksander G. Druzhinin**, Southern Federal University, Russia; Prof **Mikhail V. Ilyin**, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Russia; Dr **Pertti Joenniemi**, University of Eastern Finland, Finland; Dr **Nikolai V. Kaledin**, Saint Petersburg State University, Russia; Prof **Konstantin K. Khudolei**, Saint Petersburg State University, Russia; Prof **Frederic Lebaron**, Ecole normale superieure Paris-Saclay, France; Prof **Vladimir A. Kolosov**, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Russia; Prof **Gennady V. Kretinin**, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia; Prof **Andrei Yu. Melville**, National Research University — Higher School of Economics, Russia; Prof **Nikolai M. Mezhevich**, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Russia; Prof **Peter Oppenheimer**, Oxford University, United Kingdom; Prof **Tadeusz Palmowski**, University of Gdansk, Poland; Prof **Andrei E. Shastitko**, Moscow State University, Russia; Prof **Aleksander A. Sergunin**, Saint Petersburg State University, Russia; Prof **Eduardas Spiriajevas**, Klaipeda University, Lithuania; Prof **Daniela Szymańska**, Nicolaus Copernicus University in Torun, Poland; Dr **Viktor V. Voronov**, Daugavpils University, Latvia.

CONTENTS

Economy and Politics

- Voynikov, V.V.* Confiscation Estonian style: legal and political aspects of potential seizure of Russian assets in EU countries..... 4
- Zemtsov, S.P.* Sanctions risks and regional development: Russian case..... 23
- Frolova, E.V., Rogach, O.V.* A new role of cooperation under economic sanctions as seen by residents of the Kaliningrad region..... 46
- Trunov, Ph.O.* Military and political cooperation between Germany and Lithuania in the late 2010s to early 2020s..... 61

Society

- Talalaeva, E. Yu., Pronina, T.S.* Models for countering the segregation of ethnoreligious immigrant areas in Denmark and Sweden..... 81
- Balabeikina, O.A., Korobushchenko, V.Yu., Razumovsky, V.M.* Evangelical Lutheran church of Denmark: socioeconomic and territorial-organisational aspects... 100
- Kotomina, O.V., Tretiakova, E.A.* University performance and regional development: the case of Russia's North-West..... 117

Geopolitics

- Kaledin, N.V., Elatskov, A.B.* Geopolitical regionalisation of the Baltic area: the essence and historical dynamics..... 141

Научное издание

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

—
2024

Том 16

№ 1

Редактор *Е. Т. Иванова*
Компьютерная верстка *Е. В. Денисенко*

Подписано в печать 25.03.2024 г.
Формат 70 × 108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 14,4
Тираж 300 экз. (1-й завод 50 экз.). Заказ 29
Свободная цена

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236041, г. Калининград, ул. Невского, 14